П. С. БОТКИНЪ

КАРТИНКИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Издательство Е. Сіяльской
ПАРИЖЪ

П. С. БОТКИНЪ

КАРТИНКИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО Е. СІЯЛЬСКОЙ
ПАРИЖЪ

Вмѣсто предисловія

Съ тѣхъ поръ, что я себя помню, передо мною встаютъ образы писателей, художниковъ, музыкантовъ, артистовъ и ученыхъ.

Я еще не умѣлъ ни писать, ни читать, когда я сидѣлъ на колѣняхъ И. С. Тургенева и слушалъ, ничего не понимая, какъ Некрасовъ читалъ въ кабинетѣ моего отца свои послѣднія стихотворенія. Ребенкомъ я видѣлъ такъ называемыхъ людей 60-хъ годовъ. Они раздѣлялись на два лагеря — славянофиловъ и западниковъ. Во главѣ славянофиловъ стоялъ Самаринъ, западниками были Грановскій, Герценъ, Тургеневъ, Василій Петровичъ Боткинъ, Бѣлинскій и многіе другіе. Когда В. П. Боткинъ, старшій братъ моего отца, скончался, его пріятели перенеслись въ нашъ домъ. Отецъ мой, тогда еще совсѣмъ молодой профессоръ Медицинской Академіи, былъ душой цѣлой плеяды молодыхъ русскихъ ученыхъ, которые собирались у него по субботамъ, вечеромъ, и засиживались до поздней ночи. Поэты, музыканты, композиторы, драматурги и романисты смѣшивались на этихъ вечерахъ съ докторами, химиками, физіологами и математиками и всѣ вмѣстѣ за большимъ овальнымъ столомъ представляли изъ себя въ высшей степени своеобразное сборище.

— Какъ это такъ произошло, — спрашивали моего отца, — что вашъ пріятель профессоръ химіи Бородинъ сдѣлался знаменитостью какъ композиторъ, заслуженный профессоръ зоологіи Вагнеръ написалъ прелестныя фантастическія сказки для дѣтей, а Цезарь Кюи, читающій фортификацію въ Михайловской Артиллерійской Академіи, сочиняетъ романсы.

— Все это результаты субботнихъ вечеровъ, — шутилъ мой отецъ. — Когда музыканты, литераторы и ученые садятся за одинъ и тотъ же столъ и пьютъ чай изъ того же самовара, происходятъ метаморфозы — ученые становятся артистами и наоборотъ.

Отецъ мой самъ былъ большимъ любителемъ музыки и игралъ на віолончели. Будучи чрезвычайно занятымъ человѣкомъ, онъ не могъ отдавать музыкѣ много времени и потому техника его страдала, но музыкальное чутье было такъ развито, что онъ могъ на своихъ вечерахъ участвовать въ квартетахъ, не отставая отъ большихъ артистовъ.

Я слышалъ Антона Рубинштейна прежде, нежели могъ оцѣнить полностью его громадный талантъ, но я помню, съ какимъ благоговѣніемъ внимали игрѣ его всѣ наши гости; я вижу, какъ теперь, передъ собой Рубинштейна, вдохновеннаго за роялью, съ головой, напоминающей Бетховена, потрясающаго длинными прядями черныхъ волосъ, при чемъ онъ слегка рычалъ, какъ большая сенбернардская собака, ударяя по клавишамъ мощные аккорды. Онъ обливался потомъ, послѣ всякаго большого музыкальнаго произведенія, какъ напр., венгерская рапсодія Листа, и группа дамъ, всегда слѣдовавшая за нимъ, набрасывалась на него, ревниво сохраняя за собой прерогативы ухода за музыкальнымъ геніемъ. Знаменитая Лавровская пѣла у насъ,

Стрепетова декламировал, віолончелистъ Давыдовъ услаждалъ своимъ удивительнымъ смычкомъ, скромный и застѣнчивый Балакиревъ былъ нашимъ учителемъ музыки... всѣ они были частыми посѣтителями субботнихъ вечеровъ. Мой отецъ обладалъ необыкновенной притягательной силой. Всегда привѣтливый, радушный, онъ вліялъ на здоровыхъ, какъ и на больныхъ чарующимъ образомъ, чѣмъ и объясняется, что на его субботній «огонекъ» стекалось все, что было въ то время въ Петербургѣ выдающагося. Въ атмосферѣ царила какая то доброжелательная непринужденность, всѣмъ было какъ то уютно, пріятно, весело... Артисты брались за свои инструменты не потому, что ихъ просили играть, а потому, что имъ самимъ хотѣлось дать удовольствіе собравшимся вокругъ длиннаго стола гостямъ.

Я помню живописную лохматую голову проф. Менделѣева и добродушный смѣхъ закадычнаго друга отца моего знаменитаго физіолога проф. Сѣченова, и грозный кашель Салтыкова (Щедрина) и громкій голосъ Лихачева (городского головы Петербурга) и остроты адвоката Унковскаго и разсказы Горбунова...

Когда Иванъ Федоровичъ Горбуновъ былъ особенно въ ударѣ, онъ изображалъ изъ себя стараго отставного генерала недовольнаго современными порядками. Горбуновъ усаживался у самовара, пилъ красное вино и рѣшительно на все и на всѣхъ брюзжалъ и ворчалъ. Особенно доставалось молодому инженеру, Виктору Александровичу Крылову, младшему брату моей матери. Крыловъ неожиданно выступилъ въ качествѣ драматурга. Его пьесы съ большимъ успѣхомъ шли въ то время на Александринской сценѣ и тотъ же Горбуновъ въ нихъ игралъ.

— Ваше превосходительство, — спрашивалъ «гене-

рала» Горбунова мой отецъ, — что вы скажете про новую пьесу Виктора Крылова «По духовному завѣщанію»?

— Чортъ знаетъ до чего мы дожили, — ворчалъ генералъ, — инженеръ-молокососъ полѣзъ на Императорскую сцену дурь разводить и дураковъ плодить... Я бы этого мальчишку подъ арестъ посадилъ и далъ бы ему въ руки, вмѣсто пера, циркуль... пиши потомъ пьесы а ля Сарду... корчи изъ себя Викторіена... намъ Сарды не нужны... — и генералъ воспламенялся по мѣрѣ того, какъ осушалъ одинъ стаканъ за другимъ, а всѣ вокругъ и въ томъ числѣ мой дядя Викторъ Крыловъ хохотали до упаду.

Иногда къ намъ наѣзжалъ изъ Москвы поэтъ Фетъ. Настоящее имя его было Шеншинъ, помѣщикъ Афанасій Афанасіевичъ Шеншинъ, бывшій нѣкогда уланомъ. Женившись на сестрѣ моего отца Маріи Петровнѣ Боткиной, Шеншинъ вышелъ въ отставку и зажилъ въ Москвѣ, а лѣто проводилъ въ своемъ имѣніи, Воробьевкѣ, рядомъ съ Тургеневымъ, съ которымъ, какъ и съ графомъ Л. Толстымъ, находился въ тѣсной дружбѣ до конца. Шеншины не любили Петербурга, пріѣзжали только по дѣламъ, останавливались у насъ и уѣзжали какъ только могли. Пріѣздъ ихъ сопровождался цѣлымъ караваномъ деревенскихъ лакомствъ — особенная домашняя яблочная пастила, варенія, наливки и т. п. Мы называли Шеншиныхъ «старосвѣтскими помѣщиками» или «сосѣдями Лариныхъ» — ужъ больно они напоминали намъ эпоху Евгенія Онѣгина. Жили они въ своей Воробьевкѣ дѣйствительно такъ, какъ должны были жить въ то благодатное время сосѣди Лариныхъ, а въ Москвѣ домъ Шеншиныхъ напоминалъ мнѣ домъ Фамусова изъ «Горя отъ ума».

Однажды Афанасій Афанасіевичъ пріѣхалъ изъ Москвы въ сапогахъ работы графа Льва Николаевича Толстого. Нельзя сказать, чтобы это была изящная пара сапогъ, но Шеншинъ ею гордился.

— Эти сапоги, — говорилъ онъ, — были заказаны Тургеневымъ, но оказались ему не впору, а мнѣ какъ по мѣркѣ. Я ихъ и купилъ и вотъ теперь ношу — отъ этого цѣна ихъ только увеличится.

Писатель Д. В. Григоровичъ, очень остроумный и живой человѣкъ, при этомъ воскликнулъ: «Позвольте, Афанасій Афанасіевичъ, передъ тѣмъ, какъ будете сапоги сдавать въ музей, позвольте мнѣ ихъ почистить — отъ этого цѣна еще быть можетъ поднимется...

Раздалось рыканіе потревоженнаго льва. То былъ Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ (Щедринъ), который чертыхался и отплевывался.

— Тьфу, ты Господи, — ворчалъ онъ, — недостаетъ еще къ этимъ сапогамъ пришпилить этикетку: «сапоги шилъ Левъ Толстой, примѣрялъ Тургеневъ, носилъ Фетъ, чистилъ Григоровичъ, а оплевалъ Щедринъ», — вотъ ужъ въ самомъ дѣлѣ будетъ тогда настоящая музейная рѣдкость.

Я помню эту сцену какъ сейчасъ.

Сколько разъ я видѣлъ моего отца отъ души смѣющимся въ кругу своихъ друзей надъ чьей нибудь шуткой или удачнымъ словцомъ. Когда я подросъ онъ мнѣ говаривалъ: «запиши, Пѣтушекъ, эту прелесть, а то вѣдь пропадетъ, забудется...», и я записывалъ, но всѣ мои тетрадки, какъ и все, что у меня было въ Россіи, унесено безвозвратно большевицкимъ ураганомъ. Трудно теперь по памяти возстанавливать эпизоды повседневной жизни добрыхъ 50 лѣтъ тому назадъ.

**
*

Я не помню, когда я началъ писать. Я писалъ ребенкомъ, мальчикомъ, юношей — я писалъ безсознательно, писалъ потому, что вокругъ меня всѣ писали и я думалъ, что иначе и быть не можетъ, что всѣмъ на роду написано писать, но первыми проблесками литературнаго образованія я обязанъ Фету, моему дядѣ Афанасію Афанасіевичу Шеншину.

Въ одинъ изъ его пріѣздовъ въ Петербургъ Шеншинъ заговорилъ какъ то о молодежи, которая теряетъ много цѣннаго времени на писаніе.

— Пушитъ, пишутъ, — ворчалъ онъ, — а зачѣмъ они пишутъ? Всякій, кто можетъ держать перо въ рукахъ воображаетъ себя писателемъ. Гимназистъ, какъ студентъ, берутся за все, думаютъ, что романы писать — это все равно, что грядки копать въ огородѣ... Сколькихъ молодыхъ людей я уже обдалъ ушатомъ холодной воды, сказавъ, что ихъ поэмы, драмы, стансы не стоятъ выѣденнаго яйца... А съ нихъ, словно съ гуся вода... Ничего не дѣйствуетъ, продолжаютъ валять, не унывая... Мнѣ не бумагу жалко, а ихъ самихъ. Вѣдь времени то сколько загублено и какъ бы они могли это же время употребить себѣ на пользу и на радость... Такъ нѣтъ же, не слушаютъ старика. Вѣдь изъ тысячи только одинъ пробьется, но каждый хочетъ думать, что онъ то и есть этотъ тысячный. Ни время, ни неудачи, ни горькія разочарованія его въ этомъ не разубѣдятъ... просто болѣзнь какая то и ничего то противъ нея не подѣлаешь...

Я, конечно, и не претендовалъ быть писателемъ, но я тоже, какъ многіе гимназисты старшаго возраста, испытывалъ потребность строчить, и мнѣ страшно хотѣлось знать, что скажетъ Фетъ про мое «маранье», какъ

онъ выражался. Я рѣшился предложить подвергнуть себя испытанію.

— Съ большимъ удовольствіемъ, — согласился Афанасій Афанасіевичъ, — скажу тебѣ откровенно мое мнѣніе. Садись и напиши что-нибудь коротко, все равно что, какой нибудь пустякъ, что нибудь, что ты видѣлъ вчера или сегодня, но какъ написать я тебѣ не скажу — самъ долженъ знать. Сюжетъ мнѣ безразличенъ, но я по манерѣ передавать мысль, смогу угадать беллетриста.

У меня еще сохранились въ старой папкѣ два листа, на которыхъ я въ этотъ вечеръ нацарапалъ «Городское Происшествіе».

Привожу разсказъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ представленъ на судъ грознаго Фета.

ГОРОДСКОЕ ПРОИСШЕСТВІЕ

Картинка уличной жизни Петербурга

Въ Петербургѣ. Чудный весенній день. Ледъ прошелъ, но сирень еще не расцвѣла въ садахъ. Воздухъ свѣжъ, но солнце уже грѣетъ, и такъ свѣтло, прозрачно, легко и весело кругомъ, а между тѣмъ.... съ Николаевскаго моста, среди бѣла дня бросился въ воду человѣкъ.

Двѣ проѣзжавшія въ пролеткѣ дамы взвизгнули и участливо обернулись; нѣсколько человѣкъ подбѣжали къ периламъ и съ любопытствомъ и вниманіемъ устремили взоры внизъ. На Невѣ видны были только расходящіеся круги и въ центрѣ ихъ фетровая шляпа.

— Что случилось?

— Бросился... одинъ... вонъ и шляпа евонная...

— Ахъ!..

— Неизвѣстно, кто такой, — раздается дребезжащій женскій голосъ, — порядочный или простой?

Въ это время изъ воды показывается человѣческая голова. Утопающій барахтается на поверхности.

— Во, во, во... вотъ онъ, — обрадовались на мосту.

— Не принимаютъ, знать, тамъ, — замѣчаетъ мужичекъ, — вотъ его назадъ и выперло.

— Что-жъ его не спасаютъ? — заговорилъ авторитетнымъ тономъ господинъ въ цилиндрѣ — скорѣй бросайте ему буекъ, веревку, — командуетъ онъ кому то въ пространство, а гдѣ городовой?..

Тѣмъ временемъ утопающій, взмахнувъ въ послѣдній разъ руками, исчезаетъ подъ водой.

— Ахъ!..

— Да гдѣ же городовой?

Въ публикѣ оглядываются... А толпа на мосту становилась все гуще и гуще. Тутъ стоялъ и мальчишка продавецъ шведскихъ спичекъ и мальчишка — продавецъ бумаги и конвертовъ и нѣсколько мальчишекъ безъ спичекъ и конвертовъ, и чуйка, и картузъ, и дебелая кормилица въ красномъ бурнусѣ и кокошникѣ съ лентами, которую въ солнечные дни водятъ по набережной, и нянька съ ребенкомъ, и разнощикъ съ петкомъ на головѣ...

— Да городовой то гдѣ? — раздается опять авторитетный голосъ.

— Пришелъ, пришелъ...

Кто то съ портфелью подъ мышкой проѣзжая по мосту останавливаетъ извощика. Съ дѣловымъ видомъ господинъ въ золотыхъ очкахъ старается разсмотрѣть:

— Въ чемъ дѣло?... Упалъ кто?..

— Нѣтъ... а только вотъ человѣкъ бросился...

— Что же... вытащили?

— Нѣтъ... ушелъ.

Господинъ съ портфелью подъ мышкой и въ золотыхъ очкахъ съ тѣмъ же дѣловымъ видомъ посмотрѣлъ на часы, толкнулъ извощика и поѣхалъ дальше.

Прошло еще немного времени, какъ изъ подъ моста показывается барка. Два мужика при помощи длинныхъ шестовъ медленно двигали огромнымъ баркасомъ съ дровами.

— Эй, вотъ сюда, ребята, — кричатъ сверху, — скорѣй...

Барка подплываетъ къ мѣсту происшествія.

Нѣсколько голосовъ сверху закричало «здѣсь, здѣсь», особенной пронзительностью отличался голосъ курсистки, которая, перегнувшись черезъ перила энергично мотала остриженной головой.

— Нѣтъ, ужъ теперь, пожалуй, поздно, — замѣтилъ кто то въ толпѣ.

— Именно, что такъ, а вотъ когда онъ выплылъ, ему веревочку протянуть или буечекъ выбросить...

Мужики на баркасѣ методично опускаютъ и вынимаютъ изъ воды свои длинныя палки, смотрятъ вверхъ, что то кричатъ, имъ что то отвѣчаютъ... наконецъ, они вылавливаютъ шляпу утопленника, встряхиваютъ ее, осматриваютъ...

— Нѣтъ, имъ не достать... не достать... а вотъ водолаза бы...

— Нѣтъ, да и для водолаза поздно.

Одна баба заохала, другая стала причитать: «Охъ, ты бѣдненькій, ты... и чтой ты, прости Господи, грѣха не убоялся ты... бѣдненькій... Господи помилуй»...

— Что это народъ смотритъ?

— Человѣкъ, говорятъ, утонулъ...

— Я то съ Васильевскаго Острова шелъ... смотрю на мостъ, человѣкъ черезъ рѣшетку лѣзетъ... да такъ прямо...

Центральное вѣдомство

Поступить на службу въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ простому смертному не такъ-то легко.

Я воображалъ, что всякій молодой человѣкъ съ дипломомъ высшаго образованія и болѣе или менѣе спеціально подготовленный для службы по вѣдомству Иностранныхъ Дѣлъ, будетъ принятъ съ удовольствіемъ.

Я ошибался. Мнѣ пришлось въ этомъ убѣдиться при первомъ знакомствѣ съ главарями этого учрежденія.

Министерству, въ сущности, ни до меня, ни до моихъ дипломовъ ровно никакого дѣла нѣтъ; въ услугахъ моихъ оно вовсе не нуждается, знать меня не знаетъ и знать не хочетъ.

Безпрепятственный доступъ въ министерство открытъ лицеистамъ. Молодые люди изъ этого привиллегированнаго учебнаго заведенія прямо со школьной скамьи переходятъ въ Министерство, какъ изъ одной комнаты въ другую. Это ихъ право. Для остальныхъ никакихъ опредѣленныхъ правилъ не имѣется. Принимаютъ кого хотятъ. Образовательный цензъ въ разсчетъ не идетъ. Въ Министерство поступаютъ недоросли, не окончившіе — а то и не начинавшіе — никакого учебнаго заведенія.

Какой то критерій, все же, существуетъ, въ силу котораго одни любы, а другіе не любы. Одни жданные и желанные, а другіе — непрошенные гости.

Я, очевидно, принадлежу къ послѣдней категоріи.

— У меня нѣтъ свободныхъ стульевъ, — сказалъ мнѣ министръ, — очень сожалѣю... Приходите осенью, — добавилъ Н. К. Гирсъ, любезно меня выпроваживая...

***

Я пришелъ. На лицахъ моихъ будущихъ начальниковъ я прочелъ: «что ты къ намъ пристаешь? Мы тебѣ сказали «приходите осенью», чтобы отъ тебя отдѣлаться любезной фразой, а ты, наивный глупецъ, вообразилъ, что мы тебя въ самомъ дѣлѣ поджидаемъ».

Быть можетъ, я читалъ невѣрно на восковыхъ физіономіяхъ сановниковъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, но, судя по кислому виду цербера, отворившаго мнѣ дверь въ это святилище, я долженъ былъ понять, что я сюда не званъ.

Для того, чтобы быть зачисленнымъ въ качествѣ «сверхштатнаго причисленнаго» къ одному изъ Департаментовъ, нужно пройти еще черезъ одно испытаніе: дается разобрать объемистое «дѣло» и предлагается составить письменное «резюме» дѣла. Полагаю, что это дѣлается для того, чтобы убѣдиться въ томъ, грамотенъ ли поступающій на службу чиновникъ. Послѣ этой формальности остается еще выждать появленія циркуляра Министерства.

Какъ только вышелъ «Приказъ» о моемъ назначеніи, слѣдуя установившемуся обычаю, я облекся въ виц-мундиръ, «расписался» у министра и обошелъ всѣхъ начальниковъ. Каждый изъ нихъ говорилъ мнѣ

приблизительно одно и то же: «очень радъ»... «садитесь»... и затѣмъ, черезъ двѣ минуты вставалъ и отпускалъ меня. Одни произносили это ласковѣе, другіе посуше, но въ общемъ я вынесъ впечатлѣніе, что принимая меня, начальники исполняютъ скучную служебную формальность и рады отбыть ее поскорѣе. Только одинъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «хорошій ли у васъ почеркъ?».

Въ первую минуту я подумалъ, что сановникъ шутитъ, но восковая физіономія его не дрогнула. Онъ смотрѣлъ на меня совершенно серьезно своими блѣдными оловянными глазами.

— Разборчивый почеркъ, ваше превосходительство, — отвѣтилъ я, сохраняя тотъ же серьезно-дѣловой видъ.

***

Итакъ, я былъ причисленъ къ Азіатскому Департаменту.

Двѣ залы со шкапами, столами, бумагами и чиновниками. Въ одной изъ залъ помѣщается Ближній Востокъ, т. е. Балканскій полуостровъ, въ другой, которая поменьше, — весь Дальній Востокъ, т. е. Персія, Китай, Японія и пр.

Я попалъ въ первую залу; точнѣе выражаясь, я нахожусь въ Турецкомъ столѣ. У меня есть начальникъ, онъ называется «дѣлопроизводитель» VIII класса, надъ нимъ есть еще начальникъ — дѣлопроизводитель VII класса. Всѣ они подчинены «дѣлопроизводителю VI класса, который вмѣстѣ съ тѣмъ начальникъ всей залы. Онъ сидитъ по срединѣ залы за маленькимъ столомъ и управляетъ всѣми нами. Его называютъ начальникомъ отдѣленія., Въ слѣдующей

залѣ имѣется такой же начальникъ отдѣленія. Они переговариваются между собой, какъ капитаны двухъ кораблей одной и той же компаніи. А мы всѣ, маленькіе чиновники, составляемъ экипажъ этихъ кораблей, только вмѣсто палубы — у насъ столы, вмѣсто парусовъ, — бумаги, вмѣсто канатовъ — перья въ рукахъ... Мы сидимъ за столами, пишемъ, куримъ и разговариваемъ. Разговариваемъ больше, нежели куримъ, куримъ больше, нежели пишемъ, а корабль тѣмъ временемъ плыветъ, медленно подвигаясь въ невѣдомое мнѣ пространство.,..

Описанными двумя залами не заканчивается весь Азіатскій Департаментъ. По другую сторону коридора, этой важной артеріи Министерства, въ маленькой комнатѣ, выходящей на дворъ сидитъ какое то допотопное животное. Его называютъ вице-директоромъ департамента. Мелкіе чиновники не имѣютъ съ нимъ никакого прямого общенія и вообще онъ рѣдко появляется въ нашей залѣ, но его можно видѣть, проходя по корридору въ открытую дверь его клѣтки. Говорятъ, онъ большой работникъ. Охотно этому вѣрю, потому что онъ всегда тутъ, въ своей берлогѣ, сидитъ наклонившись грузной, безформенной массой надъ письменнымъ столомъ и копошится въ бумагахъ...

Кромѣ вице-директора есть еще директоръ или, какъ его называютъ, начальникъ департамента. Это совсѣмъ важная птица. У него — большой кабинетъ и пріемная. Къ нему ходятъ всевозможные посѣтители, начиная съ иностранныхъ пословъ и посланниковъ и элегантныхъ дамъ и кончая черногорскими выходцами и сербскими студентами.

Когда начальникъ департамента приходитъ въ министерство, на порогѣ нашей залы появляется курьеръ

и произноситъ магическое слово: «пришелъ». Тотчасъ же оба начальника нашихъ двухъ залъ вскакиваютъ и съ дѣловымъ и озабоченнымъ видомъ направляются въ кабинетъ начальника. Они несутъ ему бумаги для подписи, бумаги, которыя мы наканунѣ написали, переписали, записали въ журналъ и занесли въ архивъ...

, «Прошла бумага» или «не прошла» — вотъ термины, которые понятны всякому чиновнику. «Прошла» — значитъ, бумага была подписана начальствомъ, «не прошла» — значитъ бумагу снова придется переписать — иногда изъ-за одного слова.

Я не скоро уразумѣлъ смыслъ оффиціальной переписки и позналъ всѣ чары бюрократическаго слога. Мнѣ долго представлялось непонятнымъ, почему административному механизму нужна такая масса бумагъ. По разнымъ пустяшнымъ дѣламъ, одинъ Департаментъ сносится съ другимъ «отношеніями», одно Отдѣленіе переписывается съ другимъ, одинъ столъ пишетъ другому столу... уже не говоря о томъ, что оффиціальная переписка обставлена довольно сложной процедурой и неизбѣжной потерей времени. Каждая бумага имѣетъ свой черновикъ, черновикъ переписывается, заносится въ журналъ, номеруется и остается въ дѣлѣ, а переписанная бумага сдается къ подписи и затѣмъ ужъ поступаетъ въ экспедицію для запечатанія и отправки по назначенію.

Къ чему такая волокита, излишняя трата труда, расходъ на бумагу и проч.? Казалось бы такъ просто по нѣкоторымъ дѣламъ обмѣниваться устными сообщеніями, по другимъ — замѣнить старый порядокъ непосредственной передачей чиновниками тѣхъ или иныхъ свѣдѣній въ формѣ краткихъ записокъ.

Я какъ-то рѣшился высказать мои соображенія по этому предмету одному испытанному бюрократу.

— Вы это что? — произнесъ онъ, взглянувъ на меня съ недоумѣніемъ, — сокращать переписку вздумали... а потомъ вамъ понадобится чего добраго еще упразднить департаментъ?.. Потрясаете основы нашей государственности, милостивый государь мой... революціонеръ! — добавилъ онъ полу-шутя, полу-серьезно.

Послѣ этого я больше этотъ вопросъ не затрагивалъ.

Рядомъ съ оффиціальной стороной, т. е. съ тѣмъ, что на чиновничьемъ языкѣ именуется «присутственнымъ мѣстомъ», протекала довольно оживленная жизнь Министерства въ корридорахъ, на лѣстницахъ, въ чайныхъ и пріемныхъ комнатахъ.

Темная лѣстница, темные, грязные корридоры, заставленные шкафами, сѣрыя каменныя плиты... кажется, не очень заманчивое зрѣлище, а какое движеніе по нимъ, какое разнообразіе типовъ, національностей, стекающихся сюда со всѣхъ концовъ свѣта., Всякій, имѣющій какое-либо касательство къ Министерству Иностранныхъ Дѣлъ, допускается въ корридоры и можетъ по нимъ безпрепятственно разгуливать въ присутственные часы. Министерскіе корридоры — нѣчто среднее между клубомъ и театральнымъ фойе.

Извѣстно, что всѣ новости исходятъ изъ темныхъ угловъ корридоровъ, откуда они проникаютъ въ чайныя комнаты и потомъ уже распространяются по городу. Какъ рождаются слухи, никто не знаетъ, никто за нихъ не отвѣчаетъ, но всѣ ихъ передаютъ изъ устъ въ уста, добавляя и искажая новость по усмотрѣнію.

Министерство Иностранныхъ Дѣлъ расположено въ трехъ этажахъ громаднаго казеннаго зданія, построеннаго полукругомъ на площади передъ Зимнимъ Дворцомъ. Выѣзжая изъ подъ арки съ Морской, извозчику нужно сказать: «второй подъѣздъ направо».

Маленькое крыльцо, низенькая передняя, заставленная вѣшалсками, въ глубинѣ — лѣстница. Сколько разъ, поднимаясь по этой лѣстницѣ, мнѣ припоминались предсмертныя слова Гете: «mehr Licht». «Больше свѣту» — какъ эти слова примѣнимы не только къ министерской лѣстницѣ, но и ко всему Министерству!

Въ каждомъ этажѣ, кромѣ корридоровъ, есть еще одно сборное мѣсто для господъ чиновниковъ — чайная комната. Это учрежденіе болѣе замкнутое нежели корридоры. Посторонніе туда не вхожи. Въ чайной собираются чиновники одного и того же департамента. Тамъ стоитъ неизсякаемый самоваръ и вокругъ него бьетъ ключемъ министерская жизнь. Чай пьютъ всѣ, отъ мала до велика. Департаменты пустѣютъ въ чайное время. Тѣ, кто заняты какой-либо спѣшной работой, посылаютъ курьера за стаканомъ чая и выпиваютъ его, не отрываясь отъ стола.

Кромѣ чайнаго хозяйства, въ каждомъ департаментѣ и въ каждой канцеляріи есть еще «чай у Министра».

Если вы зайдете въ Министерство послѣ четырехъ часовъ и пожелаете видѣть одного изъ начальниковъ этого учрежденія, курьеръ вамъ неизмѣнно отвѣтитъ: «Придется подождать, они у министра чай пьютъ».

Къ чаю у министра собираются лишь высшіе сановники, такъ сказать, сливки нашего вѣдомства. Что тамъ творится, намъ, мелкимъ чиновникамъ, неизвѣстно. Мы только можемъ судить, въ какомъ настроеніи

вернулся послѣ чаепитія у министра нашъ начальникъ. Въ хорошемъ — подписываетъ наши бумаги, едва читая, только понюхавъ ихъ; въ дурномъ — летятъ бумаги обратно для переписки.

Иногда, какъ крохи съ чайнаго стола министра, намъ передаютъ новости: «Такой-то посланникъ при смерти. На его мѣсто будетъ назначенъ Петровъ. Это ему уже давно обѣщано, А на мѣсто Петрова — представьте себѣ — Ивановъ, но вы не угадаете, кто получаетъ мѣсто Иванова? Подумайте только — Сидоровъ. Сидоровъ. Да!.. Вотъ счастливецъ, но это чортъ знаетъ что такое... такая несправедливость»...

Случается, что этотъ Сидоровъ находится тутъ же въ корридорахъ и тѣ самые, которые считали назначеніе «чертовски несправедливымъ», черезъ минуту подносили «счастливцу» добрую вѣсть, дружески пожимая ему руку. Сидоровъ, обынковенно, отбояривался отъ этихъ поздравленій. «Перестаньте, господа», говорилъ онъ, «здѣсь нѣтъ доли правды, — пустой слухъ, увѣряю васъ... Я объ этомъ въ первый разъ слышу».

Никто ему не вѣритъ и каждый въ душѣ думаетъ: «Такъ я тебѣ и повѣрю, что ты ничего объ этомъ не знаешь... Самъ себѣ это устроилъ, интриганъ».

Справедливость требуетъ отмѣтить, что не всегда распространяемые въ корридорахъ слухи о назначеніяхъ Петрова, Иванова, Сидорова отвѣчаютъ дѣйствительности, но это не мѣшаетъ возникновенію новыхъ слуховъ о новыхъ перемѣнахъ въ составѣ Министерства. Слухи эти всегда съ жадностью подхватываются, разносятся по городу съ быстротою вѣтра и неизмѣнно производятъ волненіе въ томъ мірѣ, который въ газетахъ называется «дипломатическими сферами».

**
*

Чиновникъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ не считается настоящимъ дипломатическимъ чиновникомъ, пока онъ не сдастъ дипломатическій экзаменъ., Только послѣ этого испытанія чиновникъ, такъ сказать, достигаетъ своего служебнаго совершеннолѣтія и становится полноправнымъ.

Дипломатическій экзаменъ былъ установленъ еще во времена князя Горчакова.

Злые языки утверждаютъ, что эта форма ценза была изобрѣтена для молодыхъ людей съ «домашнимъ образованіемъ», ибо — какъ я уже говорилъ — въ наше вѣдомство принимаются недоросли, не продѣлавшіе никакой школы. Для нихъ, какъ и для тѣхъ, кто ихъ опредѣлилъ въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, дипломатическій экзаменъ является въ нѣкоторомъ родѣ оправдательнымъ документомъ для дальнѣйшаго движенія по службѣ.

Экзаменъ этотъ по программѣ своей не мудреный, но на самомъ дѣлѣ онъ довольно коварный. Его коварство заключается въ томъ, что, хотя онъ обставляется очень торжественно, въ дѣйствительности, представляетъ изъ себя пустую комедію. На этихъ экзаменахъ проваливаются тѣ, кого почему - либо хотятъ провалить, и, наоборотъ, экзаменъ выдерживаютъ молодые люди, не сумѣвшіе отвѣтить ни на одинъ изъ предложенныхъ имъ вопросовъ.

Много анекдотовъ сложилось о дипломатическихъ экзаменахъ и каждый новый экзаменъ даетъ обильную пищу коридорнымъ краснобаямъ.

Я нашелъ, что обстановка экзамена нѣсколько театральная. На застѣнчиваго она должна производить

впечатлѣніе. Экзаменующагося вводятъ въ кабинетъ товарища министра, гдѣ за большимъ столомъ сидятъ сановники въ вицъ-мундирахъ со звѣздами. Это — экзаменаціонная комиссія.

Когда я сидѣлъ передъ этимъ блестящимъ ареопагомъ, мнѣ было какъ-то совѣстно смотрѣть на сановниковъ. Я боялся, что они прочтутъ на моемъ лицѣ то, что я о нихъ думалъ. Не знаю, кто передъ кѣмъ дурака ломалъ — я-ли передъ сановниками, или сановники передо мною, — во всякомъ случаѣ, экзаменъ мой не долго длился. Я былъ отпущенъ съ комплиментами. «Благодарю васъ, — сказалъ мнѣ мой главный начальникъ, вы блестяще поддержали традиціи Азіатскаго департамента».

На слѣдующій день я поставилъ большой пирогъ въ чайную департамента. Это тоже наша традиція. Послѣ экзаменовъ, какъ и послѣ назначеній, пасхальныхъ наградъ и т. п., нужно заказать пирогъ у Берена и послать его въ чайную. Именинники тоже поставляютъ пироги, проигранное пари зачастую заканчивается пирогомъ, такъ что рѣдкая недѣля проходитъ у насъ безъ угощенія.

Лѣтомъ, мой департаментъ принимаетъ болѣе симпатичный обликъ.

Во первыхъ, открывается дверь на балконъ и въ затхлую атмосферу, насыщенную бюрократическими микробами, врывается струя свѣжаго воздуха. Во вторыхъ, лѣтомъ, департаментъ пустѣетъ, большая часть чиновниковъ разъѣзжается — кто въ отпускъ, кто въ деревню, кто на дачу. Начальства не видать. Курьеры съ важнымъ видомъ развозятъ наши бумаги по заго-

роднымъ резиденціямъ начальниковъ. Въ городѣ остаются лишь рабочія руки.

Какъ это ни кажется парадоксально, но работа лѣтомъ идетъ какъ-то скорѣе, нежели зимой, когда мы въ полномъ составѣ. Общая судьба и работа сближаютъ остающихся лѣтомъ чиновниковъ. Они больше видятся между собой, зачастую проводятъ вмѣстѣ вечера въ опустѣвшемъ городѣ и отъ времени до времени собираются другъ у друга «повинтить».

Лѣтомъ точно спадаетъ всякая бюрократическая маска, дышется привольнѣе и сами чиновники становятся людьми со всѣми человѣческими качествами, слабостями и недостатками.

Поступая въ министерство, я воображалъ, что министерство представляетъ изъ себя нѣчто единое, крѣпко сплоченное. Министръ иностранныхъ дѣлъ рисовался мнѣ какъ капельмейстеръ, управляющій стройнымъ оркестромъ.

Не тутъ то было.

Если можно министерство уподобить оркестру, то нельзя сказать, чтобы среди музыкантовъ царила гармонія.

Во первыхъ, дирижера въ сущности нѣтъ. Министра мы никогда не видимъ. Онъ гдѣ-то тамъ, за закрытыми дверями, охраняемый министерскими собаками — курьерами. Къ нему имѣютъ доступъ лишь набольшіе нашего вѣдомства, а съ набольшими у насъ, маленькихъ чиновниковъ, тоже мало общенія. Во вторыхъ, общественное положеніе и интересы нашихъ чиновниковъ до такой степени разнородны, что трудно было бы заставить ихъ пѣть въ унисонъ. Каждый департаментъ живетъ болѣе или менѣе своею жизнью и

имѣетъ мало касательства съ прочими частями министерства. Рѣдко министерство бываетъ въ полномъ сборѣ. Разъ въ году у министра «раутъ», на который приглашаются «чины вѣдомства», но на этихъ свѣтскихъ собраніяхъ большинство чиновниковъ министерства играетъ роль толпы на театральныхъ сценахъ. Они болѣе или менѣе стушевываются передъ прочими приглашенными, имѣя лишь декоративное значеніе, какъ казенная мебель въ министерскихъ палатахъ.

Кромѣ раута у министра, министерская «семья» собирается еще на такъ называемыя «казенныя» панихиды. Когда умираетъ заграницей одинъ изъ нашихъ представителей, въ министерской церкви заказывается панихида. Чиновники приходятъ въ вицъ - мундирахъ, старшіе становятся впереди и принимаютъ грустно - сосредоточенный видъ. Остальные располагаются сзади, какъ попало. Всѣ имѣютъ видъ, что исполняютъ служебную обязанность, но мало кому какое дѣло до почившаго. Въ заднихъ рядахъ идетъ шопотомъ разговоръ: «Кто бы сказалъ? Развѣ онъ былъ боленъ?.. Я ничего не зналъ... говорятъ, его уже давно считали отпѣтымъ... слышали, кого на его мѣсто прочатъ?.. да нѣтъ, вы шутите... не можетъ быть... увѣряю васъ... да вѣдь ему давно это обѣщано»...

Я не знаю ничего болѣе леденящаго этихъ «казенныхъ» панихидъ. Отъ нихъ вѣетъ холодомъ, какъ отъ каменныхъ плитъ министерскихъ корридоровъ.,..

Трудно дать характеристику нашего чиновнаго состава — ужъ больно элементы разнообразные. Есть чиновники дѣльные и способные, а есть и никуда не

годные, есть работящіе и ничего не дѣлающіе, есть бѣдные, есть и богатые, есть образованные, а есть и круглые невѣжды.

Вообще говоря, чиновниковъ можно раздѣлить на двѣ группы: на сыновъ и пасынковъ. Однимъ легко живется на службѣ, другимъ туго приходится. Однимъ бабушка ворожитъ, другіе — въ потѣ лица пробиваютъ себѣ дорогу и далеко не всегда успѣваютъ.

Почему одни чиновники — сыны, а другіе пасынки, я не съумѣю сказать. Предпочтеніе, оказываемое начальствомъ однимъ передъ другими, сказывается преимущественно въ движеніи по службѣ чиновниковъ.

Строго говоря, существуетъ принципъ старшинства и его какъ будто старается придерживаться наше начальство, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ «интересы службы» требуютъ отступленія. Кромѣ «интереса службы», указываютъ и на постороннія вліянія, нарушающія нормальный ходъ службы.

Я знаю, что многихъ коробитъ предпочтеніе, оказываемое однимъ передъ другими, но служба наша такова, что дѣйствительно нельзя не считаться съ личнымъ и спеціальнымъ характеромъ ея въ щекотливомъ вопросѣ о назначеніяхъ чиновниковъ, въ особенности на заграничные посты. Весь вопросъ сводится къ тому: чѣмъ именно руководится начальство въ выборѣ чиновниковъ для назначенія на тотъ или другой постъ?

Сдается мнѣ, что здѣсь переходъ отъ мудраго разумѣнія къ беззастѣнчивому произволу весьма легокъ. Другими словами, надъ соображеніями дѣлового характера зачастую беретъ верхъ фаворитизмъ и капризъ начальства.

Все это, однако, не такъ то легко уловимо потому,

что даже самый отчаянный фаворитизмъ всегда можно болѣе или менѣе маскировать «интересами службы», «требованіями извѣстнаго момента», «полиитческими соображеніями» и т. п. чреватыми фразами, которыя зачастую приходится слышать въ министерствѣ.

Итакъ, принципъ старшинства остается принципомъ для движенія по службѣ чиновниковъ. Отступленія отъ этого принципа часты. Они всегда обоснованы, но далеко не всегда убѣдительны и обыкновенно возбуждаютъ чувства недовольства среди служащихъ. Недовольными являются, во первыхъ, тѣ, кто считаютъ себя «обойденными», во вторыхъ, тѣ, которые находятъ, что они имѣютъ столько же правъ на то или другое мѣсто, какъ и тотъ счастливецъ, которому оно досталось.

Частыя нарушенія старшинства породили между чиновниками соревнованія — нѣчто вродѣ скачки съ препятствіями, всякій разъ, какъ освобождается какой либо постъ. Чѣмъ постъ представляется желательнѣе, тѣмъ болѣе на него конкуррентовъ. Въ корридорахъ министерства и въ чайныхъ комнатахъ держатъ пари за того или другого кандидата. Выигрываетъ скачку только одинъ, остальные же пополняютъ ряды недовольныхъ, обиженныхъ, озлобленныхъ...

Разумѣется, все это ненормально, но какъ положить конецъ такому порядку вещей?

Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, требовать отъ начальства безусловнаго подчиненія принципу старшинства, но съ другой стороны какъ гарантировать служебный людъ отъ произвола начальства?

По моему, есть только одно средство: установить конкурсную систему для движенія по службѣ, но если я

осмѣлюсь выступить съ подобнымъ предложеніемъ, меня, по всей вѣроятности, заѣдятъ... Опять скажутъ: «подрываете основы» и т. п.

Есть еще много другихъ ненормалныхъ явленій на нашей службѣ. Напримѣръ, распредѣленіе труда: почему одни работаютъ, а другіе ничего не дѣлаютъ. Одни надрываются надъ работой, другіе бьютъ баклуши. Почему такая неравномѣрность? Почему молодые люди съ высшимъ образованіемъ изъ года въ годъ переписываютъ однѣ и тѣ же пустыя по содержанію бумаги? Почему ихъ не знакомятъ со всѣми отраслями министерства, а держатъ привинченными къ одному столу? Почему ровно ничего не дѣлается для серьезной подготовки будущихъ дипломатовъ?..

Насколько я могу судить, все дѣло, вся работа нашего вѣдомства держится въ рукахъ двухъ-трехъ лицъ. Остальные или заняты механическимъ трудомъ — перепиской, шифрованіемъ, составленіемъ бумагъ по извѣстному шаблону, или же просто ничего не дѣлаютъ.

Конечно, все это неправильно поставлено, невѣрно ведется, все это ждетъ мощной руки реформатора. Придетъ-ли онъ? Во всякомъ случаѣ я его не поздравляю — придется имѣть дѣло съ невѣроятно сильнымъ тормазомъ, который именуется «бюрократической рутиной»...

Я пробылъ въ министерствѣ ровно три года въ скромномъ положеніи «причисленнаго» къ Департаменту чиновника. Наконецъ, выпало и на мою долю получить штатное мѣсто. Открывалась ваканція «дѣлопроизводителя VIII класса» и по старшинству моему въ

департаментѣ мнѣ можно было надѣяться получить это высокое назначеніе.

Но вышло гораздо лучше. Случайно узналъ я, что гдѣ-то далеко, за морями, и долами, есть свободное мѣсто второго секретаря скромной миссіи. Никому это мѣсто не было «обѣщано», не было какъ будто и охотниковъ на него...

Я подумалъ: разъ я могу считаться кандидатомъ на постъ «дѣлопроизводителя», пожалуй наши набольшіе не сочтутъ дерзновеннымъ съ моей стороны, если я попрошу быть назначеннымъ младшимъ секретаремъ нашей миссіи въ Вашингтонѣ.

Къ удивленію моему никакихъ препятствій я не встрѣтилъ. Меня выслушали болѣе или менѣе равнодушно: мѣсто въ Вашингтонѣ дѣйствительно было свободное и никто, повидимому, на него не зарился.

Одинъ изъ моихъ начальниковъ, когда я откровенно высказалъ ему свое желаніе, взглянулъ на меня своими блѣдными глазами и произнесъ: «Подумали ли вы, что вамъ предстоитъ вскорѣ получить штатное мѣсто въ центральномъ вѣдомствѣ? Другой, очевидно, принимая къ сердцу мою судьбу, захотѣлъ дать мнѣ добрый совѣтъ: «Подождите, сказалъ онъ, не торопитесь. Въ скоромъ времени освободится постъ второго секретаря въ Бернѣ. Быть можетъ вамъ удастся получить это назначеніе. Бернъ — скучное мѣсто, но все же въ центрѣ Европы, а не на краю свѣта, какъ Вашингтонъ».

Странно, какъ у насъ не любятъ отдаленныхъ постовъ. Америку особенно избѣгаютъ... «Помилуйте, говорятъ, вѣдь оттуда письма въ Россію приходятъ только черезъ три недѣли!»... Кромѣ того, Америки боялись изъ-за дороговизны жизни. Есть и еще одно соображеніе чисто служебнаго характера, которое такъ рельеф-

но высказалъ одинъ мой пріятель - чиновникъ: «Ѣхать въ Америку — вѣдь это все равно, что добровольно отправляться на тотъ свѣтъ. Кто разъ туда попалъ — крышка! Оттуда не выберетесь, голубчикъ мой. Пиши пропало. Забудутъ!»...

***

Департаментъ далъ мнѣ «прощальный» обѣдъ у Кюба. Противъ обыкновенія обѣдъ былъ оживленный, потому что высшее начальство отсутствовало. Собрались только «свои», т. е. ближайшіе сотрудники по службѣ — весь мой Ближній Востокъ и кое-кто изъ Дальняго.

Старшій изъ всѣхъ насъ Гартвигъ, милѣйшій, симпатичнѣйшій Николай Генриховичъ. Онъ былъ особенно въ ударѣ въ этотъ вечеръ. Когда начались тосты и всѣ мы были болѣе или менѣе весело настроены, Гартвигъ спросилъ бумаги и карандашъ. Подложивъ тарелку подъ листъ бумаги, онъ сталъ быстро что-то записывать.

— Что это? — спросилъ кто-то, — стихотвореніе?

— Да — экспромптъ — «напутствіе Боткину — слушайте:

Ужъ нѣтъ въ столѣ турецкомъ тріо,
Нашъ Боткинъ ѣдетъ въ Вашингтонъ,
Кто нынѣ дастъ намъ камертонъ
Винта у Никонова съ бріо?
. . . .
. . . .
Да, Боткинъ, смѣхъ твой и веселье
Отрадой были въ дни невзгодъ...

Дай Богъ, чтобъ ты и въ новосельѣ
Не зналъ ни горя, ни заботъ.

. . . .
. . . .

Пропускаю куплеты болѣе интимнаго характера.

Бокалъ шипучій поднимая,
Желаемъ здравья, добраго пути,
Тебя сердечно обнимая,
Воскликнемъ радостно: прости, люби.

. . . .

Долго мы еще въ этотъ вечеръ пировали...

Дней черезъ десять я садился въ Гаврѣ на французскій транслантическій пароходъ «Gascogne».

Добрый старикъ Боголюбовъ, нашъ знаменитый маринистъ, проживавшій тогда въ Гаврѣ, пришелъ меня проводить.

Обнимая меня, онъ сказалъ: «Прощаюсь съ однимъ человѣкомъ, а поздороваюсь, когда вернетесь, съ другимъ».

— Какъ такъ? — спросилъ я.

— Да очень просто. Кто ѣдетъ въ Америку, перерабатывается тамъ на американскій ладъ. Я еще не видѣлъ человѣка, побывавшаго въ Америкѣ, который не носилъ бы на себѣ заморскаго отпечатка. Жизнь въ Америкѣ такъ или иначе отражается на нашемъ братѣ, европейцѣ...

Когда «Gascogne», разобщившись съ берегомъ, стала медленно, плавно и безшумно двигаться вдоль мола, я вдругъ почувствовалъ себя отрѣзаннымъ отъ старой Европы, и мнѣ сдѣлалось до нельзя жутко, бо-

лѣзненно тоскливо, точно въ самомъ дѣлѣ во мнѣ что-то оборвалось.

На самомъ концѣ мола я увидѣлъ Боголюбова. Онъ сидѣлъ на скамейкѣ въ обычной своей позѣ, заложивъ ногу на ногу, и дѣлалъ набросокъ съ моего парохода, выходящаго въ море. Онъ мнѣ его потомъ прислалъ въ Америку. Въ ту минуту мнѣ страшно хотѣлось перескочить съ парохода, подсѣсть къ старому другу, хорошенько наболтаться и весело провести вечеръ на старой землѣ, но «Gascogne», усиливая ходъ все отдалялась дальше и быстрѣе отъ земли. Скоро отъ Европы осталась только узкая полоска на горизонтѣ, а впереди на безконечномъ небосклонѣ гдѣ, казалось, что море сливается съ небомъ, что то невѣдомое, сильное влекло и манило меня въ новый міръ.

Перевернулась послѣдняя страница перваго тома моей жизни — я стоялъ передъ неразрѣзанной книгой второго тома.

Сѣренькій человѣкъ

Онъ самъ себя такъ называлъ. Строго говоря, такого выраженія нѣтъ въ Толковомъ Словарѣ Владиміра Даля, но оно существуетъ въ разговорномъ языкѣ.

Сѣренькій человѣкъ — означаетъ заурядный, простой человѣкъ, не выдѣляющійся изъ сѣрой будничной массы.,.. Даль говоритъ о сѣромъ волкѣ, о сѣромъ зайцѣ, сѣрякѣ, о сѣромъ, простомъ, грубомъ мылѣ, о сѣромъ мужичкѣ... Но не одни только волки, зайцы и мужички бываютъ сѣрые.

Сѣрые люди среди насъ кишмя кишатъ... Сѣренькими людьми міръ держится, но жизнь ихъ незамѣтна, какъ жизнь муравьевъ въ муравейной кучѣ.

Иногда сѣренькій человѣкъ выскакиваетъ наружу изъ общей массы, но не всегда себѣ на радость.

Какъ звали моего сѣренькаго человѣка? Не все ли равно? — Петровъ, Ивановъ, Сидоровъ... Назову его Андреевымъ.

***

Бываетъ такъ во время странствій — проснешься и не знаешь гдѣ... Это случилось со мной послѣ первой ночи въ Вашингтонѣ. Я провелъ 6 дней на морѣ, при-

выкъ просыпаться утромъ въ моей каютѣ и покачиваться на койкѣ, а тутъ вдругъ — твердая почва, комната, большая постель... Гдѣ я? и тутъ мнѣ вернулся разумъ — я въ Посольствѣ, прiѣхалъ вчера вечеромъ. Добрѣйшiй посланникъ Кириллъ Васильевичъ Струве меня встрѣтилъ, обласкалъ какъ родного, пригласилъ остановиться у него... Мнѣ тутъ хорошо, уютно, совсѣмъ, какъ дома... Лежу въ полузабытьѣ на мягкой кровати и наслаждаюсь музыкой. Кто-то въ залѣ играетъ на роялѣ, играетъ прелюды и фуги Баха и какъ играетъ!.. Чтобы такъ съ утра упражняться надъ Себастьяномъ Бахомъ, нужно быть заправскимъ музыкантомъ... Кто бы это могъ быть?.. Посланникъ вдовецъ, живетъ одинъ въ Посольствѣ, онъ не музыкантъ; его четыре дочери воспитываются въ Петербургѣ...

Камердинеръ принесъ мнѣ утреннiй чай.

— Кто играетъ такъ хорошо? — спрашиваю.

— Мистеръ Андреевъ.

Мнѣ эта фамилiя ничего не говоритъ. Андреевъ. Мало ли Андреевыхъ на свѣтѣ?..

Въ назначенный часъ являюсь къ моему начальнику въ кабинетъ.

— Ну вотъ, — говоритъ добрѣйшiй Кириллъ Васильевичъ, — я васъ теперь проведу въ канцелярiю... Вы познакомитесь съ Андреевымъ.

— Кто такой, Андреевъ?

— Андреевъ... ахъ, какой музыкантъ!.. Онъ попалъ сюда фуксомъ. Его прислали изъ Петербурга для ревизiи консульствъ, а въ это время при мнѣ никого не было... вы еще не были назначены, а 1-й секретарь былъ командированъ въ Нью-Iоркъ управлять консульствомъ. Вотъ я и задержалъ его у себя съ согласiя Министерства. Здѣсь онъ въ большомъ ходу. Его

приглашаютъ, наслаждаются его игрой... дѣйствительно піанистъ изумительный. ..

Въ канцеляріи я нашелъ маленькаго человѣчка лѣтъ сорока, довольно невзрачнаго на видъ, мѣшковатаго, съ круглой плѣшивой головой и длинными рѣдкими усами, торчащими, какъ у морского котика — Андреевъ.

Познакомились. У Андреева было пріятное выраженіе лица, доброе и робкое.

— Вашъ пріѣздъ для меня тяжелый ударъ, — сказалъ онъ мнѣ полу-шутя, полу-серьезно. Мнѣ придется уѣхать, вернуться въ Министерство и засѣсть за бухгалтерію, скучную, одуряющую, механическую работу...

— Мнѣ надо было потонуть въ океанѣ?

— И это бы не помогло, продолжалъ онъ тѣмъ же тономъ. Прислали бы другого секретаря. Дни мои во всякомъ случаѣ были сочтены. Я вѣдь здѣсь только временно, мое мѣсто въ счетномъ отдѣленіи, въ верхнемъ этажѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

— Да вѣдь вы же не прикованы къ вашему мѣсту. Если вамъ здѣсь нравится, попросите, чтобы васъ сюда назначили или прикомандировали.

Андреевъ замахалъ руками.

— Немыслимо... Я къ дипломатической службѣ вовсе не приспособленъ, я и экзамена не сдавалъ, да у меня и средствъ достаточныхъ къ тому нѣтъ.

— Это не бѣда, — сказалъ я, — холостой можетъ справляться, живя на жалованіи секретаря...

— Такъ то такъ, но для жалованья секретаря нужно имѣть постъ секретаря, а кто возьмется назначить меня секретаремъ Посольства? Если я только заикнусь, мнѣ сейчасъ же заткнутъ глотку: «вы — бухгалтеръ»...

и кончено. И дѣйствительно, я занимаю штатное мѣсто въ Министерствѣ, прилично оплаченное... Я завишу отъ этого мѣста — у меня на рукахъ старушка-мать, которая меня воспитала... бросить ее я не могу. Нѣтъ, ужъ мнѣ не судьба быть дипломатомъ, а только, что и говорить, карьера ваша завидная. Немного я вкусилъ этой жизни, а не забуду никогда — мнѣ кажется, я здѣсь провелъ лучшіе дни моей жизни...

***

Мы очень скоро подружились съ Андреевымъ. Посланникъ былъ правъ — Андреевъ въ Вашингтонѣ былъ въ большомъ спросѣ. Онъ былъ заваленъ приглашеніями. Обыкновенно, послѣ обѣда хозяйка дома подходила къ нему и просила сыграть что нибудь. Андреевъ не ломался. Садился за рояль и игралъ. Игралъ много и долго. Репертуаръ у него былъ громадный и очень разнообразный. Онъ не обижался, когда послѣ Вагнеровскаго цикла Нибелунговъ его просили играть вальсъ изъ модной оперетки или къ нему подбѣгали барышни и, дѣлая очаровательныя улыбки, «о, мистеръ Андреевъ», щебетали онѣ, «вы такъ хорошо играете, продолжайте — намъ такъ хочется потанцовать»... —

И Андреевъ, обтирая потъ съ лоснящагося черепа, снова садился за рояль и игралъ вальсы до изнеможенія.

Конечно, въ обществѣ всѣ ему были благодарны — кто за музыку, кто за танцы — и всѣ дамы сыпали ему комплименты, посылали ему любезныя записки съ приглашеніями, сами заѣзжали въ Посольство или посылали за нимъ свои кареты.

Андреевъ былъ въ восторгѣ. Ничего подобнаго онъ раньше не переживалъ. На вечерахъ Андреевъ сіялъ въ полномъ смыслѣ этого слова.

Временами, однако, на него находила тоска. Лицо вытягивалось, и онъ становился задумчивымъ и молчаливымъ. Однажды, возвращаясь съ какого то вечера, гдѣ его особенно чествовали, Андреевъ внезапно впалъ въ мрачное настроеніе.

Мы шли пѣшкомъ по красивой Массачусетсъ Авеню.

— Въ сущности, никому до меня никакого дѣла нѣтъ, — проговорилъ онъ, какъ бы разговаривая самъ съ собой. Нужна музыка, а не я. Я являюсь только тѣмъ проводомъ, черезъ который идутъ звуки, я просто неизбѣжный атрибутъ рояля — вотъ и все.

— Какъ вы можете такъ говорить, Андреевъ, — старался я его ободрить, вы же видите, какъ васъ здѣсь всѣ любятъ. Конечно, музыка играетъ роль, у васъ громадный талантъ — разумѣется, это притягиваетъ къ вамъ людей и увеличиваетъ число вашихъ друзей. Со всѣми такъ бываетъ — кто что даетъ обществу, за то ему и воздается. Одинъ получаетъ меньше, другіе — больше. Вы много даете и вамъ сторицей воздается.

— Такъ то такъ, но воздается таланту, искусству, музыкѣ, а не мнѣ лично — я остаюсь въ сторонѣ.

— Какіе пустяки, да талантъ то — это вы сами, а никто другой.

— Нѣтъ, — грустно замѣтилъ Андреевъ, — самъ по себѣ, безъ рояля, я — сѣренькій человѣкъ и больше ничего.

***

По случаю пріѣзда П. И. Чайковскаго въ Вашингтонъ, нашъ посланникъ далъ большой музыкальный вечеръ.

Чайковскій былъ приглашенъ Бостонскимъ Филармоническимъ Обществомъ на музыкальное торжество, устроенное въ честь его. Въ программу празднествъ входило посѣщеніе Президента въ Бѣломъ Домѣ и вечеръ въ Русскомъ Посольствѣ. Посланникъ поручилъ музыкальную часть вечера Андрееву, а хозяйственную и церемоніальную — мнѣ. Вечеръ удался на славу. Андреевъ игралъ, между прочимъ, тріо Чайковскаго, послѣ котораго композиторъ обнималъ исполнителя по русскому обычаю передъ всѣмъ Вашингтономъ.

Это былъ апофеозъ Андреева. Онъ былъ на седьмомъ небѣ. Послѣ ужина, одинъ изъ крупнѣйшихъ музыкальныхъ антрепренеровъ въ разговорѣ съ Андреевымъ сказалъ ему, что былъ-бы счастливъ заключить съ нимъ контрактъ на артистическую поѣздку по Америкѣ.

Хотя Андреевъ принялъ слова антрепренера за любезную шутку, ему все-же хотѣлось узнать, во сколько его оцѣниваетъ этотъ знатокъ музыки.

— А какія ваши условія? — спросилъ онъ шутя.

Антрепренеръ съ дѣловымъ видомъ опредѣлилъ довольно крупную цифру за столько-то концертовъ въ такихъ то городахъ въ теченіе такого то срока.

— Конечно, вы позволите упомянуть въ афишѣ, — добавилъ онъ, — что концертантъ — членъ Россійскаго Посольства въ Вашингтонѣ — это очень важно для публики...

— А безъ этого?

— Безъ этого... совсѣмъ не то, — нѣсколько сконфуженно пробормоталъ антрепренеръ. — Вы знаете сами, какое значеніе у насъ имѣетъ реклама.

Андреевъ ничего не отвѣтилъ, но когда мы остались наединѣ, онъ далъ волю своимъ чувствамъ.

— Вотъ видите, что это за люди... для нихъ только ярлыкъ, этикетка имѣютъ значеніе... Червонецъ за піаниста — секретаря Посольства, мѣдный грошъ за того-же піаниста - не дипломата... Пустой и пошлый снобизмъ, ничего общаго съ музыкой не имѣющій...

Вскорѣ послѣ отъѣзда Петра Ильича я замѣтилъ въ Андреевѣ нѣкоторую перемѣну. Онъ по прежнему цѣлыми утрами упражнялся надъ Бахомъ, но въ канцеляріи былъ разсѣянъ, нервничалъ и передъ завтракомъ таинственно куда-то исчезалъ. Въ своей внѣшности онъ тоже измѣнился: подстригъ свои торчащіе усы. Пересталъ походить на морского котика, за то пріобрѣлъ зубную щетку надъ верхней губой. Адонисомъ онъ отъ этого не сдѣлался, но все же имѣлъ болѣе подобранный видъ въ новомъ пиджакѣ и свѣтломъ галстукѣ.

Слѣпой случай натолкнулъ меня на открытіе: Андреевъ за кѣмъ-то ухаживалъ и въ кого то влюбился. Я это узналъ благодаря оплошности цвѣточнаго магазина. Тамъ перепутали счета — вложили въ мой конвертъ мѣсячный счетъ Андреева — такимъ образомъ, мнѣ стало извѣстно, что Андреевъ каждый Божій день выписываетъ изъ магазина маленькій букетъ фіалокъ.,.. для кого?

Здѣсь, въ Вашингтонѣ, въ обычаѣ, чтобы молодые люди посылали цвѣты дамамъ и барышнямъ, въ до-

махъ которыхъ они часто бываютъ — это въ сущности одна изъ формъ свѣтской учтивости. — Въ этомъ нѣтъ ничего предосудительнаго, напротивъ, обычай этотъ поощряется... дамами и барышнями, разумѣется.

Цвѣты обыкновенно посылаются прямо изъ магазина съ карточкой молодого человѣка, но когда цвѣты отправляются на квартиру молодого человѣка или онъ самъ за ними заходитъ, дѣло принимаетъ болѣе серьезный оборотъ, а когда тотъ-же букетикъ показывается на счетѣ каждый день — ужъ это становится подозрительнымъ. Очевидно, есть что-то, что молодой человѣкъ желаетъ сохранить въ неизвѣстности. Это что то есть то, что не въ одной только Америкѣ прозывается «флертомъ», а флертъ — понятіе очень растяжимое... Мое намѣреніе было сохранить тайну Андреева. Я хотѣлъ отослать его счетъ въ контору магазина, но Андреевъ предупредилъ меня. Сконфуженный подошелъ онъ ко мнѣ въ канцеляріи.

— Мнѣ прислали по ошибкѣ вашъ счетъ изъ цвѣточнаго магазина, — пробормоталъ онъ, — не получали ли вы случайно моего?

И, когда, передавая Андрееву счетъ, я бѣгло взглянулъ на него, онъ покраснѣлъ, какъ провинившійся школьникъ.

Ясно — Андреевъ былъ влюбленъ и хотѣлъ сохранить это въ тайнѣ.

Было половина седьмого вечера, когда я вышелъ изъ англійскаго посольства, гдѣ у насъ было засѣданіе по поводу какого то благотворительнаго вечера. Идти домой, одѣваться къ обѣду было еще рано — передо мной были свободныхъ полъ часа. «Отличный случай»,

подумалъ я, «зайти къ миссисъ Хомстэдъ», которую мнѣ нужно было за что поблагодарить.

Семейство Хомстэдъ пользовалось большой популярностью въ нашей дипломатической средѣ.

Миссисъ Хомстэдъ поселилась въ Вашингтонѣ послѣ смерти своего мужа, американскаго дипломата. У нея было двое дѣтей, двѣ очень милыя и красивыя собой барышни — одна, постарше, хорошо играла на рояли, а у младшей, совсѣмъ молоденькой, былъ пріятный меццо сопрано. Обѣ дѣвицы не походили на прочихъ американокъ. Большую часть жизни онѣ провели въ Европѣ, говорили свободно по-французски и по-нѣмецки и принимали съ большимъ радушіемъ молодыхъ иностранныхъ секретарей посольствъ. Ихъ домъ былъ настоящимъ благодѣяніемъ для нашей холостой молодежи, въ особенности для вновь пріѣхавшихъ и чувствующихъ себя чужими въ Новомъ Свѣтѣ. Миссисъ Хомстэдъ заботилась о нихъ, какъ о собственныхъ дѣтяхъ, находила имъ квартиры, ходила за ними, когда они хворали, снабжала добрыми совѣтами, знакомила ихъ съ мѣстнымъ обществомъ и т. п. Хомстэды были люди небогатые, но чрезвычайно гостепріимные. Гостепріимство однако касалось только иностранцевъ. Американскихъ молодыхъ людей я у нихъ рѣдко встрѣчалъ. Послѣдніе на нихъ за это дулись и обижались.

, Однажды, въ разговорѣ съ Оливіей, старшей дочерью миссисъ Хомстэдъ, я ей сказалъ:

— Не мое дѣло давать вамъ совѣты, — мы всѣ здѣсь живемъ вашими совѣтами, но какъ другъ вашъ, я хотѣлъ бы поставить васъ въ извѣстность, что ваши американскіе молодые люди очень недоволны, что вы ихъ къ себѣ не пускаете и даете намъ, иностранцамъ, предпочтеніе.

— Не люблю я американцевъ, — отвѣчала мнѣ Оливія, — всѣ они на одно лицо сдѣланы. Вы, европейцы, можетъ быть полны недостатковъ, но вы интересны, своеобразны и разнообразны, тогда какъ американцы, быть можетъ, и безъ недостатковъ, но за то другъ отъ друга не отличаются и всѣ адски скучны.

Итакъ, я подходилъ къ уютному домику миссисъ Хомстэдъ. Войдя въ палисадникъ,, я разслышалъ звуки фортепіано въ гостиной. Я пріостановился. Кто то игралъ Бетховенскую сонату, такъ называемую сонату «лунной ночи». Я прислушался: сомнѣній не могло быть — то былъ Андреевъ. Никто, кромѣ Андреева, не могъ съ большимъ чувствомъ передать то, что геніальный композиторъ вложилъ въ гармонію звуковъ, такъ удачно, такъ прекрасно передающую чувства любви. Да, то былъ Андреевъ и при томъ Андреевъ влюбленный, преобразившійся Андреевъ. Итакъ, вотъ его секретъ, вотъ объясненіе ежедневнаго букетика фіалокъ, вотъ почему онъ разсѣянъ и такой нервный сталъ за послѣднее время. Андреевъ влюбленъ въ Оливію Хомстэдъ. Ну, что-жъ, подумалъ я, въ добрый часъ... Я дослушалъ до конца чудную Бетховенскую сонату, но въ домъ Хомстэдъ не вошелъ. Мнѣ не хотѣлось быть помѣхой... Я искренно порадовался за своего пріятеля.

Въ тотъ вечеръ, на обѣдѣ у испанскаго посланника, я встрѣтилъ миссисъ Хомстэдъ.

— Мнѣ нужно съ вами поговорить, — сказала она мнѣ, — я даже собиралась сегодня послать за вами...

— А я шелъ къ вамъ. Часа два тому назадъ я стоялъ у вашего дома, я былъ на вашемъ крыльцѣ, чуть не позвонилъ...

— И что же?

Я разсказалъ, почему я не вошелъ.

— Напрасно не вошли, — проговорила она, не безъ нѣкотораго раздраженія въ голосѣ. Именно по поводу вашего пріятеля Андреева и я хотѣла васъ видѣть.

Она отвела меня въ сторону и, когда мы усѣлись на отдаленномъ диванѣ:

— Я буду съ вами, — сказала она, — какъ со старымъ другомъ, говорить съ полной откровенностью и ожидаю отъ васъ того же. Скажите мнѣ — кто Андреевъ?

— Какъ, кто Андреевъ? Вы его знаете также хорошо, какъ и я, если не лучше. Андреевъ мой сотрудникъ по посольству, отличный чиновникъ, милѣйшій, добрѣйшей души человѣкъ, а ужъ что касается музыки, что я могу сказать, послѣ того, какъ онъ идеально игралъ у васъ Бетховенскую сонату не дальше, какъ два часа тому назадъ?

— Вы не понимаете, — я хочу знать, кто такой Андреевъ, потому что я вижу, что онъ ухаживаетъ за моей дочерью, повидимому, влюбленъ въ Оливію и того и гляди сдѣлаетъ предложеніе. Должна же я знать, кто тотъ чужой, тотъ иностранецъ, который приходитъ въ мой домъ и собирается увести мою дочь... Я ничего не знаю: кто онъ, какія его средства, положеніе... Только вчера совершенно случайно я узнала, что Андреевъ вовсе не секретарь посольства. Здѣсь всѣ его считаютъ старшимъ секретаремъ посольства, а онъ оказывается — даже не состоитъ на дипломатической службѣ.

— Не все-ли равно... Во-первыхъ, Андреевъ здѣсь исполняетъ обязанности секретаря, а во вторыхъ, онъ завтра можетъ сдѣлаться настоящимъ секретаремъ. Андреевъ дѣльный чиновникъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, на отличномъ счету — этого довольно, мнѣ кажется...

— Вовсе не довольно, молодой человѣкъ...

Она собиралась сказать еще что то непріятное, но въ этотъ моментъ двери столовой раскрылись, насъ позвали къ обѣду.

Я сидѣлъ на противоположномъ концѣ стола и радъ былъ, что, такимъ образомъ, отдѣлался отъ нескромныхъ вопросовъ миссисъ Хомстэдъ. Я не могъ не замѣтить, что миссисъ Хомстэдъ, принимающая иностранныхъ дипломатовъ съ распростертыми объятіями, Андреева держала на извѣстномъ разстояніи и чего-то въ немъ не одобряла... Что именно, я не зналъ, но инстинктивно догадывался, что она смекнула, что Андреевъ — сѣренькій человѣкъ.

Миссисъ Хомстэдъ, несмотря на все свое пристрастіе къ иностранцамъ, дѣлала между ними различіе, и такіе люди, какъ Андреевъ, несмотря на его прекрасныя личныя качества и музыкальный талантъ, не производили, очевидно, на нее того впечатлѣнія, какого они заслуживали.

Пока Андреевъ игралъ въ четыре руки съ ея дочерью и давалъ ей изъ любезности уроки музыки, она находила его пригоднымъ, но, когда учитель музыки вышелъ изъ рамки педагога и показалъ, что онъ обладаетъ и иными чувствами, онъ сразу сдѣлался чужимъ, неизвѣстнымъ и т. п., словомъ, нежелательнымъ.

Мнѣ, вчужѣ, досадно стало за бѣднаго Андреева,

***

После обѣда въ испанскомъ посольствѣ былъ вечеръ. Много народу. Танцевали. Среди молодежи я замѣтилъ обѣихъ барышень Хомстэдъ. Красивыя и изящныя, онѣ выдѣлялись въ группѣ вашингтонскихъ дѣвицъ. Пригласилъ Оливiю на туръ вальса. Пока мы плавно скользили изъ одного конца залы въ другой, послушно слѣдуя ритму упоительной музыки, я невольно любовался моимъ партнеромъ — какая она легкая, словно перышко, несмотря на высокiй ростъ, какая стройная, какъ грацiозна, какъ дивно танцуетъ...

Мы оба молчали, наслаждаясь бостономъ; по временамъ, однако, глаза наши встрѣчались и тогда она дарила меня едва замѣтной ласкающей улыбкой. Я ждалъ, что она заговоритъ объ Андреевѣ, но она не обмолвилась ни полъ словомъ. Мнѣ показалось, она была не въ духѣ.,

, Утромъ мнѣ подали записку. Она была отъ Оливiи.

«Милый Питеръ», писала она, «я уѣзжаю сегодня утромъ въ Нью-Iоркъ, къ моей теткѣ. Вѣроятно, надолго. Прiѣзжайте меня навѣстить. Мнѣ тамъ будетъ очень скучно, къ тому же мнѣ нужно съ вами кое о чемъ поговорить. Итакъ, не забывайте, что я васъ жду въ Нью-Iоркѣ».

О чемъ ей нужно было со мной говорить? Разумѣется, объ Андреевѣ, но что именно? Раздѣляетъ-ли она чувства матери своей къ Андрееву или чувство Андреева къ ней? Я не зналъ, но почему-то мнѣ казалось, что страсть Андреева остается безъ взаимности.

Съ самаго прiѣзда моего въ Америку я былъ съ Оливiей въ добрыхъ прiятельскихъ отношенiяхъ, какъ это нерѣдко бываетъ въ Новомъ Свѣтѣ между молоды-

ми людьми. Никакого флерта между нами не было. Она была моихъ лѣтъ, но относилась ко мнѣ покровительственно, какъ старшая сестра къ младшему брату. Она журила и пилила меня за всякую глупость, какъ будто мое свѣтское воспитаніе было ей поручено. Звала меня по имени и научила, между прочимъ, танцевать американскій бостонъ, за что я ей былъ безконечно благодаренъ.

Когда я вошелъ въ канцелярію, я засталъ тамъ Андреева въ дурномъ настроеніи духа. Онъ читалъ Нью-Іоркскія газеты, нервно мялъ листы и бросалъ на полъ то, что его не интересовало. По временамъ, онъ задумывался, смотрѣлъ куда то въ даль, затѣмъ снова брался за газетные листы и снова кидалъ ихъ на полъ.

— Какіе мы болваны, — заговорилъ онъ наконецъ, — сидимъ здѣсь, въ Вашингтонѣ, и даже не слѣдимъ за тѣмъ, что творится въ Нью-Іоркѣ, всего въ 4-хъ часахъ отсюда... Посмотрите, однихъ концертовъ сколько, а опера... что за опера... Нигдѣ въ мірѣ вы ничего подобнаго не найдете... Мнѣ бы очень хотѣлось послушать девятую симфонію Бетховена съ хоромъ на слѣдующемъ филармоническомъ концертѣ... У насъ, кажется, теперь нѣтъ ничего спѣшнаго въ канцеляріи, вы одни справитесь съ работой, а я съѣзжу въ Нью-Іоркъ на недѣльку... Посланникъ навѣрное ничего не будетъ имѣть противъ...

На слѣдующій день Андреевъ уѣхалъ въ Нью-Іоркъ, а еще черезъ день послѣ того я получилъ записку отъ миссисъ Хомстэдъ. На конвертѣ стояло крупными буквами «спѣшное».

... «Мнѣ нужно васъ видѣть», писала мать Оливіи. «Зайдите, если можете, передъ завтракомъ»...

Нахожу ее въ угрожающей позѣ съ телеграммой въ рукахъ.

— Я уже раньше догадывалась, — обратилась она ко мнѣ, не безъ нѣкоторой торжественности, а теперь больше не сомнѣваюсь, — вашъ Андреевъ — не джентльмэнъ.

— Итакъ, вотъ для чего вы меня отрываете отъ государственной службы, — отвѣтилъ я, смѣясь.

— Мнѣ не до шутокъ. Читайте телеграмму:

«Какъ несносно. Онъ здѣсь появился. Не хочетъ или не можетъ понять. Попросите Питера вразумить его. Оливія».

— Что вы на это скажете?

— Скажу прежде всего, что вы ошибаетесь. Андреевъ, смѣю васъ увѣрить, джентльмэнъ чистѣйшей воды, но влюбленный джентльмэнъ. Влюбленный все равно, что слѣпой, онъ не видитъ куда идетъ. Возможно, что Андреевъ надоѣлъ Оливіи, но самъ онъ этого не видитъ... Онъ любитъ, а когда человѣкъ влюбленъ по уши, онъ утрачиваетъ сознаніе чувства взаимности, онъ какъ въ чаду...

Миссисъ Хомстэдъ перебила меня.

— Мнѣ вовсе не интересно слушать ваши повѣствованія о любви, проговорила она сухо и рѣзко, — приберегите вашу лекцію для другого случая, а теперь вотъ что: разъ мистеръ Андреевъ не понимаетъ элементарныхъ правилъ приличія, то вы должны объяснить ему, что гостепріимство наше вовсе не даетъ ему основаній претендовать на руку и сердце моей дочери и что намъ желательно, чтобы онъ насъ оставилъ въ покоѣ...

— Пріятное порученіе, нечего сказать... Андреевъ можетъ мнѣ сказать, что я вмѣшиваюсь не въ свои дѣла и, пожалуй, будетъ правъ. Мнѣ кажется, что вамъ и Оливіи гораздо легче поставить его на мѣсто.

— Ставили, но ничего не помогаетъ. И я, и дочь моя неоднократно высказывали ему, что мы рады видѣть Андреева музыканта, но не Андреева — аспиранта.

— Бѣдный Андреевъ, — произнесъ я, — какъ мнѣ его жалко.

— Я ему нисколько не соболѣзную. Онъ забылъ свое мѣсто. Когда у человѣка ломаннаго гроша нѣтъ въ карманѣ, онъ не имѣетъ права жениться... вѣдь онъ не можетъ даже содержать свою жену, не говоря ужъ о томъ, что онъ въ Россіи не имѣетъ никакого положенія. Я теперь все знаю: вашъ Андреевъ — простой бухгалтеръ. Онъ живетъ въ Петербургѣ у своей матери въ скромной квартиркѣ на 5-мъ этажѣ. Отца его никто никогда въ глаза не видалъ и вообще мистеръ Андреевъ происхожденія самаго скромнаго, чтобы не сказать темнаго. Вотъ, кто вашъ Андреевъ...

Я былъ ошеломленъ не столько разоблаченіями, сколько циничнымъ снобизмомъ моей собесѣдницы.

— Откуда у васъ эти свѣдѣнія? — спросилъ я.

—Изъ прямыхъ источниковъ. Я запросила американскаго консула въ Петербургѣ, котораго лично знаю, и вотъ на дняхъ получила отвѣтъ.

Я вышелъ отъ миссисъ Хомстэдъ подъ непріятнымъ впечатлѣніемъ.

— Вотъ, что такое снобизмъ, — думалъ я. — Женщина, которую я видѣлъ чуть не обнимающей Андреева, когда она наслаждалась его музыкой и воображала, что имѣетъ передъ собой знатнаго боярина, теперь, провѣдавъ, что Андреевъ заурядный чиновникъ М. И.

Д. и притомъ бѣдный, она не только не хочетъ его знать, но еще въ претензіи на него за то, что онъ смѣлъ влюбиться въ ея дочь... Мнѣ особенно больно было, что и Оливія повернула спину бѣдному Андрееву. Неужели и она тоже, какъ мать...

⁂

Пришла петербургская почта и между прочими бумагами предписаніе министерства Андрееву вернуться въ департаментъ.

— Ну вотъ, — сказалъ добрѣйшій посланникъ, — такъ лучше вышло. Самому мнѣ было бы непріятно сказать Андрееву — уѣзжайте, вы мнѣ больше не нужны, — а министерству и книги въ руки. Миссія выполнена, чиновникъ возвращайся къ мѣстослуженію. Мнѣ жалко Андреева, онъ былъ такъ счастливъ здѣсь, но что же дѣлать — служба — службой.

Въ воскресенье я долженъ былъ ѣхать въ Нью-Іоркъ, гдѣ я принималъ дѣятельное участіе въ свѣтскомъ благотворительномъ спектаклѣ. Меня очень занимала въ то время постановка живыхъ картинъ. Я задался цѣлью воспроизвести въ живыхъ картинахъ творенія нашихъ художниковъ — свадебный пиръ Константина Маковскаго, между прочимъ. Задача была не легкая. Типъ американской красавицы вовсе не подходитъ подъ типъ русской красоты, какъ его изобразилъ Маковскій въ своей знаменитой картинѣ. Сарафаны висѣли на хорошенькихъ американкахъ, какъ на вѣшалкахъ. Мнѣ пришлось каждую изъ нихъ набивать подушками и футболями, чтобы преобразить худенькихъ

стройныхъ англо-саксонокъ въ русскихъ дебелыхъ красулекъ... много было забавы съ этими живыми картинами...

Я воспользовался моимъ пріѣздомъ въ Нью-Іоркъ, чтобы повидать Андреева и за одно посѣтить Оливію, какъ я ей обѣщалъ.

Бѣдный Андреевъ... Его я нашелъ въ скромной гостиницѣ, въ самомъ, что ни на есть мрачномъ настроеніи. Онъ похудѣлъ и осунулся. Своего романа онъ больше не скрывалъ отъ меня и повѣдалъ плачевный финалъ — да, онъ сдѣлалъ предложеніе Оливіи и получилъ отказъ, отказъ въ самой категорической, даже рѣзкой формѣ, не допускающій никакой аппеляціи.

Бѣдняга сидѣлъ надъ коротенькой запиской, написанной знакомымъ почеркомъ, и какъ будто еще не могъ постигнуть сущности ея содержанія.

— Вѣдь это отказъ?.. Не правда ли? Разрывъ? — бормоталъ онъ, протягивая мнѣ дрожащей рукой записку Оливіи.

— Конечно, отказъ, — отвѣтилъ я, — но не придавайте ему такого грознаго значенія. Да, отказъ, ну такъ что-же? Свѣтъ не клиномъ сошелся. Скажите себѣ, что все къ лучшему и больше не думайте о ней.

Тутъ мой бѣдный Андреевъ залился тихими слезами.

— Вѣдь я ее такъ любилъ... самое для меня тяжелое, что я больше не могу ее видѣть. Мнѣ больше не доступно то, что любому возможно — видѣть ее, быть съ ней... я самъ въ этомъ виноватъ... Зачѣмъ я ей сдѣлалъ предложеніе? Я потерялъ голову — такъ я ее любилъ... въ простой вѣжливости и любезности хотѣлъ видѣть что-то другое... Дуракъ, я забылъ, что я... сѣренькій человѣкъ...

— Ну, полноте, Андреевъ, утѣшалъ я его, не горюйте. Право не стоитъ. Въ жизни столько чарующей прелести, что нечего останавливаться на горькихъ мелочахъ. Конечно, было бы лучше, если бы вы воздержались отъ предложенія, но все равно, рано или поздно, разочарованіе должно было наступить... Оливія, при всѣхъ ея качествахъ, весьма разсчетливая и холодная американка, и при томъ преисполненная снобизмомъ...

Тутъ я нашелъ умѣстнымъ заговорить о предписаніи министерства. — Андреевъ отнесся скорѣе сочувственно къ перспективѣ отъѣзда изъ Америки.

— Да, сказалъ онъ задумчиво, — это выходъ изъ моего положенія. Пожалуй, такъ лучше... Только я отъ этой встряски не оправлюсь никогда...

Между репетиціями и спектаклемъ у меня было очень мало свободнаго времени. Ѣхать къ теткѣ Оливіи, проживавшей у чорта на куличкахъ, мнѣ было невозможно, но мы сговорились по телефону встрѣтиться въ кондитерской Мальяръ, куда весь Нью-Іоркъ заходилъ пить шоколадъ и сливочное мороженное въ содовой водѣ (ice-cream-soda), любимѣйшій напитокъ американокъ.

Мальяръ былъ переполненъ знакомыми. Я сразу замѣтилъ Оливію; она оживленно бесѣдовала съ неизвѣстными мнѣ двумя барышнями и какъ будто не замѣчала меня. Я тоже дѣлалъ видъ, что не вижу ее; переходилъ отъ одного стола къ другому, любезничалъ съ дамами, шутилъ и сдѣлалъ такъ, что мы столкнулись какъ бы случайно.

— Какъ? Вы здѣсь? — спросила она удивленно, — а что же репетиція спектакля?..

Мы отошли въ сторону.

— Какая вы жестокая, — проговорилъ я чуть слышно, — вы погубили человѣка.

— Вы такъ думаете? — отвѣтила она, ласково улыбаясь и глядя мнѣ прямо въ глаза, — знаете, милый другъ, любовь — не страшная болѣзнь. Проходитъ безъ слѣда и забывается, какъ морская болѣзнь на твердой почвѣ.

—Вы говорите по опыту?

— Можетъ быть. Тутъ очаровательная улыбка перешла въ веселый смѣхъ, — раздвинулись губы, обнаружились два ряда чудныхъ, холеныхъ зубовъ. Оливія хохотала отъ всей души.

— Вашъ пріятель, — продолжала она, — совершенно напрасно сваляль дурака и испортилъ хорошія отношенія, установившіяся между нами. Сколько разъ мы его охолаживали, а онъ только пуще воспламенялся... право это не особенно остроумно для человѣка его лѣтъ и положенія.

— При чемъ тутъ положеніе?

— Какъ при чемъ?.. Да положеніе — это все: и деньги, и счастіе.

— По вашему что же? Деньги нужны для счастья?

— Да разумѣется, мой милый, деньги необходимы для счастья. Я не хочу сказать, что въ деньгахъ счастье, но безъ денегъ нѣтъ счастья. Люди нашего класса, избалованныя, какъ я напримѣръ, отъ бѣдности бѣгутъ. Какъ вы хотите, чтобы я была счастлива, ютясь гдѣ-нибудь на чердакѣ?.. То, что вы называете любовью, — а по моему пустая блажь — не кормитъ и не грѣетъ. Нѣтъ такого Адониса, который могъ бы преобразить чердакъ въ царскіе хоромы, а что касается поэтовъ, вос-

пѣвающихъ любовь на крышѣ, то они просто врутъ и издѣваются надъ наивными читателями...

— Если для васъ любовь — блажь, то чѣмъ же вы руководствуетесь для брака?.. исключительно разсчетомъ?.. Въ такомъ случаѣ, если бы Андреевъ совсѣмъ такой, какимъ мы его знаемъ, былъ бы не Андреевъ, а несмѣтно богатымъ княземъ и вмѣсто того, чтобы прозябать мелкимъ чиновникомъ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ состоялъ бы Императорскимъ Посломъ въ Вашингтонѣ, — вышли ли бы вы за него замужъ?..

— Я бы сначала посмотрѣла вокругъ себя, нѣтъ-ли болѣе пригляднаго и молодого князя и посла, и если-бъ на горизонтѣ ничего другого не оказалось, весьма возможно, что вышла-бы замужъ за князя Андреева...

— Оливія, — воскликнулъ я, — отъ васъ вѣетъ холодомъ, какъ отъ альпійскаго глетчера...

— Какъ вы еще молоды, — разсмѣялась она и снова подарила меня милымъ ласкающимъ взглядомъ, донельзя меня озадачившимъ, — ужъ больно онъ противорѣчилъ образу мышленія и словамъ этой очаровательной, но холодной и разсчетливой дѣвушки.

Андреевъ собрался въ недѣлю времени и укатилъ домой. Онъ не хотѣлъ прощаться со своими знакомыми. Мы поэтому ничего не говорили до его отъѣзда, а на слѣдующій день я разослалъ, согласно его указанію, его карточки и нѣсколько писемъ.

Мотивомъ спѣшнаго отъѣзда Андреева мы дали настоящую причину — Андреевъ былъ вызванъ по дѣ-

ламъ службы въ Петербургъ. Андреевъ только настоялъ на томъ, чтобы я говорилъ въ обществѣ, что онъ былъ вызванъ по телеграфу, по важному и спѣшному дѣлу.

Бѣдный сѣренькій человѣкъ хотѣлъ сохранить за собой нѣчто, вродѣ ореола важнаго дипломата...

Я проводилъ его до парохода. Онъ былъ сильно удрученъ, но больше не плакалъ, по крайней мѣрѣ. Я думаю, что удерживался изъ-за меня, потому что я какъ-то устыдилъ его.

— Приберегите ваши слезы для настоящаго горя, — сказалъ я ему, — теперь вы только воображаете себя несчастнымъ, а на самомъ дѣлѣ вы избѣжали катастрофы... васъ можно поздравить. Ну, скажите пожалуйста, что бы вы стали дѣлать въ Петербургѣ въ вашей квартирѣ съ такой избалованной женой? Вѣдь она бы бѣлугой завыла, тоскуя по Вашингтону...

— Пишите мнѣ, — наказывалъ мнѣ Андреевъ, передъ самымъ отходомъ парохода, пишите все, что дѣлается въ Вашингтонѣ, пишите, въ особенности про нее, всякая мелочь меня интересуетъ... вѣдь для меня эти полъ года, здѣсь проведенные — лучшее время моей жизни... Я жилъ здѣсь жизнью, о которой до сихъ поръ читалъ только въ романахъ и то, что здѣсь пережилъ, останется у меня въ памяти, какъ свѣтлый лучъ въ моей тихой и скучной сѣрой будничной жизни.

Внезапный отъѣздъ Андреева не произвелъ въ Вашингтонѣ большого впечатлѣнія. Мнѣ приходилось изощряться въ моихъ письмахъ Андрееву, чтобы онъ не почувствовалъ, что отсутствіе его незамѣтно. По правдѣ сказать, его скоро забыли. Вашингтонъ привыкъ

къ перемѣщеніямъ дипломатовъ, и обыкновенно, пріѣзжающіе возбуждаютъ большій интересъ, чѣмъ отбывающіе.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Андреева дипломатическій корпусъ обогатился новымъ членомъ — то былъ Баварскій графъ съ громкой фамиліей, чрезвычайно элегантный и красивый малый. Разумѣется, онъ былъ принятъ, какъ и всѣ мы съ распростертыми объятіями въ семействѣ Хомстэдъ. Кстати, онъ оказался музыкантомъ.

Графъ обладалъ баритономъ, но не слухомъ, пѣлъ деревяннымъ голосомъ и жестоко фальшивилъ. Это не мѣшало, однако, его успѣху. Барышни Хомстэдъ съ восторгомъ аккомпанировали пѣвцу и млѣли передъ нимъ. Высокій, худощавый, породистый графъ былъ полнымъ контрастомъ съ Андреевымъ. Насколько послѣдній былъ скроменъ и застѣнчивъ, настолько графъ былъ развязенъ и высокаго мнѣнія о себѣ.

Одна дама какъ-то при мнѣ попросила графа спѣть серенаду Тости — вѣдь это вашъ конекъ, неправда-ли? спросила она.

Графъ снисходительно улыбнулся.

— У меня много такихъ лошадокъ на конюшнѣ къ вашимъ услугамъ, сударыня, — произнесъ онъ, причемъ ловкимъ движеніемъ праваго глаза спихнулъ свой монокль. Монокль повисъ на шнуркѣ и закачался, какъ шалый маятникъ на бѣломъ фонѣ безукоризненнаго пластрона его накрахмаленной рубашки.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Меня давно уже не было въ Вашингтонѣ. Слѣдуя капризамъ и неожиданностямъ дипломатической службы, я перелеталъ изъ Новаго

Свѣта въ Старый, изъ Европы въ Африку и снова въ Америку и опять въ Европу...

Андреева я болѣе или менѣе потерялъ изъ виду. Наѣздомъ въ Петербургъ встрѣчалъ его въ Министерствѣ мимоходомъ на лѣстницѣ или въ корридорѣ. Мы обмѣнивались короткими банальными фразами.

— Ну, что? Какъ? — спрашивалъ я, крѣпко пожимая его руку.

— Да ничего, по маленечку, — отвѣчалъ онъ конфузливо.

О Вашингтонѣ онъ не заговаривалъ и я не заикался не желая растравлять старую рану.

Однажды, на мой вопросъ: «Ну, что? Какъ?», Андреевъ, разстроенный и удрученный, повѣдалъ мнѣ, что матушка его очень плоха и что онъ опасается, что зимы не переживетъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя — я находился тогда въ Лондонѣ при нашемъ посольствѣ — получаю отъ Андреева письмо съ траурной каймой. Бѣдняга потерялъ свою мать, жизнь въ Петербургѣ ему опостылѣла до нельзя и онъ мечталъ о назначенiи заграницу — все равно куда, лишь бы получить мѣсто консула въ какомъ-нибудь захолустьѣ. Какъ быть? Андреевъ сознавалъ всю трудность для чиновника центральнаго вѣдомства его калибра попасть на заграничный постъ.

«На всякую ваканцiю, — писалъ онъ мнѣ, — масса кандидатовъ, которые, какъ голодные шакалы, готовы съѣсть живьемъ всякаго кто позарится на то, что они почему либо намѣтили себѣ. У каждаго кандидата свои покровители, которые за него распинаются и горой стоятъ. У меня нѣтъ никого, кто бы за меня замолвилъ словечко. Мой ближайшiй начальникъ не хочетъ мнѣ помочь. Онъ привыкъ къ моей работѣ и обѣщаетъ мнѣ

золотыя горы, если я останусь на мѣстѣ. Но что такое «золотыя горы» министерства? Какихъ нибудь лишнихъ 500 рублей «наградныхъ» на Пасху?..

На что они мнѣ, когда я здѣсь буквально задыхаюсь въ затхлой департаментской атмосферѣ и въ глазахъ у меня рябитъ отъ цифръ и отчетовъ... Будь нашъ милѣйшій Кириллъ Васильевичъ Струве въ живыхъ, я-бы васъ не безпокоилъ, но безъ него у меня нѣтъ никого въ министерствѣ, на кого опереться, кромѣ васъ. Знаю я, что вы далеко не «персона грата» у нашего начальства, но все же они васъ хоть и не долюбливаютъ, но все же съ вами считаются. Можетъ быть, имъ даже понравится мысль заслать вашего «протеже» въ центральномъ вѣдомствѣ куда нибудь подальше на міровую окраину, а мнѣ только этого и нужно. Чѣмъ дальше, тѣмъ лучше. Право, ваша рекомендація можетъ мнѣ помочь»...

Я написалъ кому слѣдуетъ.

Мѣсяца черезъ два, просматривая министерскіе приказы, мнѣ бросилась въ глаза фамилія Андреева. «Назначается — читаю я — дѣлопроизводитель VI класса департамента личнаго состава и хозяйственныхъ дѣлъ коллежскій совѣтникъ Федоръ Андреевъ — консуломъ въ Вальпарайзо» (Чили).

Ну, вотъ, подумалъ я, слава Богу, бѣдный Андреевъ пробился таки наконецъ...

Прошло еще года два. Пріѣзжаю я какъ-то въ Петербургъ изъ Танжера. Я состоялъ тогда посланникомъ при Марокксомъ султанѣ. Обхожу начальство, какъ это полагается — вхожу въ кабинетъ одной изъ мини-

стерскихъ шишекъ и вижу, какъ передъ нею подобострастно расшаркивается сіяющій чиновникъ въ вицъ-мундирѣ и Станиславомъ на шеѣ.

— Вы не знакомы? — спросилъ меня министерскій сановникъ, пальцемъ указывая на стоящій передъ нимъ вицъ-мундиръ. — Нашъ новый консулъ въ Вальпарайзо. Счастливчикъ — назначенъ въ Чили, а ѣдетъ въ Нью-Іоркъ для усиленія личнаго состава при Генеральномъ Консульствѣ...

— Вальпарайзо, — проговорилъ я, когда вицъ-мундиръ, отвѣсивъ свой послѣдній поклонъ, исчезъ за дверью, — позвольте, да развѣ Андреевъ тамъ больше не консулъ?..

— Андреевъ?.. Что вы, батенька, да вашъ Андреевъ уже полъ года, какъ скончался... Да, отъ діабета, говорятъ... Жаль, хорошій былъ человѣкъ, отличный чиновникъ, музыкантъ удивительный... но въ послѣднее время сильно сдавать сталъ, музыку забросилъ... Діабетъ доканалъ... Ну, а у васъ что въ Танжерѣ творится? Читалъ вашу депешу касательно Агадира. Вотъ такъ инцидентъ!.. Мы здѣсь одно время опасались, какъ бы французы не сцѣпились съ нѣмцами...»

Бѣдный Андреевъ, думалъ я, спускаясь по министерской лѣстницѣ, ушелъ незамѣтно, еще немного и будетъ окончательно забытъ... Сѣренькій человѣкъ!.. Андреевъ не единственный. Имя имъ — легіонъ. Сѣренькіе люди несутъ на своихъ плечахъ весь механизмъ государственнаго строенія. Когда силы имъ измѣняютъ, они исчезаютъ безслѣдно въ водоворотѣ административной жизни. Исторія не останавливается на сѣренькихъ людяхъ...

Ангелъ смерти

Прошло болѣе тридцати лѣтъ, а я помню этотъ случай, какъ будто онъ вчера произошелъ.

Я былъ въ то время молоденькимъ секретаремъ посольства въ Вашингтонѣ и предавался больше спорту и свѣтскимъ удовольствіямъ, нежели работѣ въ канцеляріи. Начальникъ у меня былъ удивительно милый, добрѣйшей души человѣкъ, Кириллъ Васильевичъ Струве. Я жилъ у него въ зданіи нашего посольства, какъ у Христа за пазухой и жизнь мнѣ представлялась въ самыхъ радужныхъ краскахъ.

Въ Америкѣ все для меня было ново, занимательно, интересно, весело, съ ногъ сшибательно... Я катался какъ сыръ въ маслѣ, перелетая изъ Вашингтона въ Нью-Іоркъ, Бостонъ, Филадельфію, Балтимору и возвращался обратно въ свое гнѣздо, въ Вашингтонъ, гдѣ свѣтская жизнь въ зимнее время била ключемъ.

Милѣйшій Кириллъ Васильевичъ относился снисходительно къ моимъ отлучкамъ. Онъ требовалъ только, чтобы я оставлялъ ему мой точный адресъ, хотѣлъ знать, куда именно я ѣду, и бралъ съ меня торжественное обѣщаніе, что я вернусь немедленно, лишь получу отъ него телеграмму, что есть спѣшная работа.

Но въ тѣ добрыя, счастливыя времена ничего спѣшнаго, обыкновенно, не появлялось, и я могъ беззаботно порхать по Америкѣ, какъ птица небесная.

⁂

Однажды, зимой, пріѣзжаю я какъ-то въ Нью-Іоркъ, гдѣ мнѣ предстояло вечеромъ дирижировать котильономъ на одномъ великосвѣтскомъ балу. Захожу позавтракать въ Никкербокеръ Клубъ, гдѣ въ то время собирался весь цвѣтъ Нью-Іорка.

Въ дверяхъ встрѣчаюсь съ молодымъ, талантливымъ адвокатомъ, моимъ пріятелемъ.

— Не хотите ли со мной позавтракать? — обратился онъ ко мнѣ, — у меня маленькое дѣло на самомъ краю города, поѣдемте туда и тамъ же позавтракаемъ. Я вамъ покажу такой ресторанъ, какого вы навѣрно, въ жизни не видали и нигдѣ не найдете.

Мы спустились подъ улицу и покатили по подземной электрической желѣзной дорогѣ въ другой міръ — «Нижній» городъ.

Хотя Нью-Іоркъ и расположенъ на ровной плоскости, но американцы раздѣляютъ его на «верхній» и «нижній». Въ «верхнемъ» они живутъ, въ «нижнемъ» — работаютъ. Въ «верхнемъ» городѣ — театры, музеи, клубы, магазины, скверы, парки и проч., въ «нижнемъ» — биржа, банки, пристани, склады, конторы и проч.

— Ресторанъ, въ который я веду васъ, — сказалъ мой пріятель, выходя на свѣтъ Божій изъ подземелья, — особенный. Въ немъ всѣ служащіе — воры, мошенники, разбойники, убійцы. Всѣ — начиная съ поваровъ, которые — кстати сказать — первоклассные — иностранцы разныхъ національностей и классовъ. У всѣхъ

этихъ подозрительныхъ личностей, на душѣ есть затаенный грѣхъ, который они ни за что не выдадутъ. Они здѣсь прячутся отъ правосудія подъ фальшивыми именами; предпочитаютъ всю жизнь мыть тарелки, нежели сознаться въ преступленіи или проступкѣ, ими совершенномъ. Не подумайте, что я васъ веду въ вертепъ. Напротивъ, прислуга здѣсь гораздо благообразнѣе публики, посѣщающей ресторанъ. Вотъ увидите.

Мы вошли. За маленькими столами въ большомъ залѣ, сидѣли неприглядныя фигуры. То были завсегдатаи — шкипера, подрядчики, странствующіе комерсанты, капитаны торговыхъ судовъ и разные комиссіонеры - прикащики, съ фальшивыми брилліантовыми пуговицами на цвѣтныхъ рубашкахъ.

Зато лакеи были всѣ, какъ на подборъ — одинъ другого благовиднѣе и величавѣе. Они очень важно разгуливали по ресторану и съ большимъ достоинствомъ уносили въ кухню грязныя тарелки. Несмотря на фраки и салфетки въ рукахъ эти люди, однако, не походили на настоящихъ лакеевъ.

— Точно какіе-то принцы, сошедшіе со ступеней трона, — замѣтилъ я моему пріятелю.

— Вы шутите, но на самомъ дѣлѣ вы сказали правду, — отвѣтилъ онъ. — Между ними есть члены самыхъ знатныхъ старинныхъ фамилій различныхъ національностей. Не надо думать, что каждый изъ нихъ принцъ крови и непремѣнно совершилъ какое нибудь загадочное убійство на почвѣ любви; совсѣмъ нѣтъ, большинство здѣсь изъ за пустяка, но такъ у васъ въ Европѣ сильно чувство чести, долга, такъ еще крѣпки традиціи сохраненія добраго имени семьи, полка, что люди предпочитаютъ исчезнуть съ лица земли, нежели запятнать себя на всю жизнь приговоромъ. Въ та-

кихъ случаяхъ люди иногда стрѣляются, но вѣрующіе на себя руки не накладываютъ, да и вообще говоря, покончить съ собой не такъ то легко, какъ кажется. Большинство предпочитаютъ начать новую жизнь, полную лишеній и униженій, тяжелую жизнь, но жизнь. Такова, очевидно, натура человѣческая.

Мы здѣсь, въ Америкѣ, смотримъ сквозь пальцы на этихъ несчастныхъ. Для насъ они не носятъ на себѣ той печати позора и осужденія, которыми они заклеймены въ Европѣ. Здѣсь они — новые люди, подозрительные — да, но имъ дается возможность въ новыхъ условіяхъ возродиться и загладить, если возможно, скверное прошлое. Ихъ будущность отъ нихъ самихъ зависитъ. Одни успѣшно выгребаютъ изъ этого положенія, съ теченіемъ времени добиваются американской національности, не подъ своимъ, конечно, именемъ, и кончаютъ жизнь добрыми американскими гражданами, а другіе попадаются въ проступкахъ или преступленіяхъ, вродѣ тѣхъ, какіе они совершили у себя на родинѣ, и тогда дѣло принимаетъ дурной для нихъ оборотъ: раскрывается ихъ прошлое и — пиши пропало...

За нашимъ столомъ прислуживалъ бѣлокурый молодой человѣкъ замѣчательно красивой и привлекательной наружности.

— Посмотрите на него, — сказалъ я моему пріятелю, — какой красавецъ... совсѣмъ герой изъ Вагнеровскихъ оперъ... можно подумать — Зигфридъ во фракѣ. Какая нимфа Рейна загнала его въ эту дыру? Желалъ бы я знать, что таится за этими задумчивыми грустными голубыми глазами...

— Не воображайте ничего романическаго. Въ боль-

шинствѣ случаевъ подъ этой интересной внѣшностью скрывается самый заурядный мошенникъ.

Я вамъ разскажу случай изъ моей адвокатской практики. Мнѣ его напомнилъ именно этотъ молодой человѣкъ, намъ прислуживающій: нѣсколько лѣтъ тому назадъ одна барышня изъ нашего общества, дочь крупнаго капиталиста, влюбилась по уши въ молодого лакея изъ этого самого ресторана. Зашла она какъ то сюда позавтракать съ отцомъ и какъ увидѣла своего Лоэнгрина во фракѣ... кончено — подавай ей этого Адониса, да и только. Отецъ рвалъ и металъ, но вы сами знаете, какъ безсильны у насъ отцы передъ взрослыми дочерьми — въ этомъ случаѣ особенно: единственная дочь у вдоваго отца, красавица... она буквально изъ отца веревки могла вить. Скрѣпя сердце, отецъ соглашался на бракъ. Меня позвали въ виду затрудненій изъ-за бумагъ Лоэнгрина. Собственно говоря, у него ихъ вовсе не было — ни паспорта, ни даже метрическаго свидѣтельства, ничего. Жилъ онъ подъ вымышленнымъ именемъ и пробылъ въ Америкѣ меньше года; о принятіи американскаго гражданства не могло быть и рѣчи; какъ быть? На видъ молодой человѣкъ былъ очень приличный, держался скромно, почтительно, съ большимъ тактомъ вошелъ въ роль жениха милліонерши, но своего настоящаго имени не выдавалъ. Что онъ по этому поводу наговорилъ своей невѣстѣ, я не знаю, только она за него горой стояла.

— Не разспрашивайте его, говорила она мнѣ, онъ не можетъ сказать вамъ своего имени. Это было бы неблагородно.

Такъ мы изъ этого тупика не выходили.

Прошло мѣсяца четыре. Я, по правдѣ сказать, уже позабылъ о таинственномъ Лоэнгринѣ, какъ вдругъ

ко мнѣ въ кабинетъ влетаетъ дочь милліонера — взволнованная и разстроенная. Такъ и такъ, говоритъ, я узнала его имя и поручила компаніи Пинкертона (детективы) справиться о прошломъ моего жениха. Оказалось, что онъ ни принцъ, ни графъ, ни даже баронъ, что никакая принцесса изъ за него не отравлялась, никакое высокопоставленное лицо съ нимъ не дралось на дуэли. Онъ просто мелкій нѣмецкій офицеришка, промотавшійся и выгнанный изъ полка.

— Я бы могла многое ему простить, — прибавила она, — но онъ мнѣ солгалъ, солгалъ самымъ низкимъ образомъ, когда, вѣря въ его порядочность, я готова была отдать себя и свое имя... Видѣть его я больше не желаю. — И съ этими словами она вынула изъ своего мѣшечка чековую книжку и быстро написала чекъ на мое имя.

— Вотъ, — сказала она, протягивая мнѣ чекъ, — дѣлайте, что хотите и какъ знаете, но только, чтобы духу его здѣсь больше не было...

Ну, отдѣлаться отъ этого господина была задача не трудная. Я вызвалъ его къ себѣ въ кабинетъ.

— Господинъ такой-то, — я назвалъ его настоящимъ именемъ, — вы обнаружены и все ваше прошлое извѣстно.

Молодой человѣкъ покраснѣлъ до корней волосъ.

— Согласно конвенціи о выдачѣ преступниковъ, вы подлежите и т. д., но вмѣсто конвенціи, не угодно ли вамъ сейчасъ выѣхать изъ Нью-Іорка, покинуть Америку и больше здѣсь не показываться.

Приставилъ къ нему детектива, который вывезъ его въ Мексику, гдѣ онъ и по сейчасъ пребываетъ. Если не ошибаюсь, онъ поступилъ опять лакеемъ въ какой то ресторанъ въ Вера-Круцѣ.

— Какъ видите, — закончилъ свой разсказъ адвокатъ, — исторія что ни на есть банальная. Большинство въ томъ же родѣ, но есть среди нихъ и личности изъ ряду вонъ выходящія, но какъ ихъ распознать? Сами никогда не разскажутъ правды... Многое въ жизни ускользаетъ не только отъ правосудія, но и вообще отъ огласки и наблюденія... Сколько остается на этомъ свѣтѣ неразгаданнаго, таинственнаго, окутаннаго въ непроницаемый для насъ туманъ... Сколько!..

***

Я возвращался съ бала усталый, но въ самомъ что ни на есть пріятномъ настроеніи духа. Котильонъ прошелъ необыкновенно оживленно. Я былъ въ ударѣ и мое настроеніе передавалось танцующимъ, а отъ нихъ и всѣмъ другимъ. Было непринужденно весело, что не всегда случалось мнѣ наблюдать на большихъ балахъ въ Нью-Іоркѣ.

Было 4 часа утра, когда мой кэбъ — тогда еще не было автомобилей — подвезъ меня къ гостинницѣ Валдорфъ Асторія. Я мечталъ взять ванну, освѣжиться душемъ и заснуть въ чистомъ бѣльѣ мягкой кровати, но мечтамъ моимъ не суждено было осуществиться.

— Изъ госпиталя Св. Луки три раза звонили, справлялись о васъ и просили немедленно пріѣхать къ тяжело больному русскому.

Этими словами встрѣтилъ меня ночной швейцаръ гостинницы.

— Какой такой русскій? — спрашиваю.

— Не знаю, только, повидимому, умирающій хочетъ передать что то важное русскому консулу, но консула нѣтъ въ городѣ, а ваше имя видѣли въ газетахъ...

ну вотъ и обратились къ вамъ... умирающій молитъ, безпокоится недожить...

Нечего дѣлать, пришлось ѣхать. Сѣлъ обратно въ кэбъ, изъ котораго только что вылѣзъ, и покатилъ въ госпиталь. Ѣхалъ долго, до госпиталя далеко. Пріѣзжаю, меня встрѣчаетъ дежурный докторъ:

— Больной — вашъ соотечественникъ, — говоритъ онъ, — русскій князь, но мы не можемъ разобрать фамиліи... Дѣло въ томъ, что его хватилъ параличъ и рѣчь становится все менѣе ясной. Онъ проситъ, чтобы тѣло его сожгли, а пепелъ отправили на родину.

— Но вѣдь при немъ долженъ быть паспортъ, бумаги... — замѣтилъ я.

— Въ томъ то и дѣло, что по бумагамъ онъ значится американскимъ гражданиномъ и прозывается Николаемъ Андерсономъ и подъ этимъ именемъ принятъ въ госпиталь, но онъ утверждаетъ, что онъ не Андерсонъ и не американецъ. Онъ — русскій, русскій князь. Это мы всѣ ясно разслышали, но какое имя — не понимаемъ.

Вхожу въ палату. Вокругъ постели умирающаго копошилось нѣсколько человѣкъ. Больной, пожилой господинъ русскаго типа съ сѣдой бородкой, лежалъ пластомъ тяжело дыша и таращa на меня мало подвижные, тусклые глаза. Я подсѣлъ къ нему.

— Говорите, — сказалъ я ему, — я васъ слушаю... Какъ васъ зовутъ?.. Будьте спокойны, что все будетъ исполнено согласно вашему желанію...

Умирающій заволновался, хотѣлъ что то сказать, но отяжелѣвшій языкъ плохо повиновался, между тѣмъ, какъ изъ гортани раздавались совершенно непонятные звуки. Я пробовалъ письменно получить отъ него какія нибудь указанія, но карандашъ вываливался изъ его

немощныхъ пальцевъ. Больной продолжалъ тяжело дышать и казалось впадалъ все больше и больше въ то состоянiе равнодушiя или безучастности, которое обыкновенно предшествуетъ концу. Чувство притуплялось, сознанiе покидало человѣка — онъ отходилъ и ничто, никакiя вспрыскиванiя не могли удержать неизбѣжнаго — смерти.

Я стоялъ около кровати умирающаго и безсильно сознавалъ, что вмѣстѣ съ жизнью этого человѣка, исчезала какая то тайна, которую онъ, очевидно, таилъ до послѣдней минуты. Этотъ неизвѣстный здѣсь никому князь, вѣроятно, попалъ въ Америку, какъ тѣ лакеи, которыхъ я видѣлъ въ ресторанѣ... Кто онъ и что онъ сдѣлалъ?.. Узнаемъ ли мы когда нибудь?.. Говорить ужъ онъ больше не могъ, только дышалъ все тише и тише.

— Раскройте окно, — сказалъ кто-то.

Вставало солнце, издали доносился гулъ пробуждающагося города - колосса, а ворвавшiйся въ палату свѣжiй живительный воздухъ точно затушилъ угасающую свѣчу... умирающiй пересталъ дышать.

Среди гробового молчанiя я вдругъ услышалъ удивительно мелодичный женскiй голосъ, произносившiй слова молитвы, которую обыкновенно читаютъ надъ мертвыми. То была одна изъ сидѣлокъ съ изумительно милымъ, вдохновеннымъ лицомъ, напутствовавшая отошедшаго въ вѣчность человѣка.

Я впослѣдствiи узналъ, что ее звали въ госпиталѣ «ангеломъ смерти».

Утромъ я вызвалъ консула и поручилъ ему заняться дѣломъ о таинственномъ соотечественникѣ. Прежде всего надлежало выяснить, кто онъ такой.

Что онъ русскiй — въ этомъ нельзя было больше

сомнѣваться. Въ его скромной квартирѣ нашлось не мало русскихъ бумагъ, замѣтокъ, записокъ, личныхъ счетовъ — все на русскомъ языкѣ, но нигдѣ никакого намека на его происхожденіе. Его знали въ Нью-Іоркѣ около 40 лѣтъ за Николая Андерсона и никому изъ соприкасавшихся съ нимъ и въ голову не приходило, что Андерсонъ — русскій. Служилъ онъ въ какой то торговой конторѣ, мало съ кѣмъ знался и велъ одинокую, однообразную, скучную, въ высшей степени скучную жизнь мелкаго служащаго въ большомъ торговомъ предпріятіи. Такихъ, какъ онъ — десятки, сотни тысячъ въ необъятномъ морѣ торговаго міра Нью-Іорка.

Единственный документъ, въ которомъ покойный высказалъ свою волю, была коротенькая записка, очевидно, написанная имъ передъ тѣмъ, какъ онъ свалился съ своего рабочаго кресла на службѣ. Она была на англійскомъ языкѣ. Вотъ ея текстъ:

«Я скажу русскому консулу, кто я. Во всякомъ случаѣ, я — русскій. Если что со мной случится, прошу тѣло предать сожженію, а пепелъ перевезти въ Россію семьѣ моей».

Записка подписана: Николай Андерсонъ.

По возвращеніи въ Вашингтонъ, я вошелъ въ колею обычной дипломатической жизни и вскорѣ позабылъ о таинственномъ покойникѣ, котораго принялъ на свое попеченіе.

, Какъ то съ утренней почтой получаю очень аккуратную черную металлическую коробочку съ надписью печатными бѣлыми буквами на черномъ фонѣ: «Ни-

колай Андерсонъ, скончался въ Нью-Іоркѣ тогда-то». При посылкѣ бумаги съ черными печатями, удостовѣряющими, что въ посылкѣ пепелъ Андерсона, сожженнаго тогда то, въ присутствіи нашего консула, такихъ-то и проч. Формальности всѣ были соблюдены. Отъ меня требовалась только расписка въ полученіи останковъ Андерсона.

Я думалъ, что эта посылка мнѣ обойдется дорого, такъ какъ всѣ расходы по смерти неизвѣстнаго соотечественника я взялъ на себя, но оказалось, что аукціонъ его вещей покрылъ почти сполна всѣ траты консула. Осталось только исполнить его волю, перевезти его пепелъ въ Россію и предать эти останки землѣ.

Въ виду моего скораго отъѣзда въ отпускъ, я взялся это исполнить.

Сначала я поставилъ черную коробочку на свой письменный столъ въ канцеляріи, но скоро замѣтилъ, что она меня смущала. Пепелъ то пепелъ, но все же это останки человѣка. Покойникъ все время представлялся мнѣ, какъ я его видѣлъ при послѣднемъ издыханіи, и мѣшалъ работать.

Я заперъ коробку въ несгораемомъ шкафу посольства. Какъ нарочно, въ это время было много шифрованныхъ телеграммъ изъ Петербурга и мнѣ приходилось постоянно открывать несгораемый шкафъ и вынимать оттуда шифры. Всякій разъ покойникъ смотрѣлъ на меня укоризненно изъ своей черной коробочки, которая стояла на полкѣ шкафа, словно могильный памятникъ въ миніатюрѣ. Мой отъѣздъ все задерживался то по той, то по другой причинѣ.

Наконецъ, когда настало время укладывать чемоданы, я былъ въ большомъ затрудненіи, куда мнѣ положить Николая Андерсона.

Я, право, не могъ его помѣстить въ моемъ дорожномъ мѣшкѣ, вмѣстѣ съ зубными щетками, губками, мыломъ и пр. Мнѣ казалось непристойнымъ втиснуть его въ кожаный чемоданъ съ сапогами, ботинками и ракетами для игры въ теннисъ. Думалъ я положить его въ сундукъ съ моимъ платьемъ и бѣльемъ, но и тутъ мнѣ непріятно показалось, чтобы останки Андерсона покоились рядомъ съ моими рубашками и носовыми платками... Никакъ я не могъ найти ему подобающаго мѣста. Наконецъ, мнѣ пришла счастливая мысль. Былъ у меня кожаный футляръ для моего цилиндра. Цилиндръ я оттуда вынулъ, подарилъ его моему конюху-негру, а черную коробку съ пепломъ Андерсона, завернувъ въ бумагу, вложилъ въ кожаный чемоданчикъ.

Была лѣтняя пора. Пароходъ отходилъ изъ Нью-Іорка биткомъ набитый. Много знакомыхъ, масса нарядныхъ дамъ, у всѣхъ веселыя лица, праздничное настроеніе. Я подъѣхалъ къ пристани за 10 минутъ до отхода. Пароходъ уже далъ первый гудокъ, а на палубѣ оркестръ игралъ популярный маршъ.

— Скорѣй, скорѣй, — кричатъ мнѣ.

— А гдѣ мои вещи?

— Не безпокойтесь, все въ вашей каютѣ, спѣшите.

Пожимаютъ руки, хлопаютъ по плечу, обнимаютъ, кругомъ смѣются, толкаютъ, незнакомые заговариваютъ:

— Сейчасъ снимаютъ трапъ, бѣгите, довольно вамъ прощаться, лучше возвращайтесь назадъ поскорѣе...

Только что я вошелъ на палубу, пароходъ, медлен-

но, чуть замѣтно сталъ отодвигаться отъ пристани. Съ берега раздались пронзительные крики и возгласы провожающихъ:

— Прощайте, до свиданія, счастливаго пути, не забудьте... поклонитесь... вспомните...

Гостепріимный народъ американцы. Я вошелъ въ мою каюту: цвѣты, коробки конфектъ, корзины съ фруктами, книги на дорогу, иллюстрированные журналы... чего тутъ не было, точно я какая актриса или танцовщица.

Что ни говорите, ни въ одной странѣ такъ не провожаютъ друзей. Что я имъ? Чужой молодой человѣкъ, случайно попавшій въ ихъ среду, а они со мною, какъ съ роднымъ обращаются. Въ сколькихъ домахъ за короткое время пребыванія въ Америкѣ я себя чувствовалъ, какъ дома? Ну, въ какой странѣ Европы возможно что-либо подобное... Конечно, всюду находятся друзья и всюду, послѣ нѣкотораго пребыванія и совмѣстной жизни, устанавливаются интимныя отношенія съ нѣкоторыми лицами, но нигдѣ это не происходитъ такъ легко, такъ просто, съ такимъ довѣрчивымъ радушіемъ, какъ въ Америкѣ.

Каюта мнѣ досталась хорошая, большая, съ ванной и окнами, выходящими на главную палубу. Рядомъ со мной, за стѣной раздавался женскій смѣхъ и болтовня. Я слышалъ гдѣ то этотъ голосъ... навѣрное знакомые.

Выходя изъ каюты, когда позвонили къ завтраку, я столкнулся носъ къ носу съ моей сосѣдкой — маленькая, прехорошенькая, элегантная американочка, сзади нея шелъ высокій, худой старикъ — ея отецъ. Амери-

канка мнѣ поклонилась, подаривъ очаровательной улыбкой, старикъ приподнялъ шляпу, взглянувъ на меня рыбьими глазами.

— Кто такіе? — подумалъ я. — Ее я знаю, это несомнѣнно, но гдѣ я ее видѣлъ?.. Не припомню.

Вечеромъ, передъ тѣмъ какъ лечь спать, я вышелъ на палубу прогуляться и подышать свѣжимъ морскимъ воздухомъ. Я стоялъ облокотившись у борта и любовался отраженіемъ луны въ пучинѣ морской, когда кто-то осторожно дотронулся до меня.

— Мистеръ Боткинъ, а вѣдь вы меня не узнали?.. — и прежде, нежели я обернулся, я уже зналъ, кто говоритъ со мною.

— Ангелъ смерти, — пробормоталъ я. — Конечно, я тотъ-часъ же узналъ васъ по вашему дивному голосу.

Прелестная, какъ распустившаяся роза, словно фея изъ волшебной сказки, стояла передо мною бывшая сидѣлка изъ госпиталя Св. Луки. Она была въ бѣломъ бальномъ платьѣ съ ниткой жемчуга на безукоризненной шеѣ и крупными брилліантами въ маленькихъ миніатюрныхъ ушахъ.

— Ахъ, пожалуйста, милый мистеръ Боткинъ, заговорила она, не называйте меня ангеломъ смерти. Это было и прошло. Я больше не ангелъ и о смерти и слышать не хочу. Я жажду жизни, я люблю жизнь и наслаждаюсь жизнью...

Мы разговорились. Оказалось, что старикъ, котораго я принялъ за отца, на самомъ дѣлѣ ея мужъ, Томасъ Гудсонъ, извѣстный богачъ Томасъ Гудсонъ, керосиновый вице-король.

Какъ она вышла замужъ — исторія простая и она мнѣ ее разсказала въ двухъ словахъ. Гудсона привезли въ госпиталь для серьезной операціи, какъ разъ въ

тотъ день, когда скончался русскій князь. Сильвію — я такъ буду звать жену Томаса Гудсона — приставили ходить за больнымъ. Когда Гудсонъ выписался, онъ взялъ съ собой Сильвію, которая была ему нужна для врачебнаго ухода, а когда Гудсонъ окончательно выздоровѣлъ, Сильвія осталась въ домѣ милліардера, т. е. Гудсонъ упросилъ ее остаться навсегда. Она вышла за него замужъ всего 10 дней тому назадъ и вотъ они плывутъ въ Европу... свадебное путешествіе. Она никогда не была еще въ Европѣ. Ей хочется видѣть Лондонъ, Парижъ, Версаль и многое другое...

— Мой мужъ меня обожаетъ, — добавила Сильвія, — онъ безконечно счастливъ, я... довольна и всѣмъ отъ нашего брака будетъ только хорошо. Ну вотъ, теперь вы все знаете. Забудьте ангела смерти и будемте друзьями...

Она протянула мнѣ свою миловидную руку съ дорогими кольцами на холеныхъ пальцахъ.

— Видите, я васъ не забыла... до сихъ поръ смѣюсь, вспоминая: ждали русскаго консула къ умирающему, думали, войдетъ серьезный господинъ почтенныхъ лѣтъ и вдругъ дверь отворяется и въ 5-мъ часу утра, вваливается молодой человѣкъ во фракѣ и бѣломъ жилетѣ, прямо съ бала, весь увѣшанный бантиками, бутоньерками и разными котильонными бездѣлушками... Такой это былъ контрастъ съ атмосферой смерти въ палатѣ, такой диссонансъ... вы себѣ представить не можете... Вошла жизнь и ушла смерть...

— Я тоже васъ не забылъ... не могъ забыть вашего голоса, въ немъ было столько неземной прелести, когда вы читали молитву... Пораженный, я тогда и не думалъ о неумѣстности моего костюма... Я хотѣлъ знать, кто вы, а мнѣ отвѣтили: — мы ее называемъ «ангеломъ

смерти» — такъ я вашего настоящаго имени и не узналъ. А скажите, если это не нескромно съ моей стороны, почему васъ прозвали въ госпиталѣ ангеломъ смерти?

— Ахъ, пустяки... Просто я навострилась, служа въ госпиталѣ, по внѣшнему виду больного опредѣлять его судьбу — выживетъ или не выживетъ и какъ скоро выздоровѣетъ или умретъ. Я угадывала довольно вѣрно, и сидѣлки сдѣлали мнѣ репутацію какой-то ясновидящей, такъ что даже доктора полу шутя, полу серьезно, передъ трудной операціей справлялись у меня и спрашивали, что я думаю о паціентѣ? Конечно, въ госпиталяхъ, гдѣ приходится имѣть дѣло съ больными и зачастую съ тяжело больными, я больше давала смертныхъ приговоровъ, нежели выздоровленій... оттого меня и прозвали ангеломъ смерти.

— Но вы на самомъ дѣлѣ ясновидящая...

— О, нѣтъ... Это слишкомъ громкое слово. Я не знаю, какъ это выразить: я вѣрю въ предразсудки и преисполнена предчувствій. Если къ этому прибавить извѣстную наблюдательность, выходитъ, что можно болѣе или менѣе вѣрно загадывать впередъ то или другое происшествіе и сообразно съ нимъ поступать въ жизни... Вотъ и все...

— Какъ, «вотъ и все»? — воскликнулъ я, — да вѣдь это очень много, — знать впередъ, что съ вами можетъ случиться! Это громадный даръ Божій, который можетъ оберечь васъ отъ невѣрнаго шага и лихого глаза... это настоящая благодать, искра Божія, которая не многимъ дана...

— Не преувеличивайте, милый мистеръ Боткинъ, ничего тутъ нѣтъ особеннаго и потомъ я вѣдь не непогрѣшима, я тоже могу ошибиться. Увѣряю васъ, что я

не колдунья какая... Отъ одной этой мысли мнѣ жутко становится.

Я замѣтилъ, что этотъ разговоръ не былъ пріятенъ Сильвіи, и мы съ легкостью перескочили на другія темы.

Болтали долго и непринужденно. Стемнѣло, спряталась луна, палуба опустѣла.

— Пора расходиться, — сказала Сильвія, — поздно. Ну не странно ли это: вижу васъ второй разъ въ жизни, а мы точно старые друзья... А, кстати: что вы сдѣлали съ вашимъ таинственнымъ соотечественникомъ. Мнѣ помнится, его отправили въ крематорій, а потомъ?

— Потомъ я получилъ его пепелъ.

— А потомъ?..

— Потомъ, я взялся похоронить его останки на родинѣ.

Лицо Сильвіи сдѣлалось вдругъ сосредоточенно озабоченнымъ.

— Что вы хотите этимъ сказать — вы везете на этомъ пароходѣ его останки?..

— Да. А что?

— Да вѣдь перевозить мертвыхъ по морю приноситъ несчастіе... Я на этотъ счетъ страшно суевѣрна. Какъ ни какъ, вы везете покойника. Пепелъ... Что такое пепелъ? Это конечный результатъ того процесса, который начинается съ момента нашей смерти. Сожиганіе лишь ускоряетъ этотъ процессъ, но не мѣняетъ сущности — пепелъ мертвеца все же мертвецъ, что ни говорите. Вы путешествуете съ мертвецомъ... И зачѣмъ только нужно перевозить умершихъ и тащить ихъ черезъ океанъ?.. Хоронили бы тамъ, гдѣ умираютъ, зачѣмъ ихъ тревожить?..

Послѣднія слова Сильвія произнесла не безъ оттѣнка нѣкотораго раздраженія въ голосѣ.

— Но вѣдь такова была воля покойника, — попробовалъ я оправдаться.

— Я знаю, но развѣ вы не могли его послать по почтѣ, чѣмъ возить съ собой?

— По почтѣ?.. все равно посылка не миновала бы парохода.

— Такъ то такъ, — произнесла Сильвія съ неподдѣльнымъ волненіемъ, но фактъ остается, что рядомъ со мною, рядомъ съ моей каютой... покойникъ...

— Позвольте, — взмолился я, — а я то?

Сильвія взглянула на меня и покатилась со смѣху. Она смѣялась весело, хорошимъ раскатистымъ смѣхомъ, широко раскрывая ротъ и обнаруживая два ряда великолѣпныхъ ровныхъ зубовъ.

— Что съ вами? — спросилъ я ее.

— Нѣтъ, ничего, такъ... Я не могу забыть, какъ вы вошли къ умирающему во всѣхъ вашихъ котильонныхъ доспѣхахъ и мнѣ стало смѣшно... Долго ли будетъ еще это странное сожительство — вы и вашъ спутникъ... жизнь и смерть?

Мы спустились внизъ и подошли къ нашимъ каютамъ. Когда я отворилъ дверь и вошелъ въ свою каюту, Сильвія стояла на порогѣ и, какъ мнѣ показалось, жадно осматривала ее. Ея глаза — такъ мнѣ показалось — пронизывали мой шляпный чемоданъ, точно она видѣла насквозь то, что тамъ покоилось. Лицо ея сдѣлалось опять серьезнымъ и встревоженнымъ.

— И вамъ не страшно? — спросила она меня полушепотомъ.

— До сихъ поръ не было страшно.

Мы распростились.

— Спокойной ночи, — сказала она уходя, — но я бы не могла спокойно спать...

На слѣдующій день погода испортилась. Я проснулся утромъ отъ сильной качки. Первое, что мнѣ бросилось въ глаза, былъ мой шляпный чемоданчикъ, соскочившій съ комода и катавшійся по полу изъ стороны въ сторону. Мы, очевидно, попали въ сильный штормъ, какихъ обыкновенно не бываетъ въ лѣтнюю пору.

Океанъ, весь бѣлый отъ пѣны, вздувался, какъ молоко на горячей плитѣ. Было что-то сердитое въ этихъ грозныхъ волнахъ... Нашъ гигантскій трансатлантикъ казался маленькой сигарой, среди разбушевавшейся стихіи, а мы всѣ, пассажиры, сидѣли внутри этой сигары, герметически закупоренные. Не только нельзя было выйти на палубу, но и окна всѣ были наглухо закрыты. Всѣ какъ-то присмирѣли. Пароходная жизнь остановилась. Не слышно было веселыхъ голосовъ, ни музыки. Люди сидѣли, вѣрнѣе лежали — по угламъ, блѣдные, зеленые, неразговорчивые, унылые, иные съ испуганными глазами... а сигара трещала подъ ударами жестокихъ волнъ, гнулась, дрожала всякій разъ, когда винтъ парохода вылѣзалъ изъ воды, но все шла впередъ, стараясь выбраться изъ «чертовой ямы» — такъ моряки называютъ середину Атлантическаго океана.

— Что за чертовщина! — подумалъ я, глядя на болтающійся на вѣшалкѣ чемоданчикъ, неужели въ самомъ дѣлѣ покойники приносятъ несчастіе на морѣ?.. А ну какъ эта махина въ самомъ дѣлѣ пополамъ сломается... Чѣмъ чортъ не шутитъ? Помощникъ капитана говорилъ мнѣ, что единственная, по его мнѣнію, опасность крушенія является всякій разъ, когда корма и

носъ судна стоятъ на двухъ волнахъ, а корпусъ остается, такъ сказать, въ воздухѣ, внѣ воды... Вотъ въ такіе моменты, судно можетъ сломаться. Чѣмъ больше судно, тѣмъ оно опаснѣе въ этомъ отношеніи... Непріятно объ этомъ думать во время шторма, когда сигару бросаетъ, перебрасываетъ и треплетъ какой-то злой духъ, разъяренный противъ предпріимчивости человѣчества, дерзающаго съ нимъ тягаться.

Сильвіи я больше не видѣлъ съ самаго того вечера... Она не выходила изъ каюты. Ея мужа я встрѣтилъ только одинъ разъ. Онъ пробирался не безъ труда въ аптеку.

— Ваша жена больна? — спросилъ я.

— Она не переноситъ качки, — сухо отвѣтилъ мнѣ керосинный вице-король и холодно посмотрѣлъ на меня стеклянными глазами.

Сильвія не выходила изъ моей головы. Мнѣ было страшно совѣстно передъ ней, зная ея предубѣжденіе противъ мертвыхъ. Я не могъ не сказать ей правды, а между тѣмъ сколько тревоги и страданій эта правда могла ей причинить...

Такъ думалъ я, переходя съ большимъ трудомъ изъ одного салона въ другой, въ тщетной надеждѣ встрѣтить мою сосѣдку по каютѣ.

Но вотъ вдругъ буря какъ будто начала стихать. Рѣже сталъ винтъ работать надъ водой, слабѣе становились удары волнъ по кораблю, сигара меньше трещала. Мы очевидно выходили изъ сферы шторма или штормъ отъ насъ удалялся.

— Мы вылѣзли изъ «чортовой дыры», — громогласно произнесъ капитанъ и судно сразу оживилось.

Пассажиры, какъ тараканы повыползали изъ всѣхъ щелей и снова возстановилась оборвавшаяся на нѣкоторое время пароходная жизнь. По мѣрѣ того, какъ море стихало и дѣлалось снова гладкимъ, настроеніе пассажировъ мѣнялось — изъ придавленнаго оно обращалось въ шумливое и радостное. Опять пошла музыка, игры, танцы и въ такомъ приподнятомъ настроеніи мы подошли къ берегамъ старой Европы. Трансатлантикъ, снова обратившійся въ морского гиганта, бросилъ якорь въ Шербургскомъ рейдѣ. Подошли тендеры и таракановъ начали спускать на землю.

Часть пассажировъ, тѣ, которые ѣхали въ Парижъ, сходили на берегъ въ Шербургѣ, остальные, которые ѣхали въ Англію, оставались на пароходѣ. Я зналъ, что Гудсоны отправлялись въ Лондонъ, мой же путь лежалъ черезъ Парижъ и Берлинъ, въ Петербургъ. Сильвіи я такъ больше и не видѣлъ.

Въ Парижѣ я задержался цѣлую недѣлю, въ Берлинѣ пробылъ три дня и только по прибытіи въ Питеръ раскрылъ я впервые чемоданчикъ, гдѣ я сохранялъ останки неизвѣстнаго мнѣ соотечественника.

Раскрылъ... и обомлѣлъ. Металлической коробочки съ пепломъ Николая Андерсона въ немъ не было. Чемоданчикъ былъ пустъ. Тщетно, похолодѣвшими руками рылся я въ оберточной бумагѣ, наполнявшей чемоданъ — коробочки въ немъ не было, но на днѣ чемодана лежало письмо на мое имя.

Почеркъ былъ мнѣ незнакомый, но я догадался отъ кого письмо, прежде, нежели вскрылъ конвертъ.

... «Да, — писала Сильвія, это я сдѣлала. Я выбросила за бортъ вашего мертвеца... Я долго терпѣла, но когда во мнѣ созрѣла мысль — скажу болѣе — увѣренность, что мы потонемъ, что судно сломается попо-

ламъ, я вошла въ вашу каюту. Вы крѣпко спали. Я не захотѣла васъ будить по причинамъ, которыя вы понимаете. Чемоданчикъ болтался на вѣшалкѣ, а ключи лежали на столѣ. Остальное нечего описывать. Я долго молилась за Николая Андерсона, а подъ утро, улучивъ минуту, бросила его въ пучину. Я видѣла своими глазами, какъ черная коробочка исчезла въ бѣлой пѣнѣ — вашъ неизвѣстный соотечественникъ получилъ морское погребеніе... Не прошло и часа послѣ того, какъ буря стала стихать, а утромъ помощникъ капитана насъ поздравлялъ — мы вышли невредимы изъ чертовой дыры... Если вашъ соотечественникъ совершилъ когда-то что-то злое, а онъ мнѣ представляется большимъ грѣшникомъ, — да простятся теперь тяготѣвшія надъ его душой прегрѣшенія. Вмѣсто двухъ тысячъ неповинныхъ жизней, наполнявшихъ пароходъ, чертова яма получила прахъ лишь одного грѣшника. Согласитесь, что это правильнѣе. Я хочу надѣяться, что вы на меня не посѣтуете за то, что я сдѣлала. Во всякомъ случаѣ, я не буду спокойна, пока не удостовѣрюсь въ этомъ. Не пишите мнѣ ничего, прошу васъ, но при случаѣ пришлите мнѣ пачку чайныхъ розъ, мой любимый цвѣтокъ. Я пойму и мы никогда больше не будемъ вспоминать ни объ этомъ кошмарѣ, ни объ Ангелѣ Смерти.

Я долго сидѣлъ передъ открытымъ пустымъ чемоданомъ, перечитывая письмо Сильвіи и размышляя... Конечно, виноватъ я, что проболтался ей, что везу останки человѣка, но съ другой стороны, не скажи я ей этого, мы можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ пошли бы ко дну? Какъ знать? Провѣрить не возможно...

Предразсудки, предчувствія... хорошо надъ ними смѣяться, когда сидишь у себя въ кабинетѣ и ничѣмъ не рискуешь, но въ морѣ, въ ненастную погоду, не до шутокъ. Не даромъ говорятъ, кто въ морѣ не бывалъ, тотъ и горя не видалъ... Кто въ морѣ не бывалъ, тотъ Богу не молился... У каждаго изъ насъ, даже у тѣхъ, кто отрицаютъ предразсудки, есть предчувствія. У всякаго человѣка есть хоть маленькая доля ясновидѣнія. У иныхъ она мало развита, у другихъ больше, одни видятъ дальше и глубже, нежели другіе... Сильвія въ этомъ отношеніи показалась совершенно исключительной личностью... Нельзя ей не вѣрить... Когда подумаешь, сколько погибло судовъ въ пучинѣ морской и никто никогда не узналъ, какъ это произошло... Пропадали безъ вѣсти и трансатлантики... могъ погибнуть и нашъ гигантъ, если бы... если бы Сильвія не выбросила останки неизвѣстнаго намъ человѣка въ чертову дыру. Какъ знать?.. Эта тайна такъ и останется неразгаданной, какъ и настоящее имя Николая Андерсона и то, что онъ натворилъ болѣе сорока лѣтъ тому назадъ и за что наказалъ себя столь жестокимъ остракизмомъ...

На слѣдующій день я заказалъ въ Казанскомъ Соборѣ заупокойную обѣдню и отстоялъ панихиду по «бояринѣ Николаѣ».

Не стану скрывать отъ читателя, что Сильвія получила букетъ чайныхъ розъ, а что касается чемодана для цилиндра, мнѣ пришлось его бросить... Для меня онъ не былъ больше чемоданомъ, а гробомъ, пустымъ гробомъ, но все же гробомъ.,..

Мѣстничество

Знаменитый фокусникъ Гофманъ пріѣхалъ въ Вашингтонъ. Милѣйшая миссисъ Хауландъ, одна изъ симпатичнѣйшихъ хозяекъ въ этомъ гостепріимномъ городѣ, имѣла счастливую мысль позвать насъ на ужинъ съ Гофманомъ. Насъ было человѣкъ 40. Все свои, близкіе. Обворожительныя американки, веселыя и изящныя, нѣсколько молодыхъ дипломатовъ разныхъ національностей, два-три посланника и престарѣлый англійскій посолъ, лордъ Паунсфотъ, — словомъ, то, что въ газетахъ называется сливками Вашингтонскаго общества.

Было очень забавно. Гофманъ былъ въ ударѣ. Продѣлывалъ необыкновенные фортели съ тарелками, изъ ананасовъ вылетали канарейки, дамскіе браслеты и кольца то исчезали, то находились въ карманахъ гостей, но самый удивительный номеръ былъ со стаканомъ пива. Кто-то спросилъ пива. Пива въ домѣ не оказалось. Шампанское лилось рѣкой.

— Я вамъ дамъ пива, — сказалъ Гофманъ, вытаскивая изъ фрака одного изъ гостей большой металлическій кранъ. Кранъ былъ приставленъ къ довольно толстому американцу. Подставили стаканъ, открыли кранъ и стаканъ наполнился холоднымъ пивомъ. Мы всѣ его пробовали. Пиво, какъ пиво, пѣнистое, словно изъ бочки. Мы отъ души потѣшались.

Когда гости разъѣзжались, посланникъ подозвалъ меня.

— Вѣдь намъ съ вами по дорогѣ, Боткинъ, — сказалъ онъ, — садитесь въ мою карету, я васъ подвезу.

Какъ только дверца безукоризненнаго купэ посланника за мною захлопнулась, добрый старикъ разразился градомъ упрековъ.

— Вотъ до чего мы дожили, — волновался онъ, — это просто чудовищно! Чортъ меня попуталъ принять приглашеніе на этотъ вечеръ, ноги моей больше не будетъ въ этомъ домѣ...

— Что случилось? — спрашиваю я въ недоумѣніи.

— Какъ, что случилось? Да развѣ вы не замѣтили?

— Нѣтъ, ничего. Вечеръ былъ очень удачный, превосходный ужинъ, а что касается Гофмана, то онъ былъ безподобенъ.

— Вы ничего не видѣли... Ну, вотъ и разсчитывайте потомъ на молодое поколѣніе, чтобы оно держалось установленныхъ традицій, чтобы оно отстаивало наши права и преимущества и съ должнымъ достоинствомъ относилось къ возложенной на насъ миссіи. Вамъ только подавай хорошенькихъ американокъ, а на остальное у васъ и глазъ нѣтъ...

Добрый старикъ былъ внѣ себя отъ раздраженія, которое возгоралось еще больше отъ того, что я не могъ его понять. «Что случилось? — повторялъ онъ мою фразу, — случилось то, что фокусникъ, скоморохъ, сидѣлъ направо отъ хозяйки, а англійскій посолъ — налѣво. Вотъ, что случилось, государь мой, а вы этого даже не замѣтили».

Къ счастью, въ каретѣ было темно и посланникъ не могъ видѣть, что я съ трудомъ удерживался отъ то-

го, чтобы не расхохотаться, но мнѣ было жаль старика и я прежде всего хотѣлъ его успокоить.

— Миссисъ Хауландъ, навѣрное, не желала никого обидѣть, — заговорилъ я, послѣ нѣкоторой паузы, — вы сами знаете, какая она милая и что для нея нѣтъ большаго удовольствія, какъ угощать и развлекать своихъ друзей. Въ каждой странѣ свои особенности. Здѣсь, какъ вы знаете, въ ходу давать обѣды въ честь того или другого заѣзжаго лица, — будь то странствующій принцъ, музыкантъ, иностранный писатель, художникъ, актеръ или фокусникъ. Въ этихъ случаяхъ почетному гостю дается первое мѣсто...

Посланникъ не далъ мнѣ договорить.

— Фокусникъ — почетный гость, — воскликнулъ онъ съ негодованіемъ. — Этого еще не доставало! Нѣтъ, слуга покорный, я предпочитаю не принимать участія въ банкетахъ, гдѣ фокусники являются почетными гостями. Я не забываю, что я посланникъ и представляю моего монарха и мое правительство въ той странѣ, гдѣ я аккредитованъ въ качествѣ посланника. Дома ли, въ гостяхъ или на улицѣ, я — посланникъ и долженъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы мое мѣсто оставалось за мной, а не становилось достояніемъ любого шута гороховаго. Въ Бѣломъ ли Домѣ, или въ гостяхъ у американскаго милліонера, я могу и долженъ ожидать соотвѣтствующее моему званію и рангу мѣсто. Кого это не устраиваетъ, можетъ не звать меня, но разъ я приглашенъ, я долженъ сидѣть тамъ, гдѣ мнѣ подобаетъ, а не на третьемъ мѣстѣ, послѣ какого-то фигляра или акробата.

Карета остановилась передъ моимъ крыльцомъ. Егерь посланника отворилъ дверцы, и мы распрощались.

Я смотрѣлъ вслѣдъ удаляющемуся экипажу и мнѣ было невыразимо жалко бѣднаго старика. Онъ навѣрно проведетъ безсонную ночь и плохо переваритъ съѣденный имъ ужинъ, потому что фокусникъ сидѣлъ направо отъ хозяйки, а я не только этого не замѣтилъ, но, по правдѣ сказать, мнѣ рѣшительно все равно, гдѣ сидѣлъ за столомъ забавлявшій насъ фокусникъ.

Строго говоря, посланникъ правъ, но стоитъ-ли изъ за того, что совершенно неумышленно былъ нарушенъ этикетъ, портить себѣ кровь и становиться на дыбы? Хорошо стоять за свои права и преимущества въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ того есть польза и выгода государству, которому служишь, но отъ того, что въ частномъ домѣ за ужиномъ фокусникъ будетъ возсѣдать на почетномъ мѣстѣ, дипломатическій ореолъ отъ этого, право, не умаляется.

Простая истина, но не всѣ дипломаты ее уразумѣли.

Дипломатическіе права и преимущества

Я возвращался съ прогулки верхомъ и былъ еще далеко отъ города, когда мнѣ повстрѣчался бродяга въ лохмотьяхъ на велосипедѣ.

— Боткинъ, — окликнулъ меня бродяга.

Я оглянулся и узналъ въ лицѣ бродяги молодого аташе посольства одного изъ маленькихъ государствъ въ Европѣ.

— Что съ вами? — воскликнулъ я, — Боже, въ какомъ видѣ!.. Вы упали, расшиблись?..

Аташе находился еще подъ впечатлѣніемъ сильнаго потрясенія и въ полномъ смыслѣ слова дрожалъ отъ гнѣва.

— ... Дикая, некультурная страна, — бормоталъ сквозь сухія губы онъ, — во времена Майнъ-Рида здѣсь было лучше... Имъ нуженъ урокъ, хорошій урокъ, и они его получатъ отъ меня... да. отъ меня! Пора Америкѣ знать, что такое дипломатъ и какъ съ нимъ обращаться.

Аташе былъ весь въ синякахъ, съ кровоподтеками, но видъ у него былъ скорѣе смѣшной: въ разорванныхъ штанахъ , съ оголенной шеей, безъ галстука и съ волосами въ живописномъ безпорядкѣ.

Я сошелъ съ коня, досталъ изъ сѣдла походную

аптеку, намочилъ платокъ и принялся промывать раны несчастнаго дипломата.

Я его совсѣмъ не зналъ до этого происшествія. Онъ жилъ какой-то другой жизнью, въ обществѣ не показывался. Его можно было только видѣть на улицахъ Вашингтона всегда на велосипедѣ или на большихъ оффиціальныхъ пріемахъ въ Бѣломъ Домѣ, куда приглашается весь дипломатическій корпусъ. На эти пріемы онъ неизмѣнно пріѣзжалъ на своемъ велосипедѣ во фракѣ, причемъ фалды фрака онъ тщательно засовывалъ въ карманы штановъ. Разсказываютъ, будто однажды, аташе предсталъ въ Бѣломъ Домѣ передъ президентомъ, позабывъ вытащить фалды фрака изъ кармановъ, но я этого самъ не видѣлъ и думаю, что это относится къ разряду анекдотовъ. Американцы любятъ поострить на счетъ иностранныхъ дипломатовъ.

Мы расположились на лужайкѣ, подъ тѣнистымъ деревомъ, невдалекѣ отъ дороги и тутъ аташе повѣдалъ мнѣ свое горе.

Вотъ, что случилось — я передаю разсказъ молодого дипломата въ точности, выпустивъ только всѣ его жалобы и крѣпкія слова по адресу мѣстной полиціи, американскихъ нравовъ и порядковъ и нареканія на федеральное правительство.

Аташе катался на своей бисиклеткѣ въ окрестностяхъ Вашингтона. Ему захотѣлось утолить жажду и закусить. На пути стоялъ кабачекъ и аташе вошелъ въ кабачекъ, переполненный грязнымъ народомъ, въ числѣ посѣтителей котораго были и негры. Аташе не успѣлъ еще выбрать себѣ мѣсто, гдѣ бы расположиться, какъ кто-то закричалъ: «У меня украли портмонэ». Произошло смятеніе. Женщина продолжала вопить: «у меня сейчасъ украли портмонэ». Хозяинъ бросился къ

дверямъ, затворилъ на замокъ, затѣмъ подошелъ къ телефону и вызвалъ полицію. «Никто отсюда не уйдетъ, всѣ будутъ обысканы», — сказалъ онъ, обращаясь къ почтенной публикѣ. Публика была смущена и разно проявила волнующія ее чувства. Аташе сдѣлалъ неосторожное движеніе по направленію къ выходу. «Держите его» — нервно закричалъ кто-то, — «джентльмэнъ собирается дать тягу, держите его крѣпко». Нѣсколько рукъ вцѣпились, какъ клещи, въ аташе. Чѣмъ больше онъ старался отъ нихъ отдѣлаться, тѣмъ крѣпче его сжимали клещи и тѣмъ больше являлось охотниковъ содѣйствовать задержанію подозрительнаго субъекта. «Оставьте меня, — вопилъ аташе, — вы не имѣете права меня трогать»... Слова эти только пуще разожгли страсти посѣтителей кабачка. У аташе оставались свободными только ноги и онъ сдѣлалъ вполнѣ понятный, но крайне опасный въ данномъ положеніи жестъ — онъ сталъ отбиваться ногами. Тутъ произошло нѣчто ужасное: «Джимъ, Джакъ»... — кричали грубые голоса, онъ брыкается, хватайте разбойника за ноги, валите его, вотъ такъ, вотъ такъ его разбойника... зачѣмъ лягаетъ»... Никто больше не стѣснялся ни въ выраженіяхъ, ни въ дѣйствіяхъ. Дымъ стоялъ коромысломъ. «Я дипломатъ, — оралъ во все горло аташе, — я членъ дипломатическаго корпуса», — но никто его не слушалъ. Подъ предлогомъ задержанія «разбойника», ему рвали платье, издѣвались надъ нимъ, въ то время какъ какая-то чернокожая мегера, пользуясь суматохой, нещадно щипала его въ самыя мягкія части тѣла.

Появленіе полиціи положило конецъ испытаніямъ несчастнаго дипломата. Клещи моментально разомкнулись. Всѣ притихли.

— Гдѣ воръ? — спросилъ полисмэнъ.

— Вотъ онъ, — въ одинъ голосъ отвѣтила группа хулигановъ, указывая на аташе, — онъ собирался бѣжать, мы его задержали.

Тутъ аташе совершилъ капитальную ошибку. Онъ обратился къ полисмену съ требованіемъ арестовать «этихъ негодяевъ», напавшихъ на него и назвался по имени: «Я такой-то, членъ дипломатическаго корпуса».

Весь кабачекъ разразился дикимъ, неудержимымъ хохотомъ. Даже и полисмэнъ улыбнулся.

— Такъ я и повѣрю, что ты дипломатъ... — произнесъ полисмэнъ. Я, братъ, всѣхъ дипломатовъ въ Вашингтонѣ въ лицо знаю, меня не проведешь. А гдѣ твои бумаги?

Никакихъ бумагъ на аташе не было.

— Съ него и начнемъ, — сказалъ полисмэнъ хозяину.

Предстоялъ обыскъ.

— Вы не смѣете меня трогать, — хорохорился аташе. Справьтесь по телефону въ моей миссіи. Я — экстерриторіаленъ.

Никто разумѣется этого термина въ кабачкѣ не понималъ, но упорство аташе потѣшало хулигановъ, которые отъ души покатывались и предвкушали еще больше удовольствія отъ столкновенія иностраннаго мошенника съ полисмэномъ.

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось дѣло, если-бъ не раздался женскій голосъ изъ угла: «Я нашла свое портмонэ. Вотъ оно».

Какая то женщина, ирландка, съ виду прачка, выступила впередъ съ грязнымъ портмонэ въ рукахъ. «Я уже давно сказала, что нашла его, только за шумомъ не слышно было».

Произошло замѣшательство.

— Напрасно безпокоили полицію, — замѣтилъ полисмэнъ. Простое и пустое недоразумѣніе.

Но аташе не унимался. Онъ настаивалъ на наказаніи напавшихъ на него лицъ, требовалъ, чтобы былъ составленъ протоколъ, но полисменъ медлилъ, а хулиганы тѣмъ временемъ пользовались, чтобы незамѣтно одинъ за другимъ исчезать. Аташе протестовалъ и угрожалъ полисмэну пожаловаться на него за нерадѣніе и неоказаніе помощи члену дипломатическаго корпуса.

— Идите своей дорогой, — посовѣтовалъ ему полисмэнъ, — вы видите, ничего не произошло, фактъ воровства не установленъ, маленькое недоразумѣніе и больше ничего.

Закончивъ свой разсказъ, аташе, весь пылая гнѣвомъ, прибавилъ:

— Но я этого дѣла не оставлю. Полисмэнъ долженъ быть наказанъ, Федеральное Правительство должно принести извиненія моему посланнику; кромѣ того, они отвѣтственны за нанесенные мнѣ матеріальные убытки...

Я далъ аташе выложить все, что у него накипѣло, и когда онъ нѣсколько успокоился, отведя душу, «знаете, — сказалъ я ему, — на вашемъ мѣстѣ я бы бросилъ это дѣло.

Происшествіе непріятное, что и говорить, и вы потерпѣли совершенно невинно, но надо хорошенько разобраться въ послѣдствіяхъ того или другого образа дѣйствія. Если вы сейчасъ вернетесь домой, скажете, что упали съ велосипеда и высидите у себя, пока не заживутъ ваши синяки и царапины, никто ничего не

будетъ знать и дѣло канетъ въ воду. Полисмэнъ врядъ-ли на васъ донесетъ, хотя вы и имѣли неосторожность дать ему ваше имя и званіе. У васъ сохранится только воспоминаніе объ отвратительной сценѣ въ кабакѣ — ну, что жъ... въ другой разъ не пойдете прохлаждаться въ такихъ вертепахъ. Если же вы станете жаловаться вашему посланнику и онъ напишетъ ноту Федеральному Правительству, самое большое, чего добьетесь, это то, что полисмену сдѣлаютъ выговоръ, а подумайте сколько непріятностей вы рискуете имѣть изъ-за огласки это-го дѣла. Не воображайте, что передъ вами будутъ извиняться за то, что въ какомъ то загородномъ кабакѣ неизвѣстные хулиганы васъ помяли и разорвали ваше платье. А ужъ если печать, всегда склонная къ шовинизму, ухватится за этотъ инцидентъ... повѣрьте мнѣ, что будете жалѣть о томъ, что заварили кашу.

— Нельзя же оставлять этого вопіющаго насилія безнаказаннымъ, — возразилъ аташе, вовсе не убѣжденный моими доводами. — Уже не говоря о томъ, что я не вправѣ скрыть такое дѣло. Вѣдь здѣсь затронутъ принципъ нашей неприкосновенности — честь дипломатическаго корпуса...

— Громкія слова, но какая имъ цѣна? Я понимаю, что если бы васъ обидѣли при исполненіи вашихъ обязанностей, но въ данномъ случаѣ ваше оффиціальное положеніе не при чемъ. Вѣдь вы же не какъ аташе Посольства находились въ кабакѣ?..

— Гдѣ бы я ни былъ, я — аташе Посольства. Въ Бѣломъ Домѣ или въ кабакѣ, я — аташе Посольства и не долженъ позволять наступать мнѣ на ноги. Мы имѣемъ наши права и преимущества, которыя должны охранять. Здѣсь, въ Америкѣ, это больно часто забывается. Пора напомнить...

— Ну, смотрите, какъ бы это напоминаніе не обошлось вамъ слишкомъ дорого. Помните одно: здѣсь, въ Америкѣ, нашему брату, дипломату, никогда не нужно ставить себя въ смѣшное положеніе, но разъ попалъ въ такое положеніе, то надо его принимать съ улыбкой на устахъ и самому надъ собой посмѣяться, но никакъ не цѣпляться за свои прерогативы въ разодранныхъ штанахъ.

Аташе со мной не соглашался. Онъ не видѣлъ ничего смѣшного въ своемъ положеніи. Есть же люди на свѣтѣ, лишенные всякаго юмора. Маленькій аташе былъ переполненъ чувствомъ собственнаго достоинства и опирался на дипломатическія прерогативы, какъ на каменную гору. Онъ въ самомъ дѣлѣ воображалъ, что дастъ урокъ Федеральному Правительству.

Мы вышли на большую дорогу. Я сѣлъ на лошадь, аташе — на велосипедъ и направились въ городъ.

На слѣдующій день я уѣзжалъ во Флориду и могъ только по газетамъ и частнымъ письмамъ слѣдить за происшествіемъ въ кабакѣ, принявшемъ размѣры крупнаго скандала.

Аташе пожаловался посланнику. Послѣдній вступился за него, послалъ ноту въ министерство иностранныхъ дѣлъ, требовалъ наказанія виновныхъ. Виновнымъ оказался одинъ только полисмэнъ, непочтительно обошедшійся съ дипломатомъ. Онъ подвергся какому то маленькому взысканію, которое не удовлетворило ни аташе, ни его посланника. Тѣмъ временемъ происшествіе съ аташе попало въ печать. Репортеры газетъ, какъ голодные волки, набросились на него и принялись

раздувать. Появились въ газетахъ заголовки жирнымъ шрифтомъ: «Дипломатическій инцидентъ», «Недовольный аташе», «Ультиматумъ изъ за драки въ кабакѣ», «Нареканія на нашу полицію», «Дипломатическая неприкосновенность» и т. п. Подъ вліяніемъ статей, а отчасти изъ за безтактности нѣкоторыхъ дипломатовъ, общественное мнѣніе высказалось противъ аташе и дипломатическихъ привиллегій вообще. Одна газета даже открыла подписку въ пользу пострадавшаго полисмэна. Собрали крупную сумму. Полисмэнъ могъ бы поблагодарить аташе за неожиданную популярность. Наконецъ, заговорили послы и посланники. Оборотъ, который приняло дѣло, имъ не нравился. Хорошо стоять за прерогативы, но нужно знать и мѣру. Аташе осуждали всѣ. На него, какъ на бѣднаго Макара, всѣ шишки валились. Даже его начальникъ, испугавшись размѣровъ скандала, отъ него сталъ отбояриваться. Онъ даже посовѣтовалъ ему уѣхать въ отпускъ.

Словомъ, когда я черезъ мѣсяцъ вернулся въ Вашингтонъ, я нашелъ на своемъ столѣ визитную карточку аташе, на которой онъ написалъ карандашемъ: «До свиданія, гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ». Въ Америкѣ онъ больше не появлялся.

Я слышалъ, что онъ вскорѣ послѣ того оставилъ дипломатическую службу.

Вотъ какія послѣдствія принимаютъ иногда самыя пустыя приключенія.

Что и говорить, сладки и пріятны дипломатическія прерогативы, но нужно знать, когда и какъ ими пользоваться.

Гостепріимство

Мы расположились у камина въ большомъ залѣ нашего клуба, гдѣ обыкновенно молодежь собирается послѣ вашингтонскихъ обѣдовъ передохнуть и поболтать передъ тѣмъ какъ разойтись по домамъ. Разговоръ зашелъ о гостепріимствѣ, о томъ, что надо разумѣть подъ настоящимъ гостепріимствомъ? Среди насъ сидѣлъ одинъ убѣленный сѣдинами, испытанный дипломатъ.

Кому и судить о гостепріимствѣ, — заговорилъ онъ не безъ авторитета, — какъ не нашему брату, дипломату. Исколесивъ весь міръ, побывавъ и въ дикихъ и въ цивилизованныхъ странахъ, я составилъ себѣ понятіе о гостепріимствѣ. Не думаю, чтобы оно вполнѣ согласовалось съ вашимъ представленіемъ. Вы, напримѣръ, воображаете, что обѣдая, завтракая и танцуя на вашингтонскихъ балахъ, вы пользуетесь широкимъ гостепріимствомъ американцевъ. На самомъ дѣлѣ это не совсѣмъ такъ. Здѣсь въ обычаѣ приглашать иностранныхъ дипломатовъ. Обѣдъ не обѣдъ, если на немъ нѣтъ дипломатовъ. Дипломатъ въ данномъ случаѣ является необходимымъ аттрибутомъ обѣда, какъ цвѣты, фрукты, дессертъ. Зачастую дипломатъ приглашается не за то, что онъ есть на самомъ дѣлѣ, а за то, что онъ пред-

ставляетъ. А ужъ, что касается баловъ, такъ здѣсь, какъ вы знаете, такая масса дамъ и въ особенности барышень въ свѣтѣ, что мѣстныхъ молодыхъ людей не хватаетъ и на половину. Безъ дипломатическаго корпуса нельзя и бала дать. Сенаторы, съѣзжаются въ Вашингтонъ съ многочисленными семействами, но кого мы видимъ изъ этихъ семействъ? Только женъ и дочерей, а сыновья всѣ или въ школахъ, университетахъ, или работаютъ гдѣ нибудь въ большихъ центрахъ банковыхъ или мануфактурныхъ. Такимъ образомъ, господа, выходитъ, что вы — холостая молодежь — необходимый элементъ мѣстной свѣтской жизни. Вы, такъ сказать, тотъ партнеръ, который нуженъ для бриджа, безъ котораго нѣтъ партіи. Американцы это отлично сознаютъ. Еще недавно одна изъ самыхъ «гостепріимныхъ» вашингтонскихъ хозяекъ, узнавъ о томъ, что въ моемъ посольствѣ открылась вакансія секретаря, такъ откровенно мнѣ и выложила: «Пожалуйста напишите въ ваше министерство, что бы ни въ какомъ случаѣ не присылали женатаго секретаря. Намъ съ женатыми нечего дѣлать; одна возня — лишняя женщина, у насъ и такъ ихъ слишкомъ много»...

Такимъ образомъ, вы видите сами, что спросъ на васъ объясняется мѣстными условіями свѣтской жизни, а гостепріимство здѣсь не причемъ. Я, однако, не отрицаю, что американцы — народъ гостепріимный, но совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, какъ вы на это смотрите.

— Что же вы называете гостепріимствомъ? — спросили мы стараго дипломата.

— Настоящее гостепріимство, по моему, должно быть безъ всякаго интереса, совершенно безкорыстное. Американскіе обѣды не подходятъ подъ эту рубрику. Въ нихъ чувствуется какой то молчаливый до-

говоръ между хозяиномъ и гостемъ, договоръ, основанный на принципѣ — do ut des. Хозяинъ открываетъ свой домъ и поставляетъ угощенія, а гость расплачивается, такъ сказать, своей персоной, своимъ положеніемъ, знаніемъ или личными качествами и салонными талантами. Это не есть настоящее гостепріимство.

Дипломатъ отхлебнулъ изъ стоящаго передъ нимъ стакана, закурилъ сигару и продолжалъ.

— Когда я былъ молодъ, какъ вы, вопросъ этотъ — гдѣ я найду настоящее гостепріимство — меня очень занималъ. Я придумалъ такого рода пробу, которую имѣлъ терпѣніе повторять во всѣхъ странахъ, гдѣ мнѣ приходилось пребывать по службѣ.

Въ обѣденный часъ я звонилъ къ людямъ мнѣ мало знакомымъ и спрашивалъ хозяина или хозяйку. Я давалъ мою карточку прислугѣ и ждалъ, что изъ этого выйдетъ. Реакція была различная. Въ однихъ государствахъ мнѣ говорили, что никого дома нѣтъ, въ другихъ, что хозяинъ очень извиняется, обѣдаетъ, принять не можетъ, иногда прибавлялось: «просятъ зайти послѣ обѣда» или «просятъ написать»... Иногда случалось, что хозяинъ выходилъ въ переднюю, тщательно закрывая за собой дверь, и спрашивалъ меня, что случилось. Мнѣ оставалось отдѣлываться какимъ нибудь предлогомъ, заранѣе придуманнымъ, и уходить не солоно хлебавши.

Только въ двухъ странахъ меня задержали и предложили отобѣдать запросто — въ Россіи и въ Америкѣ... Васъ это удивляетъ? Да, Америка и Россія — казалось бы государства противоположныхъ укладовъ и обычаевъ, въ своемъ родѣ антиподы, а между тѣмъ, на гостепріимствѣ американцы и русскіе сошлись, хо-

тя оно выразилось у тѣхъ и другихъ въ совершенно различной формѣ.

— Разскажите, какъ это произошло.

— Въ Америкѣ... это было много лѣтъ тому назадъ. Я постучался въ домъ мнѣ совсѣмъ мало знакомыхъ людей, какъ разъ въ моментъ, когда хозяева садились за столъ. Я видѣлъ съ улицы освѣщеніе въ столовой. Человѣкъ ввелъ меня въ маленькую гостинную и пошелъ обо мнѣ докладывать.

Прошло минутъ пять. Я слышалъ, что въ домѣ произошло маленькое замѣшательство; кого-то звали, кто то быстрыми шагами проходилъ по прихожей, кто то поднимался по лѣстницѣ, кто то спускался, кто-то давалъ спѣшно и шопотомъ какія то приказанія.

Наконецъ, дверь отворилась и вошелъ хозяинъ. Онъ извинился, что заставилъ меня ждать и заговорилъ о погодѣ. Я говорю «о погодѣ», потому что не помню, о чемъ совершенно неважномъ завелъ рѣчь хозяинъ, очевидно, желая выиграть время.

Я только что успѣлъ извиниться, что зашелъ въ столь неурочный часъ, какъ дверь снова отворилась и вошла хозяйка. Она была мило одѣта въ домашнее платье и, привѣтливо улыбаясь, протянула мнѣ руку.

— Какой пріятный сюрпризъ, — заговорила она, — мы только что съ мужемъ садились за столъ. Я надѣюсь, что вы никуда не спѣшите и сдѣлаете намъ удовольствіе съ нами отобѣдать. Я такъ рада васъ видѣть.

Я остался. Мы вошли въ столовую. Мой приборъ уже былъ накрытъ по правую руку отъ хозяйки. Видно было, что столъ былъ наскоро приведенъ въ тотъ видъ, какой надлежитъ имѣть, когда гости въ домѣ. По срединѣ стола стояла ваза съ цвѣтами, около каждаго прибора серебряное блюдечко съ соленымъ миндалемъ,

хрустальные стаканы и рюмки и пр. Хозяинъ рекомендовалъ свой особенный портвейнъ, а хозяйка послѣ каждаго блюда обращалась ко мнѣ со словами: «Возьмите еще пожалуйста, у насъ больше ничего нѣтъ, очень легкій обѣдъ». Но за послѣднимъ блюдомъ экспромптомъ являлось еще другое и т. д. Кухарка старалась отличиться и прислуга, какъ и хозяева въ молчаливомъ единеніи дѣйствовали заодно. Въ каждой подробности, въ каждомъ движеніи, я точно читалъ: «Вотъ мы какіе, вотъ какъ это у насъ... ты зашелъ невзначай, случайно, а у насъ все такъ устроено, какъ будто мы тебя только и ждали.

Разставаясь, хозяйка протянула мнѣ обѣ руки и съ очаровательной улыбкой произнесла: «Вы намъ сдѣлали въ самомъ дѣлѣ большое удовольствіе», и когда я разсыпался въ извиненіяхъ, благодаря за оказанное мнѣ гостепріимство, — «не извиняйтесь, ради Бога, сказалъ хозяинъ, вы насъ этимъ только конфузите — вы всегда желанный гость».

Въ Россіи обстановка была нѣсколько иная, но сущность та же. Я позвонилъ у квартиры знакомыхъ, у которыхъ никогда не бывалъ. Встрѣчалъ я ихъ въ обществѣ; гдѣ то вмѣстѣ ужинали однажды, раза два играли въ карты... вотъ и все. Горничная мнѣ отворила и я изъ передней въ открытыя двери увидѣлъ все семейство за длиннымъ столомъ. Было шумно и дѣтскіе голоса покрывали взрослыхъ. При появленіи чужого въ передней, на минуту всѣ притихли, но послѣ момента смущенія хозяинъ, узнавъ меня, замахалъ салфеткой. — «Здравствуйте, добро пожаловать, — голосилъ онъ, вставая и идя мнѣ навстрѣчу, — здравствуйте. Въ первую минуту не узналъ васъ... быть вамъ богатымъ. не узналъ, потому, что никакъ не ожидалъ. Ну,

садитесь, будьте милымъ гостемъ... вотъ такъ порадовали...»

— Прошу извинить меня, — бормоталъ я, — мнѣ право совѣстно васъ безпокоить въ обѣденный часъ.

— Какія тамъ извиненія, — заговорила хозяйка, — что за церемоніи... свои люди... у насъ все запросто: пришли, ну и садитесь. Федя, подвинься...

И мнѣ тотчасъ же очистили мѣсто рядомъ съ хозяйкой. Произошла маленькая перестановка приборовъ, но все довольно быстро пришло въ порядокъ. Не успѣлъ я сѣсть за столъ, какъ какая-то полная дама, не то гувернантка, не то экономка, ставила передо мною полную тарелку пылающаго борща.

— Гдѣ пирожки? — воскликнулъ хозяинъ. — Неужели всѣ съѣдены?.. ахъ, дѣти... настоящая саранча!..

— Сейчасъ ватрушки принесутъ, — послышался сзади меня женскій голосъ, и передо мною гора ватрушекъ.

— Берите сразу три, — посовѣтовала мнѣ хозяйка, видя, что я положилъ на тарелку одну ватрушку, — а то блюдо пойдетъ теперь по столу и неизвѣстно, что на немъ останется, когда оно вернется.

Блюдо передавалось сидящей молодежью изъ рукъ въ руки и гора ватрушекъ дѣйствительно быстро таяла.

— Оставьте и намъ хоть что нибудь, — замѣтилъ хозяинъ... — прожорливы они у меня, словно акулы...

Всѣ покатились со смѣху. Одна дѣвочка лѣтъ 12-ти, ротъ которой былъ полонъ творогомъ, проговорила едва понятно:

— Папа, не безпокойся... я сейчасъ на кухнѣ была... сама видѣла... у повара еще такое же блюдо съ ватрушками...

— Ты бы сначала проглотила то, что у тебя во рту, Вѣра, — сказала мать. Снова раздался дружный смѣхъ молодежи.

— Я никакъ не ожидалъ, — заговорилъ я, обращаясь къ хозяйкѣ, — что у васъ такое многочисленное семейство.

Новый взрывъ хохота.

— Моихъ только трое, — улыбаясь произнесла хозяйка, — но тутъ еще семья моей сестры, которая живетъ въ Таганрогѣ, а эти двѣ взрослыя барышни — дочери старшаго брата моего мужа. Отецъ ихъ на Кавказѣ командуетъ дивизіей, а я здѣсь вывожу ихъ въ свѣтъ...

— И все это живетъ у васъ? удивился я.

— Ну да, конечно... А то какъ же? Это васъ удивляетъ?

— По правдѣ сказать, — да. Я недоумѣваю, какъ у васъ для всѣхъ нашлось мѣсто въ квартирѣ?

— Мѣста?.. — засмѣялась хозяйка, — потѣсниться — всегда найдется мѣсто. Какъ за столомъ: вотъ вы вошли и сейчасъ же нашлось мѣсто. За этимъ дѣло не станетъ. Мы говоримъ, «въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ».

Непринужденно веселое настроеніе не прекращалось до конца обѣда. Было что то необыкновенно теплое и уютное въ атмосферѣ этого семейнаго сочетанія.

Когда я всего лишь часъ тому назадъ звонилъ въ эту квартиру, я былъ совершенно чужой человѣкъ — да еще иностранецъ. Довольно было раздѣлить ихъ трапезу, чтобы чувствовать себя не только своимъ въ домѣ, но и роднымъ. Дѣти-подростки вставали изъ за стола, крестились, цѣловали руку хозяину, обнимали хозяйку, довѣрчиво подступали ко мнѣ и исчезали. На концѣ длиннаго стола появился дымящійся самоваръ

и та самая полная особа, которую я принялъ за экономку или гувернантку, священнодѣйствовала, разливая чай...

И долго еще мы сидѣли и болтали непринужденно, какъ будто другъ друга знали давно. Два раза я вставалъ, но меня не пускали.

— Куда вы?.. такъ рано... Да подождите... посидите...

Когда я, наконецъ, окончательно собрался уходить, вся семья вышла за мною въ переднюю.

— Ну, вотъ, — сказала хозяйка, — теперь-то, что вы знаете дорогу къ намъ, надѣюсь, будете часто заходить. Мы всегда въ обѣденное время дома.

Вотъ это я называю настоящимъ гостепріимствомъ, воскликнулъ старый дипломатъ, — гостепріимство безъ всякой задней мысли, безъ какого либо разсчета... Гостепріимство, такъ сказать, отъ души... Все остальное —банкеты, званые завтраки и обѣды, дипломатическіе пріемы и т. п. ничто иное, какъ различныя проявленія оффиціальной или свѣтской жизни... все это только условія взаимныхъ обязательствъ, добровольно принятыхъ на себя обществомъ и оффиціальнымъ міромъ, но не гостепріимство въ своей чистой идеальной патріархальной формѣ...

Законъ линча

На балу «Холостяковъ» — самый веселый балъ Вашингтонскаго сезона — ко мнѣ подходитъ итальянскій посланникъ.

— Скажите, — говоритъ онъ, — кто эта прелестная барышня, съ которой вы только что танцевали?

— Ее зовутъ миссъ Линчъ, — отвѣчаю я, — она не здѣшняя. Пріѣхала изъ Ричмонда на сегодняшній вечеръ.

— Миссъ Линчъ? Вы сказали, миссъ Линчъ? Пожалуйста представьте меня миссъ Линчъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ. Вы мнѣ даже окажете услугу, если пригласите ее танцевать. Миссъ Линчъ почти никого не знаетъ въ Вашингтонѣ.

Я былъ однимъ изъ распорядителей на балу Холостяковъ и сокрушался, видя преобладаніе женскаго элемента на нашихъ балахъ.

Черезъ минуту состоялось знакомство.

— Счастливъ, очень счастливъ съ вами познакомиться, — разсыпался старый дипломатъ передъ хорошенькой американкой, давно искалъ случая представиться вашему отцу. Надѣюсь, вы меня познакомите съ нимъ...

Миссъ Линчъ нѣсколько смутилась.

— У меня нѣтъ отца, — сказала она, — я сирота.

Дипломатъ сдѣлалъ удивленное лицо.

— Простите, я думалъ, что вы дочь Верховнаго Судьи Соединенныхъ Штатовъ.

Присутствующіе посмѣялись, посланникъ считался очень остроумнымъ, но мнѣ показалось, что шутка его была неумѣстная и не понравилась миссъ Линчъ. Она однако мило улыбнулась и, погрозивъ ему пальчикомъ:

— Подождите, господинъ посланникъ, — произнесла она, — придетъ день, когда судья Линчъ и до васъ доберется... Онъ постоитъ за свою дочь и отвѣтитъ на вашу насмѣшку...

Какъ нарочно, не прошло и недѣли со времени бала «Холостяковъ» какъ въ Новомъ Орлеанѣ были линчированы 11 итальянцевъ. Происшествіе это произвело громадное впечатлѣніе какъ въ Америкѣ, такъ и въ Италіи.

Возбужденіе было большое въ Италіи противъ американцевъ, въ Америкѣ противъ итальянцевъ. Печать и тамъ и тутъ подливала масла въ огонь.

Въ краткихъ словахъ вотъ сущность дѣла. Населеніе итальянцевъ, весьма значительное въ Новомъ Орлеанѣ, давало не мало работы мѣстной полиціи. Борьба противъ злоумышленниковъ затруднялась въ особенности вслѣдствіе существованія тайнаго общества Мафія, покрывавшаго злодѣевъ и скрывавшаго всѣ концы въ воду. Начальникъ мѣстной полиціи Генесси, человѣкъ энергичный и ловкій, изучилъ и выслѣдилъ всѣ тайны Мафіи и намѣревался наложить свою мощную руку на главарей этой преступной организаціи. Въ одинъ прекрасный вечеръ кто то изъ-за угла его убиваетъ на ули-

цѣ. Подозрѣнія падаютъ, разумѣется, на итальянцевъ. Нѣсколькихъ человѣкъ арестуютъ, судятъ.

Недостатокъ ли уликъ и доказательствъ, или какія другія причины, воздѣйствовавшія на присяжныхъ, которыхъ итальянцы стращали подобной же местью, привели къ довольно неожиданному въ Америкѣ результату: итальянцевъ оправдали. На другой же день, на одной изъ площадей Новаго Орлеана собрался многочисленный митингъ. Одинъ изъ пожилыхъ гражданъ города, нѣкто Паттерсонъ, произноситъ рѣчь, въ которой горячо порицаетъ «позорное дѣло» — оправданіе убійцъ доблестнаго Генесси.

— Я не хочу ни имени, ни славы, — говоритъ Паттерсонъ, — я простой американскій гражданинъ и желаю исполнить свой долгъ въ данномъ случаѣ.

—Принести ли намъ наши ружья? — спрашиваютъ его изъ толпы.

— Да, да, — отвѣчаетъ Паттерсонъ, — идите за вашими ружьями и соберетесь въ скверѣ Конго.

Его слова привѣтствуются громомъ апплодисментовъ и черезъ полчаса времени вооруженная толпа въ большомъ порядкѣ движется по направленію къ тюрьмѣ. Безъ большого сопротивленія толпа проникаетъ въ тюрьму, находитъ итальянцевъ, которые, послѣ оправданія были спрятаны на женской половинѣ изъ опасенія Линча. Въ нѣсколько минутъ — 11 жертвъ: одни итальянцы повѣшены, другіе прострѣлены множествомъ пуль. Затѣмъ порядокъ вскорѣ снова возстановляется.

Новоорлеанская катастрофа породила большое дипломатическое затрудненіе между Соединенными Штатами и Италіей.

Подъ первымъ впечатлѣніемъ тогдашній американскій министръ иностранныхъ дѣлъ Блэнъ, телеграфиро-

валъ г. Никольсу, губернатору Луизіаны, что президентъ чрезвычайно недоволенъ и признаетъ этотъ случай Линча непростительнымъ, но, по мѣрѣ того, какъ общество, и пресса — всѣ въ одинъ голосъ высказались одобрительно въ пользу линчистовъ, Блэнъ измѣнилъ свой взглядъ. Обострившіяся отношенія съ Италіей привели къ полному разрыву. Ничего другого не оставалось, какъ отозвать посланника изъ Вашингтона. Такъ и случилось. Баронъ Фава, — какъ говорится на дипломатическомъ языкѣ, — потребовалъ свои паспорта.

Въ день его отъѣзда, мы всѣ, дипломатическій корпусъ, собрались на вокзалѣ, чтобы съ нимъ проститься.

Послы и посланники стояли вокругъ отъѣзжающаго нѣсколько смущенные, не зная, что сказать. Всѣхъ больше былъ смущенъ итальянскій посланникъ, хоть онъ и хорохорился, что очень счастливъ вернуться домой, куда ему во всякомъ случаѣ нужно было пріѣхать по разнымъ дѣламъ.

Это не было искренно. На самомъ дѣлѣ посланникъ вовсе не собирался домой и если-бы не этотъ злополучный случай Линча, продолжалъ бы порхать въ Вашингтонскихъ салонахъ. Внезапный отъѣздъ ему еще тѣмъ болѣе былъ непріятенъ, что онъ не былъ увѣренъ, какъ его приметъ маркизъ Рудини, тогдашній итальянскій премьеръ, получитъ-ли онъ другое мѣсто или останется за штатомъ. Такъ каъ посланникъ былъ довольно зрѣлыхъ лѣтъ, всего больше онъ опасался, что министерство используетъ инцидентъ ново-орлеанскаго линча, чтобы просто на просто выставить его въ отставку.

Передъ самымъ отходомъ поѣзда посланнику подали телеграмму. Онъ нервно распечаталъ ее и на лицѣ

его выразилось недоумѣніе. Протянувъ мнѣ измятую бумажку:

— Это, кажется, ваша протеже, Боткинъ? — спросилъ онъ меня.

Я прочелъ: «Счастливаго пути и скораго возвращенія. Вирджинія Линчъ».

— Да, — сказалъ я, — это та самая барышня, съ которой вы познакомились на балу Холостяковъ.

Всѣ вспомнили шутку посланника и отвѣтъ миссъ Линчъ, но никто не обмолвился. Наступило неловкое молчаніе.

—Будемъ надѣяться, — сказалъ я, — что любезное пожеланіе миссъ Линчъ вскорѣ осуществится.

—Да, да, — заговорили въ одинъ голосъ дипломаты, — скораго и счастливаго возвращенія...

Но на самомъ дѣлѣ никто не надѣялся, что старый дипломатъ вернется въ Вашингтонъ и всякій въ тайникѣ души радовался, что не съ нимъ самимъ произошла эта катастрофа.

Поѣздъ тронулся.

— Прощайте!.. нѣтъ до свиданія, до свиданія, до свиданія...

***

Вирджинія Линчъ оказалась хорошимъ пророкомъ. Съ отъѣздомъ итальянскаго посланника изъ Америки и американскаго изъ Италіи, напряженное настроеніе сразу упало. Всѣ успокоились, и о линчѣ въ газетахъ не было больше и помину.

Черезъ 6 мѣсяцевъ итальянскій посланникъ былъ уже обратно въ Вашингтонѣ. Онъ вернулся изъ Рима, торжествующій, словно одержалъ какую-то побѣду.

Между Квириналомъ и Бѣлымъ Домомъ происходилъ обмѣнъ любезностей, шла рѣчь о возведенiи посланника въ послы и о преобразованiи итальянской миссiи въ посольство.

⁂

—Вотъ видите ли, юный другъ мой, — говорилъ мнѣ, прогуливаясь по Вашингтонскимъ бульварамъ старый дипломатъ, — судьба наша, современныхъ дипломатовъ, поставлена въ зависимость отъ цѣлаго ряда случайностей...

Вы можете съ неба звѣзды хватать и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ оскандалиться, что исторiя пригвоздитъ васъ къ позорному столбу и, наоборотъ, пѣтый дуракъ можетъ прослыть за тонкаго дипломата, если въ извѣстный моментъ окажется на мѣстѣ или будетъ отсутствовать. Все зависитъ отъ обстоятельствъ, въ которыхъ мы, дипломаты, совершенно неповинны...

Вспомните для примѣра исторiю Ново-Орлеанскаго линча... Вѣдь дѣло чуть не дошло до вооруженнаго столкновенiя... Въ Италiи подъ влiянiемъ печати люди были так ъназлектризованы, что требовали войны, готовы были наброситься съ ножами на американскихъ туристовъ, довольно было одной спички, чтобы возгорѣлся пожаръ и бѣдствiя были бы неисчислимы... изъ за чего? изъ-за 11 линчированныхъ хулигановъ. Къ счастью правительства Соединенныхъ Штатовъ и Италiи догадались разорвать сношенiя и отозвать представителей.

Къ счастью также, что это случилось какъ разъ во время, когда такая мѣра могла удовлетворить обѣ стороны, но самъ итальянскiй посланникъ въ этомъ дѣлѣ

былъ вовсе не при чемъ. Онъ послужилъ только козломъ отпущенія — вотъ и вся его заслуга, за которую его теперь чествуютъ и здѣсь, и дома... Козелъ отпущенія и больше ничего... равно какъ и случай линча послужилъ лишь предлогомъ для разжиганія страстей, но линчъ самъ по себѣ, судъ линча здѣсь ровно не при чемъ... Случись то же самое въ другой моментъ и не подхвати газеты этого инцидента, Ново-Орлеанская расправа прошла бы безъ послѣдствій.

Такъ-то, мой юный другъ, зарубите себѣ это на умъ: — современный дипломатъ есть козелъ отпущенія. Хорошо, когда обстоятельства складываются въ его пользу, а если нѣтъ — ничего не подѣлаешь: пиши пропало.

Оклаваха

или

ПОѢЗДКА ВО ФЛОРИДУ

Хотя я былъ молодъ и крѣпокъ здоровьемъ, но американскій сезонъ оказался и мнѣ не по силамъ.

Всю зиму я, какъ мячикъ на теннисѣ, перелеталъ изъ Вашингтона въ Нью-Іоркъ и обратно. Въ то время не было ни автомобилей, ни аэроплановъ, приходилось довольствоваться ночными поѣздами и спальными вагонами, чтобы не пропускать утреннихъ канцелярскихъ часовъ въ Посольствѣ и въ то же время обѣдать въ Нью-Іоркѣ, наслаждаться оперой, дирижировать котильонами, ставить живыя картины, участвовать въ благотворительныхъ спектакляхъ и т. п.

Сколько разъ прямо изъ театра въ Нью-Іоркѣ, во фракѣ, я спѣшилъ на поѣздъ, бралъ ванну въ моемъ отдѣленіи слипинга и ложился спать, чтобы рано утромъ въ Вашингтонѣ прямо со станціи скакать за городъ на конную охоту, а ужъ въ 10 часовъ я былъ въ Посольствѣ и работалъ, не разгибая спины часа два съ половиной. Затѣмъ слѣдовалъ завтракъ, званый завтракъ у одной изъ вашингтонскихъ хозяекъ, съ завтрака опять на станцію. Въ Нью-Іоркъ пріѣзжалъ какъ разъ во время, что бы переодѣться и ѣхать обѣдать, а послѣ обѣда — театръ, на балъ, а тамъ опять въ поѣздъ и т. д.

Кругъ моихъ знакомыхъ до того расширился, что я въ полномъ смыслѣ слова былъ заваленъ приглашеніями, большую часть которыхъ не былъ въ состояніи выполнить.

На нѣсколько недѣль впередъ всѣ мои дни были разобраны. Сколько времени уходило на одну переписку, посылку телеграммъ и писемъ въ отвѣтъ на приглашенія, — я и сосчитать не могу.

Конечно, такая жизнь была утомительна, но, какъ говорится, я втянулся въ нее и по своему наслаждался ею. Когда, однако, насталъ постъ, я почувствовалъ необыкновенную слабость, головокруженія и непреодолимую жажду отдыха. Мнѣ захотѣлось уѣхать на югъ, лежать на берегу моря, ни о чемъ не думая, ничего не дѣлая и никуда не спѣша.

Но куда ѣхать? Всюду знакомые, приглашеній не занимать стать, а меня тянуло на лоно природы, отдохнуть въ одиночествѣ. Мой выборъ остановился на Флоридѣ. Тамъ, у берега моря, есть живописное мѣстечко, городокъ Св. Августина, основанный испанцами еще въ 16-томъ вѣкѣ, тамъ, слышалъ я, недавно, открылась новая гостинница, Понсъ де Леонъ. Мѣстечко еще не успѣло сдѣлаться моднымъ, поѣду туда. Кстати, отъ Св. Августины рукой подать до рѣки Оклавахи, до которой я уже давно добирался. Оклаваха, насколько я могъ себѣ представить по описаніямъ, изображала изъ себя Америку Майнъ-Рида, непочатый край, дикость природы во всей своей прелести — поѣду туда.

Добрѣйшій посланникъ легко отпустилъ меня на недѣлю, я быстро собрался и вылетѣлъ изъ Вашингтона, какъ птица небесная изъ золотой клѣтки.

Мнѣ не удалось, однако, уѣхать совершенно одно-

му. По свойственной мнѣ общительности, я столько болталъ о путешествіи во Флориду, что самъ того не подозрѣвая, соблазнилъ трехъ коллегъ: одинъ англичанинъ, одинъ испанецъ и одинъ французъ вызвались меня сопровождать. Не успѣли мы доѣхать до Св. Августины, какъ обнаружилось, что всѣ мы ѣдемъ съ различными цѣлями. Секретарь англійскаго посольства запасся рекомендательными письмами къ американскимъ милліонерамъ, прибывшимъ на открытіе великолѣпной гостинницы «Понсъ де Леонъ» въ собственныхъ вагонахъ. Англичанинъ такъ и завязъ въ этихъ роскошныхъ пульманъ-карахъ. Испанецъ, прекрасный игрокъ въ теннисъ, сгоралъ желаніемъ сдѣлаться чемпіономъ и выиграть призъ «Понсъ де Леонъ» на состязаніи. Въ потѣ лица своего онъ работалъ, какъ волъ съ утра до вечера на теннисѣ, а что касается французскаго атташе, то съ нимъ на слѣдующій же день по пріѣздѣ въ Св. Августину произошло маленькое приключеніе съ неожиданными послѣдствіями.

Дѣло въ томъ, что въ первый же вечеръ чортъ насъ попуталъ пойти въ мѣстный кафе-шантанъ. Взяли ложу, заказали шампанское. Сначала все было какъ будто прилично, но вдругъ на сценѣ появилась француженка изъ Монмартра. Ужъ не помню, что она была — пѣвица или танцовщица — кажется и то, и другое — во всякомъ случаѣ, она со сцены перепрыгнула въ ложу, какъ ни въ чемъ не бывало и объяснила этотъ жестъ удовольствіемъ увидѣть своихъ, европейцевъ. Вела она себя до крайности развязно, шампанское пила, какъ зельтерскую воду, а американцевъ ругала на чемъ свѣтъ стоитъ.

Французикъ нашъ воспрянулъ:

— Какое наслажденіе, — говорилъ онъ, — распоясаться, послѣ чопорнаго Вашингтона. — И тутъ же, въ ложѣ, пустился танцевать канканъ съ соотечественницей. Къ счастью, кто то догадался спустить занавѣску въ ложѣ, а то бы американскіе репортеры прошлись на нашъ счетъ.

Какъ бы то ни было, французскій атташе на слѣдующій день бѣжалъ изъ Св. Августины. Передъ отъѣздомъ онъ зашелъ ко мнѣ сказать, что никогда не видѣлъ Новаго-Орлеана. Я понялъ. Въ тотъ же вечеръ, француженка изъ Монмартра была снята съ афиши кафе-шантана. Надо полагать, что и она не видѣла Новаго-Орлеана.

Я остался одинъ въ «Понсъ де Леонъ». Гостиница была переполнена народомъ, въ особенности, много было дамъ, барышень и подростковъ, съ утра до вечера разодѣтыхъ въ пухъ и прахъ. Я не зналъ никого, но онѣ, благодаря безтактности репортеровъ, узнали, кто я, и тотчасъ же со мною перезнакомились. Я сознаъ, что разъ мое инкогнито нарушено, ни о какомъ отдыхѣ въ Св. Августинѣ и рѣчи быть не можетъ. Не долго думая, я тоже уѣхалъ и скрылся въ дебряхъ сѣверной Флориды, на берегахъ рѣки Оклавахи.

Я не ошибся. Я своими глазами увидѣлъ наконецъ ту Америку, которая до сихъ поръ существовала только въ моемъ воображеніи, я увидѣлъ на яву Америку моего дѣтства, Америку Майнъ-Рида.

Я высадился на берегахъ Оклавахи, въ мѣстечкѣ подъ названіемъ Палатка. Точно русское названіе, мѣстечко дѣйствительно такое дикое, что дома походили скорѣе на палатки, нежели на настоящіе дома. Въ Палаткѣ я долженъ былъ сѣсть на пароходъ и плыть по Ок-

лавахѣ вплоть до такъ наз. Серебряныхъ источниковъ. Пароходъ совсѣмъ особенный, приноровленный для плаванія по маленькой, но глубокой и изгибистой рѣкѣ. Пароходъ небольшой, коротенькій и высокій, въ три палубы. Еще мы не отошли отъ Палатки, какъ я былъ пораженъ чуднымъ запахомъ пахучаго тропическаго лѣса, окружавшаго берега Оклавахи. Никогда я еще не видѣлъ такого множества и разнообразія водяныхъ растеній и цвѣтовъ... Нѣкоторыя изъ нихъ, живущія на поверхности воды, подымаются фута на два въ высоту. Какъ прекрасны морскіе гіацинты... Впечатлѣніе такое, будто пароходъ вошелъ въ дѣвственную область, будто онъ первый проникаетъ въ непочатый край... Приходилось постоянно останавливаться, давать задній ходъ, расчищать себѣ путь отъ погрузившихся въ воду громадныхъ деревьевъ... А животныхъ то сколько... крокодиловъ, черепахъ, змѣй и т. п. Они преспокойно грѣются на солнцѣ, точно знаютъ, что охота здѣсь запрещена и ничего то имъ не угрожаетъ. Только птицы пугаются парохода и его шума, перелетаютъ потревоженныя съ одного берега на другой.

— Это что за животное? — спрашиваю я, при видѣ неуклюжаго, безобразнаго чудовища, напоминающаго нашего индюка.

— Его такъ и зовутъ водяной индѣйкой, — отвѣчаетъ мнѣ дѣвочка лѣтъ 16-ти, повидимому хорошо знакомая съ мѣстностью. Цѣнная птица, она питается змѣями, уничтожаетъ намъ этихъ ядовитыхъ пресмыкающихся...

Дѣвочка заинтересовала меня. Такая она была разумная, взрослая и вмѣстѣ съ тѣмъ такой ребенокъ съ чистыми, словно прозрачными глазами, естественно

вьющимися волосами и загорѣлымъ личикомъ, до котораго ни пудра, ни какая краска никогда не прикасались. Казалось, она точно олицетворяла собой тотъ непочатый край, черезъ который протекаетъ Оклаваха во всей своей дѣвственной красотѣ. Всѣ ее знали на пароходѣ и звали по имени «Миссъ Пегги». Пароходная прислуга, все черные, относились къ миссъ Пегги съ большимъ почтеніемъ. Она распоряжалась здоровенными неграми, какъ большими сенбернардскими собаками и всѣ ее слушались безпрекословно. Самъ капитанъ, тоже типъ не далеко ушедшій отъ временъ Майнъ-Рида, не проходилъ мимо Пегги, не проронивъ любезнаго словца по ея адресу.

Когда мы остановились передъ примитивной пристанью на живописномъ изгибѣ рѣки и пароходъ сталъ грузиться апельсинами, я понялъ изъ разговоровъ, что мы находимся вблизи плантаціи миссъ Пегги, я понялъ, что плантація была кому то продана и что миссъ Пегги пріѣхала въ эти края ликвидировать дѣла своего отца. Негры на пристани шумно привѣтствовали ее, нѣжно улыбаясь, при чемъ толстыя, черныя сочныя губы ихъ раздвигались до ушей, обнажая красныя, какъ арбузъ, челюсти съ бѣлыми, какъ слоновая кость, зубами. Пегги съ простотой заправской королевы здоровалась съ каждымъ негромъ, удостаивая нѣкоторыхъ любезной фразой, затѣмъ она вступила въ серьезный разговоръ съ плантаторомъ. О чемъ они говорили, я не слышалъ, но плантаторъ горячился, его громадная соломенная круглая шляпа тряслась на его головѣ, а Пегги все время оставалась спокойной и серьезной.

Вечерѣло, нагрузка кончилась, апельсины изъ трюма выглядывали, словно раскаленные угли, Пегги, на-

конецъ, договорилась съ плантаторомъ и обмѣнявшись нѣсколькими любезными словами съ чернокожими, взошла на палубу. Пароходъ отчаливалъ, между тѣмъ, какъ группа негровъ на берегу затянула грустную пѣсню. Пегги долго стояла на кормѣ, махая платочкомъ поющимъ неграмъ. Пристань уже давно скрылась за густой растительностью и поворотомъ рѣки, а мы все еще слышали мелодичные аккорды напутственной пѣсни негровъ.

Я не могъ оторвать глазъ отъ Пегги — такая она мнѣ казалась особенная. Въ этомъ маленькомъ, почти дѣтскомъ тѣлѣ было столько величія, увѣренности, отваги и красоты, а въ нѣжномъ личикѣ столько чистоты и дѣтской наивности...

Пегги полулежала въ палубномъ креслѣ неподалеку отъ меня, погруженная въ думы, а я сзади любовался, испытывая страстное желаніе заговорить съ нею. Прошло не мало времени — языкъ мой не поворачивался. Все, что я могъ спросить мою сосѣдку, казалось мнѣ пошлымъ, банальнымъ, глупымъ, а еслибъ я сказалъ ей то, что я думаю, это могло бы показаться дерзостью по отношенію къ дѣвушкѣ, совершенно мнѣ не знакомой.

Такъ проходило время. Пароходъ медленно подвигался впередъ по изгибамъ Оклавахи. Стемнѣло, на мачтахъ зажглись факелы. Живописные берега казались еще болѣе дикими и таинственными. По временамъ большія птицы — испуганныя цапли, пеликаны и злые орлы налетали на нашъ пароходъ и въ ужасѣ отлетали, ослѣпленные факелами. На кормѣ начался концертъ — запѣла хоромъ пароходная прислуга. Пассажиры разо-

шлись. Я оставался одинъ на верхней палубѣ съ Пегги, продолжавшей неподвижно лежать въ креслѣ.

— Ну, теперь я заговорю съ ней, — думалъ я, а между тѣмъ, оставался нѣмъ. — Неужели я застѣнчивъ? — спрашивалъ я себя, — неужели?.. Почему, съ какой стати?.. передо мною взрослый, милый ребенокъ, вотъ и все, я хочу его что-то спросить... Ну, что же?.. — но дальше дѣло не шло.

Вдругъ Пегги всѣмъ корпусомъ повернулась въ мою сторону и вся улыбающаяся, съ смѣющимися глазами:

— Да говорите, что вы смущаетесь, — произнесла она ласково, — такой большой, а точно мальчикъ...

— Какъ вы угадали, что я жажду съ вами заговорить?

— Взгляните на себя въ зеркало, — отвѣтила она, — у васъ это на лбу написано.

— Вы, однако, лежали задомъ ко мнѣ и видѣть меня не могли.

— Но развѣ нужно видѣть, чтобы чувствовать?.. А, кстати, о чемъ, собственно, хотѣли вы со мной говорить? — спросила Пегги, глядя на меня въ упоръ своими смѣющимися глазами.

— Обо всемъ, что васъ касается.

— Не трудно удовлетворить ваше любопытство: я пріѣхала продавать свиней и только что совершила очень удачную сдѣлку съ плантаторомъ, отчаяннымъ жмотомъ. Онъ хотѣлъ меня провести, но это ему не удалось. Теперь я на пути въ другое мѣсто, тоже по свининымъ дѣламъ, — прибавила Пегги серьезно.

— Вы продали вашу плантацію?

— Да, мой отецъ долженъ былъ продать все, что имѣлъ въ этихъ краяхъ. Мы не выгребали. Хозяйство

наше было слишкомъ маленькое, а денегъ нѣтъ, чтобы поставить дѣло на широкую ногу. Мы — люди, разоренные междуусобной войной и съ тѣхъ поръ подняться не могли. Ну, вотъ, — прибавила она бодро, — теперь начнемъ новую жизнь.

— И вамъ не жалко бросать все это?..

— Конечно, жалко, тѣмъ болѣе, что я ничего другого, какъ Флориды не видѣла и не знаю, я естественно привязана къ этой природѣ. Что я стану дѣлать въ городѣ, я себѣ и представить не могу. Вѣдь я совсѣмъ дикая, едва чему училась. Мать моя умерла, когда я была ребенкомъ, мой бѣдный отецъ такъ былъ занятъ работами на плантаціи, что не имѣлъ времени мною заниматься, а братья служатъ каубоями въ Тексасѣ. Я росла одна среди черныхъ и была счастлива, т. е., мнѣ кажется, что я счастлива, потому что я всѣмъ довольна въ жизни. Я изучила досконально жизнь крокодиловъ, черепахъ и змѣй, но пригодятся ли мнѣ эти знанія, разъ я не буду больше жить во Флоридѣ — сомнѣваюсь...

Мы разговорились объ охотѣ. Тутъ я убѣдился, что имѣю дѣло съ большимъ знатокомъ и любителемъ природы и животныхъ. Пегги осуждала современные способы охоты на крокодиловъ.

— Это не охота, а бойня. Крокодиловъ — вѣрнѣе сказать, алигаторовъ — гипнотизируютъ электрическимъ фонаремъ, подходятъ на лодкѣ совсѣмъ вплотную и выстрѣливаютъ изъ ружья въ упоръ, прямо въ глазъ. Ружье обыкновенно бываетъ обрызгано крокодиловыми мозгами. Противно смотрѣть. Дѣвченкой и я охотилась на алигаторовъ — вѣдь здѣсь ихъ, на рѣкѣ, видимо невидимо — но наша дѣтская охота была все же благороднѣе, нежели охота взрослыхъ. Братья влѣзали

въ воду съ длинными желѣзными прутьями и тормошили алигаторовъ, дразнили и щекотали ихъ съ цѣлью заставить вылѣзти на берегъ, а разъ на сушѣ, я быстро затягивала ихъ челюсти веревкой. Крокодилъ съ перетянутой глоткой почти безвреденъ, покоренъ, какъ ягненокъ... Злое, но и глупое же животное...

— А какая разница между крокодиломъ и алигаторомъ?

— Да почти никакой. У крокодиловъ носъ болѣе заостренный и нравомъ они хуже алигаторовъ. Крокодилы теперь рѣдки стали, все больше алигаторы. Мнѣ, однако, достался однажды крокодилъ длиною въ 10 футъ; я ему быстро затянула его злоядный ртина простымъ платкомъ, у меня подъ рукой не было веревки, а потомъ мы могли съ нимъ дѣлать, что хотѣли.

— А ваши братья развѣ не рисковали, идя въ рѣку за крокодилами?

— О нѣтъ! Во первыхъ, съ длинными жердями имъ нечего близко подходить къ животному, а, во вторыхъ, алигаторъ не такъ то скоро продвигается съ мѣста на мѣсто. Необходимо только на эту охоту идти въ длинныхъ кожаныхъ сапогахъ, потому что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ алигаторы любятъ прохлаждаться, вода мутная, грязная и изобилуетъ водяными змѣями. Змѣи кусаются, когда ихъ безпокоятъ, но водяныя змѣи вообще не такъ опасны, какъ тѣ, которыя встрѣчаются въ лѣсахъ... Хуже нѣтъ змѣи, какъ гремучка. Ихъ слѣдовало бы всѣхъ истребить. Я рада, что могу сказать, что на своемъ вѣку уничтожила нѣсколько штукъ... А вотъ относительно охоты на черепахъ, такъ я этому спорту не сочувствую... Черепаха глупа, спору нѣтъ, но она никому не мѣшаетъ и вреда не чинитъ. Человѣкъ за ней

охотится исключительно съ цѣлью наживы. Охотники выжидаютъ, когда большія черепахи приходятъ грѣться на солнце. Въ водѣ съ ними ничего не подѣлаешь, а вотъ на сушѣ ихъ переворачиваютъ на спину, тогда несчастное животное въ вашей полной власти. Перевернуться и снова стать на ноги самостоятельно черепаха не можетъ. Обыкновенно, поваливъ черепаху на спину, охотники уходятъ отдыхать, потому что перевернуть большую черепаху не такъ то легко, требуется большое усиліе взрослаго человѣка... Сердце разрывается слышать какъ плачутъ черепахи, лежа на спинѣ. Плачутъ, вздыхаютъ, рыдаютъ, совсѣмъ, какъ люди... Сколько разъ дѣвчонкой я приходила въ отсутствіе охотниковъ и старалась отпустить эти несчастныя животныя на волю. Трудно мнѣ это было, но иногда удавалось, надо было также прятаться отъ охотниковъ, а то бы еслибъ меня поймали, худо бы пришлось. Меня спасало отъ подозрѣнія то, что никто бы не повѣрилъ, что такая маленькая, какъ я можетъ своими плечами поставить на ноги большую черепаху.

— А что дѣлали черепахи, когда вы ихъ перевертывали?

—Да ничего, что можетъ сдѣлать такое неуклюжее животное? Когда они становились на ноги, тотчасъ же безъ оглядки ползли въ воду. Тамъ они чувствовали себя цѣлыми и невредимыми и, видимо были довольны.

Пегги мнѣ еще много наразсказала о жизни на плантаціяхъ, подъ аккомпанементъ поэтическихъ пѣсенъ негровъ. Наконецъ, мелодичные звуки затихли, жизнь на пароходѣ застыла, стало совсѣмъ темно и свѣжо.

— Пора спать, — проговорила Пегги.

— А мнѣ бы тутъ хотѣлось остаться на всю ночь, — замѣтилъ я.

— Да разумѣется, на палубѣ, я никогда въ каюту и не схожу. Только ваше кресло вовсе не приготовлено на ночь. Я васъ научу.

И въ два - три пріема Пегги изъ моего кресла сдѣлала постель. Тоже она продѣлала и со своимъ кресломъ. Затѣмъ она сняла свою соломенную шляпу и собранные подъ нею локоны распустились, живописно обрамляя лицо. Пегги походила на ангела. Нисколько не стѣсняясь моимъ присутствіемъ, она продолжала готовить себя къ ночи. Замѣтивъ, что у нея не было ничего теплаго съ собою, я предложилъ Пегги мой плэдъ.

— Ночь будетъ холодная, — сказалъ я, — а у меня, какъ видите, и пальто, и кашнэ и пр.

Пегги колебалась.

— Знаете, — произнесла она, — мнѣ пришла отличная мысль. Мы оба можемъ воспользоваться вашимъ плэдомъ. Подвиньте ваше кресло къ моему, — командовала она съ серьезнымъ видомъ, — вотъ такъ, совсѣмъ вплотную. Теперь ложитесь. Ложитесь, я вамъ говорю.

Она развернула плэдъ и постелила его, какъ одѣяло надъ моимъ и ея кресломъ, затѣмъ она сама легла подъ плэдъ и очень уютно и удобно прикрылась имъ на ночь.

— Вотъ такъ хорошо, — проговорила Пегги, — и вамъ довольно и мнѣ за глаза... Какой я прекрасный день прожила... удачно свиней продала... васъ встрѣтила и такъ мы пріятно время провели... неправда ли?

Пегги разсмѣялась:

— А вы еще боялись, стѣснялись со мной загово-

рить... — Прошло еще нѣсколько минутъ. — А я васъ не спросила, какъ васъ зовутъ?

Я назвался по имени.

— Питеръ, — проговорила она, — вы не американецъ.

— Нѣтъ, я — русскій.

— Русскій... какъ это далеко. Я едва знаю, что такое Россія, такая я невѣжественная... Навѣрное, у васъ нѣтъ ничего подобнаго Оклавахи?

— Оклавахи нѣтъ, но есть другія достопримѣчательности. Во всякой странѣ есть свои...

Наступило молчаніе.

— Питеръ, — прошептала Пегги, — вы не спите?.. Я хотѣла васъ спросить, — вы не собираетесь здѣсь поселиться и завести плантацію?

— По правдѣ сказать, — нѣтъ. А почему вы спрашиваете?

— Потому, что тогда я вамъ продала бы моихъ свиней. Смотрите, не проспите восхода солнца на Оклавахѣ... онъ такъ хорошъ... Оклаваха, — шептала она, — это мое царство, меня здѣсь даже дикіе звѣри слушаютъ...

— Спите, милый Питеръ... Какъ хорошо, я ужъ на пути въ рай...

Я слышалъ, какъ она прошептала слова молитвы и черезъ три минуты спала, спала безшумно, какъ ребенокъ Я могъ только разслышать тихое и мѣрное дыханіе.

Не могу сказать, чтобы я спалъ спокойно. Все время я пробуждался, испытывая нѣкоторую неловкость лежать рядомъ подъ однимъ одѣяломъ съ этимъ невѣ-

домымъ мнѣ очаровательнымъ существомъ, но Пегги спала, какъ ни въ чемъ не бывало, не размыкая глазъ. Ея каштановыя кудри въ безпорядкѣ обрамляли тонкій овалъ ея дѣтскаго лица, а пріоткрытый ротъ придавалъ маленькимъ пухлымъ губамъ какое то особенно нѣжное точно вопросительное выраженіе. Нельзя было не любоваться этой очаровательной живой картиной.

— Пегги, — говорилъ я себѣ, — это какой то самородокъ во всей чистотѣ ея красоты, но кромѣ внѣшней красоты, она обладаетъ необыкновенной внутренней силой и я самъ сознавалъ, что находился подъ гипнозомъ этой силы. Я не могъ только уяснить, что такое Пегги — малый ребенокъ или женщина?.. Ангелъ, сошедшій съ небесъ, или Мадонна, задержавшаяся на землѣ?..

Восходъ солнца не разбудилъ Пегги и мнѣ пришлось одному любоваться дивными колоритами, залившими небосклонъ.

Рано утромъ мы подошли къ Серебрянымъ Источникамъ. Предстояло высаживаться. Я долженъ былъ перейти на паровой катеръ и идти осматривать Серебряные Источники, какую то подводную рѣку и пр. Я зналъ, что Пегги оставалась на пароходѣ, гдѣ у нея были назначены еще свиданія съ дѣловыми лицами по поводу продажи плантаціи, ее, слѣдовательно, нечего было будить, тѣмъ не менѣе, мнѣ хотѣлось, чтобы она проснулась. Но Пегги продолжала спать непробуднымъ сномъ. То она свертывалась въ клубочекъ, то раскидывалась такъ, что мнѣ приходилось нѣсколько разъ накрывать ее моимъ плэдомъ. Пегги не просыпалась.

Катеръ съ туристами долженъ былъ отваливать съ минуты на минуту, а я все ждалъ. Наконецъ, я осторож-

но всталъ, покрылъ Пегги моимъ плэдомъ въ послѣдній разъ и тихонько спустился по трапу.

— Зачѣмъ будить?—подумалъ я,—не лучше ли сохранить ее въ воспоминаніи, какъ загадочную спящую царевну дѣвственнаго царства сказочной Оклавахи?..

И мы отошли отъ парохода прежде, нежели Пегги проснулась.

⁂

Я видѣлъ много замѣчательныхъ вещей въ этотъ день, но ничто не могло изгладить во мнѣ впечатлѣнія, произведеннаго чудной незнакомкой. Все время обликъ ея стоялъ передо мною.

Серебряные Источники оказались цѣлымъ озеромъ, на днѣ котораго клокоталъ потокъ воды, вытекающій изъ нѣдръ земли. Вода изумительной чистоты и прозрачности, каждый камешекъ виденъ, какъ на ладони. Я видѣлъ подъ водой на глубинѣ 85 футъ окаменѣлые остатки какого то допотопнаго морского чудовища въ 90 футъ длины, я видѣлъ лучше нежели въ какомъ либо акваріумѣ жизнь рыбъ на днѣ Серебряныхъ Источниковъ, я катался по лагунамъ рѣки Санъ Жуанъ и послѣ цѣлаго ряда испытаній, которыя казались мнѣ скучными и утомительными, къ вечеру я добрался до Джаксонвиля, въ штатѣ Георгія, какъ разъ во время, чтобы поймать вечерній скорый поѣздъ въ Вашингтонъ. Спальное отдѣленіе оказалось свободнымъ, я тотчасъ же какъ вошелъ въ поѣздъ, завалился на боковую.

Несмотря на большую усталость, я долго не могъ заснуть. Должно быть переутомился.

Мнѣ мерещилась Оклаваха съ ея фантастическими берегами, водяными цвѣтами, тропической растительностью и затонувшими кипарисами... Мнѣ казалось, что

я вижу Пегги передъ собой... она плыла на спинѣ большой черепахи среди водяныхъ гіацинтовъ, а я шелъ сзади на катерѣ, пробираясь сквозь дебри Оклавахи, какъ бы влекомый магнитомъ... плылъ и никакъ не достигалъ Пегги, а она все возлежала на черепахѣ и спала, крѣпко спала, небрежно развалившись, на слегка закругленной спинѣ неуклюжаго животнаго.

Дивная музыка звучала въ моихъ ушахъ. Мнѣ казалось, что я слышу что то напоминающее мнѣ балетъ Чайковскаго «Зеленый Островъ», но нѣжныя мелодіи Чайковскаго сливались въ изумительной гармоніи съ сильными Вагнеровскими мотивами. Такой музыки я въ жизни не слыхалъ. Среди дивныхъ аккордовъ я слышалъ арію Лоэнгрина на лебедѣ, но ни лебедя, ни Лоэнгрина не было, а все та же черепаха, со спящей Пегги на спинѣ, при томъ съ такой чудной музыкой, о которой ни Чайковскій, ни Вагнеръ понятія не имѣли.

Вотъ она дорога въ рай, о которой, засыпая, прошептала Пегги, вотъ она — и я погружался въ пахучую чащу, отбивался отъ тростниковъ и бѣлыхъ лилій, отстранялъ экзотическіе листья и топилъ гіацинты, все время слѣдуя за Пегги и все время нагоняя ее...

Мое вниманіе было поглощено этой необыкновенной скачкой. Я сознавалъ, что нахожусь на пути въ рай и что ворота рая мнѣ откроются, когда я настигну Пегги, когда я возьму ее въ мои руки, когда царевна Оклавахи откроетъ глаза и улыбнется, улыбнется той очаровательной улыбкой, которую я видѣлъ на пароходѣ и не могъ забыть.

Лихорадочно, въ какомъ то трансѣ, я мчался за черепахой, испытывая жажду и какое то невѣдомое наслажденіе въ достиженіи цѣли, я уже выскочилъ изъ

лодки, барахтался въ водѣ, поймалъ черепаху за заднюю ногу, съ неимовѣрнымъ усиліемъ вскарабкался на ея скользкую спину... Я дрожалъ отъ волненія — я былъ передъ спящей царевной... бережно дотронулся я до спящей Пегги, приподнялъ ее, наклонился и мнѣ казалось, что дивныя губы ея задрожали и уже складывались въ улыбку... сейчасъ, черезъ секунду я увижу рай ....

Ослѣпленный моимъ счастіемъ, я закрылъ глаза... Когда я ихъ открылъ, передо мною стоялъ черный, лоснящійся негръ-буфетчикъ въ бѣлой курткѣ.

— Извините, сэръ, — сконфуженно произнесъ онъ, —я осмѣлился побезпокоить васъ, сэръ, чтобы спросить, не желаете ли вы, чтобы я вамъ сюда принесъ кофе со сливками или же вы пожалуете въ вагонъ-ресторанъ?

Не сразу понялъ я, въ чемъ дѣло. Прошло нѣсколько секундъ, прежде нежели раздался крикъ моего сердца:

— Несчастный, — воскликнулъ я, глядя съ чувствомъ глубокаго разочарованія на черную, какъ смоль, голову, — ты помѣшалъ мнѣ войти въ рай...

Озадаченный негръ бормоталъ извиненія. Онъ казался до крайности смущеннымъ. Тѣмъ временемъ, я уже совладалъ съ собою.

— Принеси мнѣ кофе въ отдѣленіе, — и негръ исчезъ.

Тутъ только полное сознаніе мнѣ вернулось.

Грезы, чудныя грезы, отошли совершенно, и дѣйствительность во всей своей неприглядности предстала предо мною. Дѣйствительность — вотъ она: желѣзная дорога, а не гонка за черепахой на Оклавахѣ... Див-

ная музыка? Гдѣ она? Я слышу только шумъ паровоза. Дорога въ рай?.. Путь въ Вашингтонъ... Сегодня вечеромъ я буду тамъ. Что сегодня? Раутъ въ англійскомъ посольствѣ... опять фракъ и бѣлый галстукъ!

Какъ скучна и однообразна дѣйствительность въ сравненіи съ восхитительными, полными таинственной прелести грезами...

Дорога въ рай!.. Хоть и во снѣ, хоть и въ воображеніи только, но я видѣлъ ее — я коснулся воротъ рая...

О, Оклаваха, какъ я тебѣ признателенъ!..

Борисовъ

Я назвалъ его Борисовымъ, хотя имя его было иное.

Читатель пойметъ изъ разсказа, почему я не упомянулъ его настоящей фамиліи. Прошло много лѣтъ, болѣе четверти вѣка, а перебирая бѣгло набросанныя карандашемъ мои впечатлѣнія того времени, я точно снова переживаю кошмаръ, охватившій меня тогда.

Это было въ Вашингтонѣ, гдѣ я занималъ постъ 2-го секретаря Посольства. 1-й секретарь, баронъ Шиллингъ, уѣхалъ въ отпускъ и болѣе не возвращался. Я былъ одинъ при Посланникѣ князѣ Григоріи Львовичѣ Кантакузинѣ.

Прихожу какъ то утромъ къ моему начальнику съ бумагами, а онъ мнѣ молча протягиваетъ только что полученную служебную телеграмму изъ Петербурга: «Первымъ секретаремъ назначенъ Борисовъ».

— Знаете вы его? — спросилъ меня князь.

— Нѣтъ, но слышалъ, что есть такой на нашей службѣ.

— Я даже и этого не зналъ, — произнесъ Посланникъ нѣсколько обиженнымъ тономъ. Обыкновенно, Министерство освѣдомляется о томъ, желательно или нѣтъ Посланнику такое или иное назначеніе. Могли бы хоть изъ учтивости запросить...

Князь былъ, видимо, недоволенъ назначеніемъ, но я возрадовался. Мнѣ было скучно одному въ канцеляріи. Кромѣ того, мнѣ не сидѣлось на мѣстѣ. Я былъ молодъ, хотѣлъ разъѣзжать по Америкѣ, а не сидѣть въ четырехъ стѣнахъ.

— Ну вотъ, — думалъ, — будетъ насъ теперь двое въ канцеляріи... Можно будетъ чередоваться и, пользуясь любезностью Посланника, мнѣ удастся съѣздить въ Калифорнію, посѣтить Національный Паркъ съ дикими животными, разгуливающими на свободѣ въ дѣвственныхъ лѣсахъ, увидѣть своими глазами Америку временъ Майнъ-Рида...

Съ такими радужными мыслями ѣхалъ я на вокзалъ встрѣчать моего новаго сослуживца.

Поѣздъ изъ Нью-Іорка безшумно подошелъ къ перрону, и пассажиры стали быстро вылѣзать.

Ну, какъ я узнаю Борисова?.. На что онъ похожъ? Вдругъ сердце мое екнуло. Въ дверцахъ одного пульманъ-кара показалась фигура высокаго, мертвенно блѣднаго, худого человѣка въ черной мягкой шляпѣ и длинномъ дорожномъ черномъ пальто.

Это онъ. Что то говорило мнѣ, что это онъ, Борисовъ.

Я стоялъ, какъ вкопанный, глядя какъ медленными шагами ко мнѣ приближалась безжизненная фигура. Подойдя ко мнѣ вплотную, Борисовъ, глядя на меня стеклянными черными глазами, чуть слышно произнесъ: «Вы Боткинъ?».

Мы поздоровались. Онъ протянулъ мнѣ холодную костлявую руку — это прикосновеніе мнѣ было непрі-

ятно. Я пригласилъ Борисова остановиться у меня, пока онъ не пріищетъ себѣ помѣщеніе. Равнодушно онъ послѣдовалъ за мною въ карету. Дорогой былъ неразговорчивъ, мнѣ даже пришло въ голову, что можетъ быть ему вовсе не хочется ѣхать ко мнѣ въ гости.

— Вы можетъ быть предпочитаете остановиться въ гостинницѣ или въ Клубѣ? — спросилъ я Борисова. — У насъ при Клубѣ есть удобныя комнаты для холостыхъ членовъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ѣдемте къ вамъ... потомъ увидимъ. — И онъ снова погрузился въ молчаніе.

Видя, что Борисовъ въ глубокомъ траурѣ, я вообразилъ, что онъ находится подъ впечатлѣніемъ тяжелой потери и не докучалъ ему больше разспросами.

Я жилъ тогда на Коннектикутъ Авеню, этой главной артеріи свѣтскаго Вашингтона, напротивъ католическаго женскаго монастыря. Квартира моя, свѣтлая и веселая, помѣщалась надъ кондитерской Рошэ, гдѣ добрая половина Вашингтона заказывала свои обѣды и въ особенности мороженное и сласти.

Больше другихъ искусствомъ Рошэ, добраго эльзасца, пользовался я, его единственный жилецъ. Я даже установилъ изъ моей спальни прямое телефонное сообщеніе съ магазиномъ и наслаждался каждое утро кофеемъ съ битыми сливками и превкусными сладкими булками и пирожками.

Всѣ, кто у меня гостили, цѣнили эти преимущества моей, во всѣхъ отношеніяхъ пріятной и уютной квартиры, но Борисовъ остался равнодушенъ и холоденъ.

Мы сѣли пить чай въ моемъ кабинетѣ. Когда я

спросилъ его «съ лимономъ или со сливками», Борисовъ отвѣтилъ: «Все равно».

Онъ выпилъ, однако, четыре чашки, одну за другой, и когда я наливалъ пятую, Борисовъ спросилъ:

— Которую чашку я пью?

— Я не замѣтилъ, — сказалъ я.

— Я тоже, — произнесъ Борисовъ, и видно было, что онъ говорилъ правду, потому что онъ пилъ и ѣлъ какъ-то безсознательно.

— Вы любите верховую ѣзду? — спросилъ я моего гостя.

— Нѣтъ, не могу сказать.

— Вы, вѣроятно, играете въ теннисъ?

— Никогда ракеты въ рукахъ не держалъ.

— У насъ здѣсь, въ Клубѣ, превосходные игроки въ вистъ... Есть и покеръ для желающихъ...

— Я въ карты не играю.

— Сегодня вечеромъ танцуютъ у миссисъ Хауландъ. Я предупредилъ о вашемъ пріѣздѣ, и любезная хозяйка просила меня привести васъ послѣ обѣда.

— Но я не танцоръ...

— Это ничего. Посмотрите, какъ мы бостонируемъ. Я васъ представлю вашимъ коллегамъ и кое кому изъ здѣшняго общества.

— Нѣтъ, ужъ вы меня извините. Я сегодня усталъ съ дороги... въ другой разъ какъ нибудь...

Я не настаивалъ, видя его одѣтымъ съ ногъ до головы во все черное.

Въ эту ночь я вернулся домой довольно поздно. Увѣренный, что Борисовъ давно спитъ, я тихонько вошелъ въ квартиру, не звоня.

Каково же было мое изумленіе — чтобы не сказать болѣе — когда на порогѣ слабо освѣщенной го-

стинной я увидѣлъ... привидѣніе. То былъ Борисовъ въ длинной до полу ночной сорочкѣ, похожей на саванъ.

Онъ стоялъ, безмолвно глядя на меня своими стеклянными глазами съ чуть замѣтной саркастической улыбкой на блѣдныхъ губахъ. Должно быть лицо мое изображало нѣкоторое смущеніе, потому что Борисовъ заговорилъ:

— Мнѣ не спится... вотъ я и разгуливаю по комнатамъ. Я вамъ не мѣшаю?..

Я предложилъ ему выпить со мной стаканъ свѣжаго лимонада и сталъ разсказывать о пріятно проведенномъ вечерѣ, но Борисовъ меня слушалъ разсѣянно, продолжая ходить по комнатѣ.

— Ну, — сказалъ я, — пора и на боковую. Завтра мнѣ рано вставать. У насъ верховая охота въ Рокъ-Крикъ Паркѣ. Оттуда я прямо проѣду въ посольство. Канцелярскіе часы отъ 10 до 12-ти. Приходите въ канцелярію и не забудьте, что посланникъ ждетъ васъ къ завтраку. Завтракъ въ половинѣ перваго, но лучше, если придете пораньше, чтобы познакомиться съ посланникомъ и, кромѣ того, — долженъ васъ предупредить, — посланникъ не любитъ, когда опаздываютъ.

Въ канцелярію Борисовъ не пришелъ. Въ 12 часовъ я забѣжалъ домой, чтобы привести себя въ порядокъ передъ завтракомъ.

— Ну что, господинъ Борисовъ? — спрашиваю моего камердинера.

— Съ трудомъ его добудились мы. Теперь чай пьетъ у себя въ комнатѣ.

Я постучался къ нему. Смотрю, лежитъ на кушеткѣ полуодѣтый, мертвенно блѣдный.

— Вы нездоровы? — спрашиваю.

— Нѣтъ, ничего, я такъ прилегъ...

— Спѣшите, черезъ полъ часа мы завтракаемъ у посланника.

Я успѣлъ взять душъ и переодѣться съ ногъ до головы. Вхожу къ Борисову, а у него еще не въ шубѣ рукава.

— Пора идти, — говорю, — а то опоздаемъ.

— Ничего, — отвѣчаетъ онъ, — вы ступайте, я васъ догоню.

Онъ опоздалъ на четверть часа. Конечно мнѣ за это досталось отъ князя. Завтракъ былъ неудачный, вслѣдствіе натянутости и неразговорчивости сидѣвшихъ за столомъ. Посланникъ былъ не въ духѣ, дочь его, молодая княжна, дѣвочка лѣтъ пятнадцати и ея гувернантка, смотрѣли испуганно на новаго гостя.

Борисовъ лѣниво отвѣчалъ короткими фразами на обращенные къ нему вопросы.

Словомъ, разговоръ не клеился, и я былъ радъ, когда встали изъ за стола, и я спустился въ канцелярію.

Я сдѣлалъ попытку познакомить Борисова съ мѣстнымъ обществомъ. Повелъ его въ домъ одного американскаго сенатора, у котораго было три дочери, одна другой красивѣе и милѣе. Двѣ старшія выѣзжали въ свѣтъ и пользовались большимъ успѣхомъ. Родители очень гостепріимные люди, много принимали и жили широко. Всегда было у нихъ весело , и я себя чувствовалъ тамъ, какъ рыба въ водѣ.

Приходимъ. Изъ прихожей неслось веселое щебе-

таніе молодежи въ гостинной, но лишь только мы съ Борисовымъ переступили порогъ, наступило молчаніе, на лицахъ — недоумѣніе.

Старшая изъ дочерей, какъ только Борисовъ усѣлся рядомъ съ нею, вдругъ вспомнила, что ее гдѣ-то ждутъ, чтобы разливать чай на какомъ-то благотворительномъ базарѣ. Вторую, послѣ двухъ-трехъ минутъ позвали къ телефону, и больше мы ее не видѣли. Хозяйка вела принужденный разговоръ съ Борисовымъ и по временамъ бросала на меня взгляды, какъ будто спрашивая: «Откуда ты досталъ это чудовище?». Я замѣтилъ, что изъ сосѣдней комнаты, библіотеки, заглядывала въ гостинную, третья дочь, молоденькая, 16-ти лѣтняя, живая, очаровательная дѣвушка..

— Бесси, — позвалъ я ее, — милая Бесси, войдите сюда, я хочу вамъ представить моего новаго сослуживца.

Бесси протянула Борисову руку, но лишь прикоснулась она до холодной костлявой руки моего пріятеля, какъ вздрогнула, и на прелестномъ подвижномъ лицѣ ея я прочелъ плохо скрываемый испугъ и ужасъ.

Когда мы откланивались, Бесси отвела меня въ сторону и съ возбужденіемъ проговорила:

— Что это такое? Еще одна изъ вашихъ шутокъ?..

— Какая такая шутка? — недоумѣвалъ я, я васъ не понимаю...

— Да развѣ вы не видите, что вы сдѣлали? Кого вы къ намъ привели? Вѣдь это не живой человѣкъ, а мертвецъ. Съ какого кладбища вы достали это привидѣніе? Если это шутка, то очень нехорошая шутка... Съ мертвыми не шутятъ...

Повернулась и ушла, не простившись.

⁂

Дебютъ Борисова въ свѣтѣ былъ неудачный, что и говорить, но я не унывалъ. Видя, что онъ не ищетъ знакомствъ и не интересуется свѣтской жизнью, я вообразилъ, что Борисовъ человѣкъ кабинетный и что онъ окажется для меня цѣннымъ помощникомъ въ канцелярской работѣ. Я старался заинтересовать его нашими текущими дѣлами, знакомилъ его съ политическимъ архивомъ... Борисовъ слушалъ меня съ какой-то странной презрительной улыбкой, которая говорила — какъ мнѣ тогда казалось:

— И охота тебѣ этими пустяками заниматься?.. вѣдь все то, о чемъ ты болтаешь, не стоитъ выѣденнаго яйца.

Борисовъ приходилъ, однако, въ канцелярію довольно аккуратно. Онъ ложился на мягкій диванъ, бралъ въ руки номеръ иллюстрированнаго журнала, все одинъ и тотъ же номеръ, случайно попавшій въ канцелярію, и недвижимый могъ оставаться часами. Онъ не читалъ журнала, страницъ не переворачивалъ, но и не спалъ. Глаза его были открыты, и всякій разъ, какъ я оборачивался на Борисова, я встрѣчался съ холоднымъ мертвеннымъ взглядомъ его стеклянныхъ глазъ, Иногда Борисовъ вставалъ, прохаживался медленно по комнатѣ, останавливался у моего стола и, наблюдая, какъ я усердно строчу, ласково дотрагивался до моего плеча, приговаривая:

— Прилежаніе есть добродѣтель.

Я отпросился у посланника на недѣлю въ Нью-Іоркъ, куда меня тянули безчисленныя удовольствія этого громаднаго центра — скаковыя испытанія, балы, обѣды, изумительная итальянская опера и т. п. Передъ отъ-

ѣздомъ я еще разъ повторилъ Борисову, гдѣ что лежитъ и что нужно имѣть на готовѣ для посланника.

Пріѣзжаю обратно, спрашиваю Борисова:

— Ну что?.. Какъ?.. Все благополучно?..

— Да, — отвѣчаетъ онъ, — какъ будто все въ порядкѣ. Сначала посланникъ нервничалъ безъ васъ, но потомъ успокоился.

Вхожу въ канцелярію. Боже! Бумаги разбросаны по всѣмъ столамъ, незарегистрированныя, другія хоть и занесены въ журналъ, но входящія бумаги носили исходящіе номера... Все перепутано. Словомъ, мнѣ потребовалось битыхъ три часа, чтобы привести все въ порядокъ.

Когда я пришелъ къ князю съ бумагами для подписи, онъ спросилъ меня:

— Вы, кажется, собирались въ Калифорнію? Очень сожалѣю, но я не могу васъ отпустить. Мнѣ нужно, чтобы кто нибудь занимался въ канцеляріи дѣлами. Я думаю, что вы меня понимаете...

И больше ничего не было сказано.

Зимній сезонъ въ Вашингтонѣ былъ въ полномъ разгарѣ, и я не на шутку вообразилъ себя самымъ занятымъ человѣкомъ въ городѣ.

Съ ранняго утра я былъ на моемъ конѣ, въ 10 часовъ — въ канцеляріи, затѣмъ завтраки, завтраки, завтраки...

Въ Вашингтонѣ, кажется, нѣтъ дома, гдѣ бы не давалось завтраковъ. Между 3 и 5 часами мнѣ удавалось сыграть двѣ-три партіи въ теннисъ, когда погода позволяла.

Если не было ничего спѣшнаго въ посольствѣ, я забѣгалъ передъ обѣдомъ въ клубъ, чтобы просмотрѣть вечернія газеты и телеграммы, а затѣмъ нужно было спѣшить домой, одѣваться къ обѣду. Вечера были у меня заняты на двѣ - три недѣли впередъ обѣдами, балами, концертами и театральными представленіями.

Въ этомъ водоворотѣ свѣтской жизни, перемѣшанной съ занятіями въ посольствѣ, я совсѣмъ не замѣчалъ Борисова. Онъ продолжалъ жить въ моей квартирѣ, но я такъ мало бывалъ дома, что его присутствіе меня вовсе не стѣсняло. Я даже привыкъ, возвращаясь поздно съ баловъ, находить его разгуливающимъ по комнатамъ въ ночной сорочкѣ, съ чернымъ шелковымъ носовымъ платкомъ въ карманѣ своего савана, у самаго сердца.

Съ непривычки Борисовъ могъ показаться страшнымъ въ такомъ одѣяніи. Но я уже пристрѣлялся. Выпивалъ свой стаканъ лимонада, отъ котораго Борисовъ всегда отказывался, болталъ всякій вздоръ и дѣлился моими впечатлѣніями. Сонъ у меня былъ богатырскій, но съ тѣхъ поръ, что Борисовъ у меня гостилъ, мнѣ случалось среди ночи просыпаться. Мнѣ казалось, что кто-то находится въ моей спальнѣ у моей постели; я повертывалъ электрическую кнопку и видѣлъ въ открытую дверь, какъ Борисовъ въ своемъ саванѣ переходилъ изъ гостинной въ мой кабинетъ.

— Борисовъ, это вы? — спрашивалъ я, и мнѣ доносился въ отвѣтъ его слабый, протяжный голосъ:

— Мнѣ не спится...

— Пожалуй, маленькая Бесси права, — думалъ я, — Борисовъ въ самомъ дѣлѣ смахиваетъ на привидѣніе, но долго я не задумывался и погружался снова въ сладкій сонъ до утра.

⁂

Въ Бѣломъ Домѣ былъ большой пріемъ. Супруга президента давала чай въ честь дипломатическаго корпуса, и всѣ мы, разумѣется, должны были явиться въ сюртукахъ и цилиндрахъ.

Борисовъ превзошелъ себя въ сочетаніи чернаго съ бѣлымъ. Черный сюртукъ, черный галстукъ, но бѣлый жилетъ съ черными пуговицами, бѣлая, совсѣмъ сѣдая голова и черные, какъ смоль усы, черные брюки и бѣлыя гетры съ черными пуговицами на черныхъ лакированныхъ ботинкахъ.

На рукахъ у него были черныя перчатки, причемъ на четвертомъ пальцѣ лѣвой руки въ перчаткѣ была сдѣлана дырочка, изъ которой выступала довольно крупная бѣлая жемчужина.

Такое одѣяніе не могло пройти незамѣченнымъ. Дипломаты, разумѣется, судачили, американцы и американки диву давались.

Ничего подобнаго они до сихъ поръ не видѣли и понять не могли, что это такое. Борисовъ, самъ того не замѣчая, произвелъ въ Бѣломъ Домѣ сенсацію.

Когда мы разъѣзжались, посланникъ по обыкновенію предложилъ подвезти меня домой. Въ каретѣ князь далъ волю своимъ чувствамъ:

— Такихъ заграницу не вывозятъ, — горячился онъ, — мы скоро станемъ посмѣшищемъ всего Вашингтона. Можно ли такъ одѣваться...

Вскорѣ послѣ пріема въ Бѣломъ Домѣ, Борисовъ объявилъ мнѣ, что нашелъ квартиру и завтра переѣзжаетъ. Онъ самъ выразилъ желаніе отпраздновать новоселье.

Обѣдать съ нимъ я не могъ, но мы сговорились поужинать въ клубѣ. Борисовъ позвалъ еще двухъ иностранныхъ дипломатовъ, съ которыми былъ раньше гдѣ то знакомъ. Я ихъ вовсе не зналъ. Они принадлежали къ той категоріи дипломатовъ, которые нигдѣ не показываются. Недостатокъ ли средствъ или незнаніе языка, или же врожденная застѣнчивость и равнодушіе къ спортивнымъ играмъ держали ихъ въ сторонѣ отъ свѣтской жизни.

Я пришелъ къ ужину съ веселаго обѣда, но когда вошелъ въ столовую клуба, гдѣ Борисовъ расположился со своими коллегами, меня обдало холодомъ и тоской.

Мое обычно веселое настроеніе совершенно не соотвѣтствовало господствовавшей вокругъ стола сумрачной атмосферѣ. Борисовъ былъ, какъ всегда, безнадежно равнодушенъ и разсѣянъ, а что касается друзей его, то одинъ изъ нихъ оказался саркастическимъ слегка озлобленнымъ человѣкомъ, а другой — просто угрюмымъ.

Разговоръ зашелъ о карьерѣ, какъ обыкновенно, когда сходятся дипломаты. Оба пріятеля Борисова находили, что дипломатическая служба — самая что ни на есть неблагодарная и тяжелая.

— Всю жизнь приходится торчать чортъ знаетъ гдѣ, зачастую въ дурномъ климатѣ, вдали отъ родины, — говорилъ озлобленный. — Для того, чтобы побывать дома, нужно отпускъ брать, за который у васъ еще вычитаютъ изъ жалованья. Извольте при такихъ условіяхъ жениться... Начальство вамъ довольно недвусмысленно даетъ понять, что предпочитаетъ холостыхъ секретарей, а когда придетъ ваша очередь быть посланникомъ, вамъ говорятъ: «Намъ нуженъ посланникъ же-

натый, чтобы въ миссіи была хозяйка, чтобы принимала, давала обѣды и пр... Вотъ подите, угодите имъ...

Угрюмый рукой махнулъ. «Ужъ какой то тамъ бракъ», заговорилъ онъ. Оставаясь долго на службѣ, всюду становишься чужимъ и лишнимъ человѣкомъ. На родинѣ отъ васъ всѣ отвыкаютъ; у каждаго свои интересы, своя жизнь, въ которой вы никакой роли не играете. Къ чужимъ не пристанешь, а отъ своихъ отстанешь, вотъ вамъ и дипломатическая служба.

— А вѣдь есть дураки, — замѣтилъ озлобленный, — которые намъ еще завидуютъ... Воображаютъ, что дипломатическая карьера — привилегированная... Ха, ха хороша привилегія.

Послѣ третьей бутылки шампанскаго стало какъ-то оживленнѣе.

Не помню какимъ образомъ разговоръ зашелъ о смерти. Тутъ обнаружилось, что озлобленный и угрюмый, оба невѣрующіе, причемъ угрюмый болѣе убѣжденный атеистъ, нежели озлобленный.

— ... Со смертью все приходитъ къ концу, — говорилъ онъ, — нечего себя ласкать дѣтскими бреднями о какой-то будущей жизни... Нашъ конецъ наступаетъ постепенно, задолго до самаго момента смерти.

Вскорѣ, послѣ нашего расцвѣта, нашего физическаго совершеннолѣтія, мы начинаемъ гнить. Процессъ гніенія длительный, отъ каждаго изъ насъ зависитъ, продлить его или ускорить... все зависитъ отъ того, какого рода жизнь мы ведемъ, но мы неизбѣжно гніемъ и разваливаемся, органы наши изнашиваются, портятся, кровообращеніе становится затруднительнымъ и, наконецъ, останавливается. Наступаетъ то, что мы называемъ смертью, послѣ чего процессъ гніенія ускоря-

ется, и въ концѣ концовъ мы обращаемся, въ землю, въ пыль, въ ничто. Вотъ вамъ и жизнь...

— Но что меня больше всего возмущаетъ, — съ жаромъ подхватилъ озлобленный, — это то, что я произведенъ на этотъ свѣтъ... Зачѣмъ, позвольте васъ спросить? Съ какого права? Я никого объ этомъ не просилъ. Оттого, что два существа — въ данномъ случаѣ мои родители — провели пріятно время, я долженъ явиться на этотъ свѣтъ, жить, рости, страдать, болѣть... и въ концѣ-концовъ умереть. Позвольте васъ спросить, на какомъ основаніи? Вѣдь это вопіющая несправедливость. Ужъ разъ я живу, то не угодно-ли оставить мою жизнь за мной. Это моя собственность, я долженъ ею располагать, а никто другой. А тутъ, изволите ли видѣть, кто-то такой, какое-то высшее существо, Божество, какъ его называютъ, рѣшаетъ вашу судьбу... Однихъ жалуетъ, другихъ травитъ, однимъ даетъ долгую жизнь, другимъ ее сокращаетъ...

— Вы значитъ признаете, — замѣтилъ я, — что есть надъ вами высшая власть, Божество...

Озлобленный задумался.

— И да, и нѣтъ, — произнесъ онъ наконецъ. — Съ одной стороны, я не могу не признавать, что есть надъ нами какая-то стихійная сила, противъ которой мы безсильны, съ другой стороны я не понимаю и протестую, почему эта сила всевластна и можетъ распоряжаться какъ хочетъ... моей жизнью, напримѣръ.

— Да почему вы воображаете, что жизнь ваша — ваша собственность? — замѣтилъ я. — Оттого, что вы располагаете вашей жизнью, это еще не значитъ, что жизнь вамъ принадлежитъ. Ваше появленіе на свѣтъ есть чудо, которое никто объяснить не сможетъ. Толь-

ко сверхъестественная Божественная сила можетъ совершать то, что не доступно нашему разумѣнію и что мы называемъ чудомъ. Мы живемъ въ атмосферѣ чудесъ. Жизнь, которая намъ свыше дается, вовсе не наша собственность, отъ насъ только зависитъ, какъ ее использовать.

Мы свое счастье носимъ въ себѣ. Люди въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ жизни могутъ быть счастливыми и несчастными — все зависитъ отъ того, какъ мы понимаемъ нашу жизнь. Вотъ для примѣра хотя бы взять насъ двоихъ. Я безконечно счастливъ и благодарю Создателя за все то, что Онъ далъ мнѣ испытать и пережить въ жизни.... А вы, находясь почти въ одинаковыхъ условіяхъ, какъ и я, изводитесь въ безсильной ярости противъ Провидѣнія... Вы его упрекаете въ несправедливости, а сами не сознаете, какъ неосновательны ваши упреки... Вѣдь если бы всѣ люди жили на свѣтѣ безконечно, ужъ давно бы не было свободнаго мѣста на земномъ шарѣ.... Даже если бы намъ былъ свыше намѣченъ предѣлъ, котораго мы въ нашей жизни не достигаемъ, — скажемъ 150 лѣтъ — то мы были бы несчастными созданіями, приговоренными къ смерти... Каждый годъ мы бы отсчитывали, какъ преступники, ожидающіе казни.... Въ неизвѣстности часа нашей смерти есть наше счастіе, потому что неизвѣстность въ данномъ случаѣ — иллюзія безконечности... Вотъ она божественная гармонія міра, недосягаемая нашему разумѣнію...

Вы ругаете службу, а знаете - ли вы, что безъ службы, т. е. безъ работы вы бы съ ума сошли отъ скуки. Работа намъ нужна, какъ соль для ѣды. Безъ работы жизнь не жизнь. Здѣсь тоже мы видимъ недосягаемую нашему разуму чудесную гармонію Провидѣнія...

— Все это очень хорошо для тѣхъ, кто вѣруетъ, — замѣтилъ угрюмый.

— Да кто жъ вамъ мѣшаетъ быть вѣрующимъ — сказалъ я.

Неожиданно заговорилъ Борисовъ.

— Вы всѣ ходите вокругъ да около... Жизни, собственно говоря, нѣтъ. То, что вы называете жизнью, есть не что иное, какъ одинъ изъ фазисовъ смерти...

— Вотъ тебѣ разъ! — воскликнулъ озлобленный.

Это показалось смѣшнымъ. Даже угрюмый разсмѣялся. Шла седьмая бутылка шампанскаго. Кто-то изъ насъ спросилъ Борисова: «Что же, по вашему, мы всѣ не живые люди, а привидѣнія?....

— Да, если хотите, привидѣнія.... живые мертвецы·

— За живыхъ мертвецовъ, господа... Выпили еще по бокалу. Остановились на 9-й бутылкѣ. Было поздно. Рѣшили проводить Борисова до его новой квартиры передъ тѣмъ какъ разойтись по домамъ. Впереди шелъ Борисовъ, за нимъ я, а сзади меня угрюмый и озлобленный. Всѣ молчали.

— Какое это новоселье? — подумалъ я, идемъ словно хоронимъ кого...

У крыльца распрощались.

Утромъ, когда я раскрылъ глаза, мнѣ показалось, что вся кондитерская Рошэ собралась въ моей спальнѣ. Съ удивленіемъ взиралъ я на встревоженныя лица моего окруженія. Хозяйка, мадамъ Рошэ, неистово теребила меня, приговаривая: «да проснитесь же, мосье Боткинъ, вставайте скорѣй», и прямо въ ухо мнѣ прокричала: «мосье Борисова сейчасъ убили»....

Я не сразу понялъ. Какъ убили? Кто убилъ? Что такое?... Мнѣ казалось, я только что съ нимъ простился.

Какая-то незнакомая мнѣ женщина, оказавшаяся горничной въ домѣ, куда переѣхалъ Борисовъ, выступила впередъ. — «Я поставила на его ночной столъ стаканъ молока, — говорила она въ сильномъ волненіи. — Было 7 съ половиною часовъ. Мистеръ Борисовъ не спалъ. «Принесите мнѣ газету», — сказалъ онъ. Я пошла на уголъ улицы купить газету, а въ это время его убили. Возвращаюсь... а онъ какъ былъ въ постели, такъ и остался. Выстрѣлъ былъ въ високъ, никто не слыхалъ въ домѣ, двери были раскрыты настежь... Мы позвали полицію. Идите къ намъ скорѣе»...

Наскоро одѣлся; прибѣгаю къ Борисову. Открываетъ дверь полисмэнъ.

— Убійство?... спрашиваю.

— Самоубійство.

Гляжу — лежитъ мой бѣдный Борисовъ въ кровати, какъ живой съ спокойнымъ лицомъ, со столь знакомыми мнѣ стекляными неподвижными глазами.

Полисмэнъ осторожно приподнялъ одѣяло, и я увидѣлъ черный револьверъ Борисова въ бѣлой костлявой рукѣ. Изъ виска выступали окровавленные мозги.

— Смерть послѣдовала мгновенно, — замѣтилъ полисмэнъ.

Я долго стоялъ, не отрывая глазъ отъ покойника. Его всегда мертвенное лицо мнѣ казалось живымъ, и вмѣсто обычной саркастической улыбки было что-то величавое въ выраженіи его спокойнаго лица. Онъ словно отдыхалъ послѣ чего-то труднаго, тяжелаго.

Мнѣ вспомнились его слова, произнесенныя вчера

за ужиномъ: «Жизнь есть не что иное, какъ одинъ изъ фазисовъ смерти... Жизни собственно говоря нѣтъ».

Если по его разумѣнію, жизнь есть смерть, зачѣмъ же онъ съ собой покончилъ? недоумѣвалъ я, зачѣмъ ему нужно было выстрѣломъ изъ револьвера сократить то, что онъ считаетъ однимъ изъ фазисовъ смерти?....

И чѣмъ больше я всматривался въ его мертвое лицо, тѣмъ больше казалось оно мнѣ живымъ....

Я оставилъ полисмэна въ квартирѣ Борисова, а самъ бросился въ посольство доложить посланнику о случившемся.

— Князь беретъ ванну, — сообщилъ мнѣ камердинеръ.

Пришлось подождать.

Посланникъ встрѣтилъ меня сухо. Черезъ прислугу онъ уже былъ освѣдомленъ о самоубійствѣ Борисова.

— Такія вещи дѣлаются дома, у себя, а не за-границей, гдѣ мы на службѣ, — сказалъ онъ мнѣ не безъ нѣкотораго раздраженія, какъ будто я былъ виноватъ въ томъ, что случилось... — Полное отсутствіе сознанія служебнаго долга... Ну, скажите пожалуйста, съ какой стати было пріѣзжать изъ Южной Америки въ Вашингтонъ, чтобы наложить на себя руки... Во-первыхъ, самоубійство есть актъ трусости...

— Борисовъ, — покойникъ теперь, — робко замѣтилъ я.

— Ну такъ и займитесь вашимъ покойникомъ, — сказалъ князь. — Надо его похоронить здѣсь, вещи его запечатать и отправить въ Петербургъ, а въ министерство пошлите сейчасъ же телеграмму: «Борисовъ ско-

ропостижно скончался» и больше ничего. Потомъ мы имъ пошлемъ донесеніе, а я поблагодарю ихъ какъ слѣдуетъ, за такого секретаря посольства.

Когда я спускался по лѣстницѣ, князь въ халатѣ вышелъ на площадку и крикнулъ сверху: «Не забудьте, Боткинъ, что вы у насъ завтракаете сегодня половина перваго... не опоздайте»...

У Борисова въ квартирѣ я засталъ судебнаго слѣдователя и полицейскаго доктора.

— Посланнику было бы желательно, — сказалъ я, — чтобы фактъ самоубійства не былъ оглашенъ.

— Разумѣется. Мы это предвидѣли... Вотъ свидѣтельство о смерти. Изволите видѣть: неосторожное обращеніе съ огнестрѣльнымъ оружіемъ.

Когда они ушли, я подошелъ къ письменному столу Борисова, и тутъ только замѣтилъ двѣ записки, оставленныя имъ. Одна была на мое имя, на другой его четкимъ почеркомъ было написано одно только слово — «роднымъ». Обѣ записки лежали въ незаклеенныхъ конвертахъ на самомъ видномъ мѣстѣ посреди стола. Борисовъ, очевидно, написалъ ихъ наканунѣ вечеромъ, послѣ ужина. Въ запискѣ ко мнѣ все тѣмъ же ровнымъ крупнымъ почеркомъ всего три строчки.

«Слишкомъ тяжело носить въ своемъ тѣлѣ мертвую душу — посему себя уничтожаю».

Записка роднымъ была еще короче — всего три слова: — «прощайте, простите, забудьте».

Я былъ ошеломленъ.

Итакъ, вотъ разгадка его равнодушія къ жизни, его

траура, его полной безучастности ко всему окружающему...

Вотъ объясненіе его теоріи о томъ, что жизнь есть только одна изъ формъ смерти... Какое горе, какое непреодолимое горе довело несчастнаго до сознанія, что душа его, которую онъ все же признавалъ живой, умерла.... Какимъ непроглядным кошмаромъ должна была быть жизнь этого человѣка....

Люди скажутъ, что Борисовъ былъ не въ своемъ умѣ... Конечно, онъ не былъ нормальнымъ человѣкомъ, но фактъ этотъ не избавляетъ его отъ страданій....

— — — — — — — — — —

Такъ я размышлялъ, читая между строками то, чего не было въ двухъ лаконическихъ запискахъ самоубійцы.... Бѣдный, несчастный Борисовъ....

Похороны Борисова были холодные.

Всѣ исполнили свой долгъ, но вотъ и все.

Изъ Нью-Іорка прибылъ нашъ архимандритъ, на отпѣваніи присутствовали, кромѣ дипломатовъ, американскіе чиновники министерства Иностранныхъ дѣлъ.

Отъ дипломатическаго корпуса на гробъ покойнаго былъ возложенъ великолѣпный вѣнокъ; всѣ послы и посланники, въ знакъ соболѣзнованія, оставили свои карточки въ нашемъ посольствѣ....

Все было сдѣлано, какъ полагается въ подобныхъ обстоятельствахъ, но затѣмъ сейчасъ же жизнь потекла по прежнему, и никто больше о Борисовѣ не думалъ. Случилось то, чего онъ самъ желалъ — его забыли. Не могъ забыть Борисова только я.

Прежде всего нужно было разобраться въ его бумагахъ, запечатать ихъ въ конверты и вмѣстѣ съ его вещами послать на родину.

Кромѣ двухъ записокъ, написаныхъ передъ смертью, я не нашелъ никакихъ другихъ указаній или распоряженій покойнаго. Архивъ его былъ хоть и объемистый, но мало содержательный. Поразила меня только одна фотографія, снятая гдѣ -то въ Бразиліи, фотографія Борисова въ гробу.

Живой онъ лежалъ въ гробу во фракѣ съ мертвеннымъ лицомъ. Онъ имѣлъ гораздо болѣе мертвый видъ, нежели когда я его видѣлъ въ самомъ дѣлѣ мертвымъ въ гробу.

Можно было подумать, что фотографія была снята послѣ самоубійства... Признаюсь, непріятно было смотрѣть на изображеніе, подъ которымъ Борисовъ своимъ четкимъ крупнымъ почеркомъ написалъ —
«Memento mori».

Борисовъ былъ погребенъ на живописномъ кладбищѣ Арлингтонъ въ окрестностяхъ Вашингтона. Я заказалъ большую бѣлую мраморную доску, на которой черными буквами было высѣчено его имя и день кончины.

Тяжелая мраморная доска легла надъ землей, въ которой зарытъ былъ гробъ съ тѣломъ Борисова, но душа его, которую покойный считалъ давно умершей, продолжала витать и слоняться по моей квартирѣ, не находя себѣ покоя.

Да, я не былъ одинъ у себя дома. Это сознаніе тяготило и преслѣдовало меня. Когда я переступалъ порогъ моей квартиры, меня непріятно поражалъ запахъ духовъ Борисова, специфическій запахъ чего-то крѣпкаго. Сколько мы ни открывали окна, никакъ отъ этого запаха отдѣлаться не могли.

Вечеромъ, когда я возвращался поздно домой съ баловъ и обѣдовъ, уже подходя къ дому, я чувствовалъ себя не по себѣ.

Мнѣ все казалось, что Борисовъ разгуливаетъ въ саванѣ по моимъ комнатамъ. Когда я былъ въ кабинетѣ, я его слышалъ въ гостиной, когда я сидѣлъ въ гостиной, онъ едва слышно ходилъ по кабинету. Довольно мнѣ было потушить электричество въ одной изъ комнатъ, какъ изъ темнаго угла, мнѣ казалось, выдѣляется бѣлая фигура....

Первое время я думалъ, что я галлюцинирую подъ впечатлѣніемъ недавней смерти Борисова, но вскорѣ обнаружилось, что вся прислуга въ домѣ, не исключая и самого хозяина, кондитера Рошэ, переживали болѣе или менѣе тѣ же ощущенія, что и я. Мадамъ Рошэ въ сумеркахъ видѣла, какъ Борисовъ подымался по лѣстницѣ въ мою квартиру. Мой конюхъ, негръ, утверждалъ, что всякій разъ, какъ онъ приводилъ мою лошадь къ крыльцу, Борисовъ выглядывалъ изъ окна своей комнаты. Горничная Полли нашла однажды черный шелковый платочекъ Борисова на полу въ гостиной. Всѣмъ въ домѣ этотъ платочекъ былъ хорошо извѣстенъ. Нахожденіе платка, благодаря болтливой Полли, подлило масла въ огонь. Сложились легенды, будто каждую ночь Борисовъ приходитъ и бродитъ вокругъ дома, стараясь проникнуть внутрь. Его видѣли у витринъ кондитерской, пытающимся войти въ магазинъ, его видѣли стоящимъ у моего подъѣзда глубокой ночью въ ожиданіи моего возвращенія. Старая миссисъ Джемсонъ, служившая въ домѣ экономкой, совѣтовала мнѣ не тушить электричества до утра...

Сознаюсь, мнѣ этотъ моментъ перехода отъ свѣта къ мраку былъ непріятенъ, но я всегда ложился въ по-

стель до такой степени усталый, что довольно мнѣ было положить голову на подушку и закрыть глаза, и я уже спалъ, спалъ крѣпкимъ, здоровымъ, непробуднымъ сномъ вплоть до утра...

Смутно я, однако, чувствовалъ, что не спроста всѣ въ домѣ — и я въ томъ числѣ — находимся въ состояніи какого-то гипноза, ощущая такъ или иначе постоянное присутствіе среди насъ Борисова... смутно я чувствовалъ, что и я увижу когда-нибудь Борисова, что что-то должно произойти.... что-то страшное, таинственное, какъ и все, что относилось къ памяти этого загадочнаго человѣка.

***

Однажды ночью я вдругъ проснулся. Что-то холодное, какъ мраморъ, давило меня съ лѣваго бока. Я понялъ, что я не одинъ въ моей широкой постели, и вскочилъ, какъ ужаленный.

При блѣдномъ свѣтѣ чуть зарождающагося утра я разглядѣлъ, что въ моей кровати параллельно со мною лежала длинная человѣческая фигура въ бѣломъ саванѣ съ чернымъ платочкомъ на груди....

— Борисовъ, — вскричалъ я въ ужасѣ, — вы?...

И тутъ я замѣтилъ, какъ блѣдныя губы мертвеца исказились въ знакомую мнѣ саркастическую улыбку, между тѣмъ, какъ самъ онъ продолжалъ лежать на моей постели неподвижно, какъ мраморный.

— Живой мертвецъ, — промелькнуло у меня въ головѣ, между тѣмъ какъ по всему тѣлу пробѣгали мурашки, я обливался холоднымъ потомъ, а кровь, словно молоткомъ, стучала въ виски.

Какъ ни невѣроятно можетъ показаться подобное видѣніе, но въ ту минуту я не сомнѣвался, что бѣлый, мраморный, холодный Борисовъ лежалъ передо мною на моей постели, смотрѣлъ на меня своими стеклянными глазами и презрительно улыбался, видя мое крайнее замѣшательство. При бѣломъ освѣщеніи еще не вставшаго солнца я ясно видѣлъ его совсѣмъ такимъ, какъ на смертномъ одрѣ.

— Оставьте меня, — прошепталъ я и, подбѣжавъ къ окну, растворилъ его настежь...

Вмѣстѣ со свѣжимъ воздухомъ что-то необыкновенно живительное и вмѣстѣ съ тѣмъ успокаивающее душу, чудно красивое и звучное хлынуло въ открытыя окна моей квартиры.... то были мощные звуки органа и стройное пѣніе монахинь католическаго монастыря на противоположной сторонѣ улицы.

На монастырскихъ часахъ пробило шесть. Борисовъ исчезъ... Я стоялъ, какъ очарованный, жадно прислушиваясь къ дивной музыкѣ, доносившейся изъ-за монастырской ограды.

Я не знаю, какъ выразить то, что я испыталъ, но я знаю, что въ атмосферѣ было что-то особенное, чувствовалась увѣренность въ себѣ. Я точно вдыхалъ въ себя бодрость, силу и крѣпость, и вмѣстѣ съ умиротвореніемъ ко мнѣ возвращалось чувство жизнерадостности.

Воспоминаніе о Борисовѣ отошло на дальній планъ. Я былъ увѣренъ, что больше не увижу его никогда, и я снова чувствовалъ себя свободно и легко, какъ поистинѣ счастливый человѣкъ, преисполненный благодарности за все, что свыше ему дано въ этомъ мірѣ испытаній, треволненій и чудесъ.

Теодоръ Рузвельтъ

Я знавалъ Рузвельта еще маленькимъ человѣкомъ, слишкомъ 30 лѣтъ тому назадъ, во время президентства Гаррисона, когда Рузельветъ засѣдалъ въ Комиссіи по гражданскимъ дѣламъ (**Civil Service Commisssion**) въ Вашингтонѣ. Рузвельтъ уже тогда слылъ за человѣка высоко образованнаго и блестящаго оратора, но никто еще въ немъ не предугадывалъ будущаго Президента Республики и столь крупнаго государственнаго дѣятеля. Мы сошлись не въ обществѣ, гдѣ онъ показывался рѣдко, не на политической почвѣ, гдѣ онъ только начиналъ проявляться, а на спортивной аренѣ бокса.

Рузвельтъ былъ большимъ любителемъ и знатокомъ этого спорта и не пропускалъ ни одного состязанія. Встрѣтивъ меня однажды въ одномъ гимнастическомъ клубѣ на боксерскомъ вечерѣ, Рузвельтъ посадилъ меня рядомъ съ собой въ первомъ ряду подъ самой эстрадой. Мы были такъ близко отъ борцовъ, что запахъ пота ихъ обнаженныхъ тѣлъ непріятно поражалъ мое обоняніе, а сами они, гоняясь другъ за другомъ на небольшомъ пространствѣ, огороженномъ канатомъ, насѣдали одинъ на другого, обмѣниваясь отчаянными ударами. Только и видны были въ воздухѣ кулаки округленные перчатками, набитыми войлокомъ. По вре-

менамъ борцы сцѣплялись, перегибались у самаго каната, того и гляди сваливались на насъ.

Рузвельтъ внимательно и страстно слѣдилъ за ходомъ борьбы. Вся зала находилась въ состояніи какого-то дикаго напряженія. Люди кричали, махали руками, вскакивали со своихъ мѣстъ, ободряли то того, то другого борца, неистовствовали, когда послѣ затрещины одинъ изъ борцовъ падалъ на землю и еще больше галдѣли, когда онъ вставалъ и съ кулаками лѣзъ на противника...

Рузвельтъ, весь красный, тоже что-то кричалъ, покрывая своимъ громкимъ голосомъ другіе голоса. Его ротъ широко раскрывался, при чемъ обнаруживались его крупные, крѣпкіе зубы. Онъ былъ страшенъ.

Каждыя три минуты бой пріостанавливался и борцамъ давалась одна минута передышки. Ихъ обмахивали мокрыми полотенцами, обмывали ихъ раны губками, пропитанными спиртомъ, между тѣмъ, какъ зала не унималась.

Въ одинъ изъ такихъ минутныхъ антрактовъ я замѣтилъ на аренѣ человѣка, который ползалъ на колѣняхъ, быстро подбирая какіе-то красные гвозди, какъ мнѣ показалось.

— Что онъ дѣлаетъ? — спросилъ я Рузвельта.

— Это дантистъ, онъ собираетъ вышибленные зубы, — равнодушно замѣтилъ мой пріятель. — Онъ надѣется ихъ обратно вправить. Кажется это возможно.

— Вы любите боксъ? — спросилъ меня Рузвельтъ послѣ состязанія.

— Откровенно говоря, — нѣтъ, не люблю. Я даже не понимаю хорошенько, что можетъ прельщать людей

любоваться такимъ побоищемъ; почему тысячи людей увлекаются боксомъ, милліоны имъ интересуются и бьются объ закладъ, рискуя цѣлыми состояніями?... Не понимаю.

— Подождите, — сказалъ Рузвельтъ, — вы еще не знакомы съ правилами бокса и потому не можете понять. Боксъ — благородный спортъ. Онъ развиваетъ въ человѣкѣ силу, ловкость и отвагу. Три хорошихъ качества нашей природы.

— Боксъ также развиваетъ страсти, — замѣтилъ я, — дикія страсти.

Рузвельтъ добродушно разсмѣялся:

— Знаете, — сказалъ онъ, — это не такъ предосудительно, какъ вамъ кажется. Эта самая страстность показываетъ, что въ жилахъ нашихъ течетъ кровь, здоровая кровь, а не какая-то сыворотка.

Рузвельтъ подарилъ мнѣ картинку-рекламу только что вышедшей тогда въ свѣтъ книги о боксѣ. Громадный, здоровенный парень, полунагой съ бритой физіономіей англійскаго кучера изображенъ на картинкѣ опирающимся толстыми ногами на маленькій земной шаръ. Подъ рисункомъ лаконическая надпись: «Джонъ Сулливанъ — чемпіонъ міра».

Вся Америка понимала, что это означало. «Непобѣдимый» Джонъ Сулливанъ, гордость и слава Бостона, одна изъ популярнѣйшихъ личностей въ Соединенныхъ Штатахъ, въ продолженіи 12-ти лѣтъ признававшійся первымъ боксеромъ въ мірѣ, написалъ книгу подъ заглавіемъ «Воспоминанія гладіатора XIX вѣка».

Не думаю, чтобы Сулливанъ самъ писалъ эту кни-

гу. Вѣроятно, она написана со словъ его какимъ-нибудь бойкимъ журналистомъ, но во всякомъ случаѣ книга очень своеобразная, въ своемъ родѣ интересная, издана тщательно и содержитъ нѣсколько портретовъ автора и разбитыхъ имъ противниковъ. На всѣхъ рисункахъ «гладіаторы XIX вѣка» изображены со сжатыми кулаками, натянутыми мускулами и поясомъ вокругъ обнаженнаго тѣла. Поясъ для боксера имѣетъ большое значеніе: какъ капельмейстеру оркестра почитатели подносятъ дирижерскую палочку, такъ боксеру-чемпіону жалуется поклонниками почетный поясъ. Сулливанъ тоже получилъ поясъ, изображеніе котораго находится въ книгѣ его воспоминаній. Поясъ золотой, украшенный 397 брилліантами, подаренъ былъ ему почитателями.

Я прочелъ книгу Сулливана внимательно, но мнѣ все же оставалось непонятнымъ увлеченіе англо-саксонской расы боксомъ и легкость, съ которой любители этого спорта выступаютъ на арену, чтобы получать тяжеловѣсныя затрещины, обезображивающія ихъ на всю жизнь.

Въ своей книгѣ Сулливанъ, описавъ побѣды надъ знаменитыми боксерами, разсказываетъ, между прочимъ, о «серіи пикниковъ», которыми онъ услаждался, путерешествуя по Америкѣ. Эти пикники заключались въ томъ, что Сулливанъ вмѣстѣ съ нѣсколькими приставленными къ нему коллегами-боксерами разъѣзжалъ изъ города въ городъ, давая каждый вечеръ представленіе, т. е. ухлопывая въ лоскъ своихъ пріятелей къ вящему удовольствію публики. Эти артистическія «турнэ» сдѣлались еще болѣе интересными, когда Сулливанъ объявилъ, что обѣщаетъ дать сто долларовъ всякому, кто сможетъ устоять противъ него въ четыре круга. Нашлось таки 59 охотниковъ, которые попробо-

вали свое счастье и всѣ были, разумѣется, разбиты или «наказаны», выражаясь языкомъ боксеровъ.

Мнѣ особенно понравилось, какъ Сулливанъ въ своей книгѣ старается доказать, что удары, которыми онъ такъ щедро награждалъ своихъ противниковъ, вовсе не такъ болѣзненны, какъ можно думать.

«Самое вѣрное средство повалить противника, — говоритъ онъ, — это — ударить его кулакомъ въ подбородокъ. Доктора говорили мнѣ, что это мѣсто находится въ связи съ спиннымъ хребтомъ. Сухой ударъ по подбородку, повидимому, на время парализуетъ мозгъ. Чувство, ощущаемое при этомъ, должно быть вродѣ того, какое испытывается при усыпленіи эфирнымъ наркозомъ. Мысли неясны, чувствуется головокруженіе и легкая тошнота. При этомъ боли почти нѣтъ никакой, но весь организмъ остается въ состояніи оцѣпенѣнія, мертвенности».

Благодарю покорно за такое внимательное отношеніе къ жертвамъ. По мѣрѣ чтенія книги Сулливана мнѣ стало досадно за всѣ разбитыя имъ физіономіи и понемногу во мнѣ закралось чувство непріязни къ этому самоувѣренному силачу, злоупотребляющему своимъ физическимъ превосходствомъ.

Мнѣ хотѣлось, чтобы насталъ конецъ этой гегемоніи кулака. Я ждалъ, чтобы проявился новый болѣе молодой и искусный силачъ, который уложилъ бы Сулливана и отомстилъ однимъ ударомъ за всѣ его съ ногъ сшибательныя затрещины.

Я не ошибся. Такой новый чемпіонъ появился въ лицѣ Калифорнійскаго боксера Джима Корбетта, молодого и красиваго малаго. Бой между нимъ и Сулливаномъ произошелъ въ Новомъ Орлеанѣ, въ томъ самомъ Новомъ Орлеанѣ, гдѣ двѣнадцать лѣтъ назадъ Сулли-

ванъ разбилъ и чуть не ухлопалъ до смерти знаменитаго Района. Корбеттъ уложилъ Сулливана. Всякому чемпіону своя очередь.

Мнѣ довелось присутствовать на этомъ состязаніи. Это было въ сентябрѣ 1892 года. Длинное и далеко не комфортабельное путешествіе во Флориду окупилось мнѣ сторицею крупнымъ пари, которое я выигралъ, побившись объ закладъ за Корбетта. Многочисленные поклонники Сулливана никакъ не могли допустить, что насталъ его конецъ и всѣ держали пари за него. У Корбетта было сравнительно мало сторонниковъ. До сихъ поръ не могу забыть этого зрѣлища.

Я пріѣхалъ въ Новый Орлеанъ наканунѣ въ обществѣ нѣсколькихъ американскихъ друзей. Съ большимъ трудомъ удалось намъ отстоять благодаря Рузвельту заказанныя нами комнаты въ самой старинной гостиницѣ Новаго Орлеана. Въ столовой хозяинъ гостиницы подошелъ къ намъ и съ оттѣнкомъ нѣкоторой гордости произнесъ: «Въ этомъ залѣ было убито больше людей, нежели на многихъ поляхъ сраженія». Въ южныхъ штатахъ въ прежнее время револьверъ вообще очень легко пускался въ дѣло. Не даромъ разсказывали мнѣ, но самъ я не видалъ этихъ надписей, что въ церквахъ можно было видѣть картонные плакаты съ надписью: «просятъ въ органиста не стрѣлять, потому что онъ дѣлаетъ, что можетъ».

Новый Орлеанъ былъ полонъ самаго разношерстнаго народа, съѣхавшагося на бой. Многіе изъ нихъ — безъ всякой надежды видѣть состязаніе, ибо въ амфитеатрѣ всего 10.000 мѣстъ, а билеты всѣ находились въ распоряженіи Олимпійскаго Клуба Новаго Орлеана, ко-

торый уже давно распредѣлилъ ихъ между гимнастическими и спортивными клубами Америки. Барышники предлагали шальныя деньги за послѣднее мѣсто въ громадномъ залѣ. Всѣ улицы были запружены народомъ и мы съ трудомъ добрались до своихъ мѣстъ.

Среди моря головъ, въ самой серединѣ амфитеатра, возвышалась арена для боя, окаймленная краснымъ, словно окровавленнымъ канатомъ. Президентъ клуба г-нъ Ноэль, съ озабоченнымъ лицомъ бѣгалъ изъ одного конца въ другой, отдавая приказанія. Насколько я могъ понять, опасность была, что люди съ улицы ворвутся въ переполненный и безъ того амфитеатръ.

Произойдетъ давка, чего добраго, паника, и тогда дѣло кончится плохо. Малѣйшій натискъ толпы, и тысячи людей могли быть раздавленными. Вдругъ въ залѣ раздались дикіе крики, визги, свистки... Начинается, подумалъ я; но оказалось, что среди зрителей были обнаружены двѣ женщины въ мужскомъ одѣяніи. Въ то время женщинъ не допускали на боксерскія состязанія и бѣдныя двѣ любопытныя дамы жестоко поплатились за свою предпріимчивость. Ихъ, конечно, вывели, но отъ однихъ возгласовъ толпы душа могла уйти въ пятки. Кажется, г-нъ Ноэль ихъ спряталъ гдѣ то у себя въ кабинетѣ подъ ключемъ, а то бы имъ не сдобровать.

Но вотъ вышли борцы на арену. Раздались отчаянные крики, потрясшіе все зданіе. Люди смѣялись истерически, безсмысленно, заговаривали съ незнакомыми, не отдавая себя отчета, что они брешутъ и по временамъ безсознательно взвизгивали.

Но вотъ роковой звонокъ. Профессоръ Джонъ Дуффи, избранный главнымъ посредникомъ, пожалъ обоимъ руки. Сулливанъ и Корбеттъ въ сопровожденіи

своихъ тренеровъ, стояли каждый въ своемъ углу арены. Судьи и посредники провѣрили другъ у друга часы. Капитанъ Барретъ осмотрѣлъ и взвѣсилъ перчатки, которыя были тотчасъ же переданы соперникамъ. Затѣмъ проф. Дуффи пригласилъ ихъ выйти на середину круга и пожать, согласно обычаю, другъ другу руку. Снова раздался звонокъ — сигналъ начала боя. Все стихло, все внимало, люди застыли, окаменѣли въ своихъ позахъ. Сулливанъ съ сжатыми кулаками стоялъ неподвижно посрединѣ, между тѣмъ какъ Корбеттъ съ удивительной быстротой, размахивая кулаками, вертѣлся вокругъ него, словно танцуя. По временамъ и Сулливанъ размахивался, но увертливый противникъ успѣвалъ во время отскочить. Такъ прошли первые четыре круга. Каждый кругъ длился ровно 3 минуты, послѣ чего давалась одна минута передышки. Оба противника были сильно возбуждены, потъ ручьями катился съ нихъ.

На пятомъ кругу, наконецъ, когда Сулливанъ ринулся на Корбетта, тотъ закатилъ ему два сильныхъ удара: одинъ лѣвой рукой въ лѣвое ухо, а другой — правой рукой прямо въ носъ. Великанъ на минуту былъ оглушенъ, лицо его обагрилось кровью, между тѣмъ какъ Корбеттъ продолжалъ наносить ему удары то по затылку, то въ бокъ, при громкихъ крикахъ ошалѣвшей толпы, повскакавшей со своихъ мѣстъ. Шляпы, палки, сигары и платки летѣли по воздуху. Публика вдругъ поняла, что перевѣсъ на сторонѣ Корбетта. Великанъ уже казался измученнымъ и одурѣвшимъ отъ ударовъ своего молодого противника, который колотилъ его, словно гвозди молоткомъ вколачивалъ.

Вдругъ послышался радостный крикъ: Сулливанъ хватилъ Корбетта по ребрамъ, размахнулся снова, но

встрѣтилъ отпоръ. Кругъ за кругомъ проходили, Сулливанъ выходилъ, улыбаясь, и пускался въ погоню за Корбеттомъ, а тотъ продолжалъ успѣшно отъ него вывертываться. Наконецъ чемпіонъ сталъ сердиться. Хотя бы разъ удалось ему нанести своему сопернику одну изъ его знаменитыхъ затрещинъ правой рукой, отъ которой до сихъ поръ всѣ какъ снопья валились. Онъ все попадалъ въ Корбетта лишь лѣвой рукой и то не очень сильно. На семнадцатый кругъ Сулливанъ вышелъ не бойко и всѣ замѣтили, что онъ ужъ больше не улыбается. Кровь изъ разбитаго носа струилась по влажной груди. Онъ продолжалъ нападать на противника, но удары оставались въ воздухѣ. Въ тѣлодвиженіяхъ его было что-то неуклюжее, смѣшное даже. Въ толпѣ, той самой массѣ, которая за часъ передъ тѣмъ боготворила Сулливана, чувствовался сарказмъ. Мѣстами слышенъ былъ смѣхъ. Люди, державшіе крупныя пари за Сулливана, поникли головами. Подъ конецъ 19-го круга Сулливанъ, шатаясь словно пьяный, добрелъ до своего угла. Двадцатый кругъ былъ кровавый. Корбеттъ, видимо нисколько не утомленный, рѣзво нападалъ, ударяя Сулливана то справа, то слѣва. Удары по щекамъ были ужасны, но Сулливанъ все еще держался.

21-й кругъ былъ послѣдній. Началось съ того, что Сулливанъ сдѣлалъ слабую попытку напасть на противника, но былъ остановленъ жесточайшимъ ударомъ лѣваго кулака Корбетта. Затѣмъ скорѣе молніи слѣдовали удары справа и слѣва, пока великанъ не рухнулъ на землю. Онъ попробовалъ было привстать, но лишь для того, чтобы снова пасть и на этотъ разъ не встать въ продолженіи роковыхъ десяти секундъ.

Чемпіонъ былъ побѣжденъ. Корбеттъ подбѣжалъ

къ нему для обычнаго рукопожатія. Въ амфитеатрѣ стоны криковъ, зданіе дрожало отъ дикаго рева, свистковъ. Сулливана какъ убитаго быка въ Испаніи оттащили въ его уголъ. Тамъ онъ, окруженный тренерами, лежалъ неподвижно пока его обтирали губками намоченными спиртомъ.

Какъ только къ нему вернулось сознаніе, Сулливанъ захотѣлъ произнести спичъ. Съ трудомъ приподнялся онъ, держась одной рукой за канатъ рампы, а другой размахивая окровавленной перчаткой и очевидно желая заставить умолкнуть гудѣвшую толпу. Все смолкло въ ожиданіи лебединой пѣсни силача. Его раздутыя губы двигались, но ничего не было слышно. Наконецъ къ нему вернулся и голосъ.

— «Господа, произнесъ онъ хрипло, это — старая исторія. Побѣда молодого надъ старикомъ. У меня сѣдые волосы на головѣ и мнѣ слѣдовало это помнить.. Я радъ однако, что чемпіонство остается за Америкой. Вотъ все, что я имѣю сказать».

Великанъ свалился на стулъ и тренеры продолжали свое дѣло. Между тѣмъ толпа медленно расходилась недоумѣвая, какъ это такъ случилось, что Сулливанъ больше не чемпіонъ.

Зала была почти пуста, когда Сулливана перевели въ уборную. Тамъ докторъ клуба осматривалъ раны и собирался зашивать носъ. Грустные стояли вокругъ немногіе оставшіеся вѣрными друзья. Царило молчаніе. Слышалось только, какъ по временамъ развѣнчанный чемпіонъ тихонько всхлипывалъ.

— Нѣтъ больше Сулливана, — произнесъ онъ наконецъ печально. — Еще сегодня утромъ у меня была масса друзей, но многіе-ли изъ нихъ будутъ теперь узнавать меня на улицѣ?.. Мнѣ грустно, господа, что вы

потеряли на мнѣ столько денегъ, прибавилъ онъ, догадавшись по мрачному виду нѣкоторыхъ лицъ, что не всѣ именно его жалѣютъ, но вѣдь вы на мнѣ также и выигрывали въ свое время.

Затѣмъ Сулливанъ спросилъ себѣ пива и съ наслажденіемъ осушилъ двѣ кружки залпомъ.

— «Если бъ я всегда придерживался этого зелья, сказалъ онъ, а не пилъ шампанское, я былъ бы сегодня сильнѣе нежели оказался на дѣлѣ. Корбеттъ — умнѣйшій на свѣтѣ человѣкъ. Всѣ его удары я легко сносилъ до того жестокаго, которымъ онъ угостилъ меня въ послѣднемъ кругѣ. Не могу себѣ представить куда онъ попалъ, но я почувствовалъ, что падаю въ пропасть и погружаюсь въ воду. Я очнулся когда уже все было кончено и мнѣ подставляли нюхать соли».

Я хотѣлъ посмотрѣть на Корбетта, но къ его уборной и подойти не было никакой возможности, такъ густа была толпа новыхъ друзей и поклонниковъ его таланта.

Миссисъ Корбеттъ, супруга боксера, молодая и хорошенькая женщина, оставалась въ Нью - Іоркѣ и оттуда слѣдила за всѣми перипетіями боя. Тогда не было еще радіо, приходилось довольствоваться телеграфной лентой, которая отмѣчала постепенные успѣхи Корбетта. Когда пришло извѣстіе о томъ, что мужъ ея разбилъ носъ Сулливану, миссисъ Корбетъ и окружающія ее подруги не могли удержать радостныхъ восклицаній, когда же пришло извѣстіе: «все кончено — Сулливанъ лежитъ» — «держите меня, кричала миссисъ Корбеттъ въ припадкѣ дикой радости, держите крѣпче». Подруги бросились ее обнимать, между тѣмъ какъ счастливая

жена боксера пребывала въ состояніи какого то транса. «Что за прелесть, кричала она, Джимъ — чемпіонъ міра! Я была увѣрена, что онъ побѣдитъ!»

— Онъ не помѣняется теперь съ Президентомъ Соединенныхъ Штатовъ? замѣтила одна изъ подругъ.

— Конечно, нѣтъ, воскликнула миссисъ Корбеттъ. Я прежде ненавидѣла боксъ, но теперь должна сознаться, я безконечно счастлива, Джимъ — боксеръ. Я — жена чемпіона!...

⁂

Ново - Орлеанскимъ боемъ закончилось мое боксерское образованіе. Я зналъ досконально правила маркиза Квинбюри, но это обстоятельство ни на іоту не увеличило моего интереса къ этому спорту. — Я откровенно въ этомъ сознался Рузвельту, когда онъ меня звалъ поѣхать на какое - то важное состязаніе въ одинъ изъ южныхъ штатовъ.

— Покорнѣйше благодарю, сказалъ я, больше меня на эти мордобитія никакими калачами не заманите. Теперь когда я добросовѣстно ознакомился со всѣми правилами я считаю себя въ правѣ высказать свое мнѣніе: боксъ мнѣ просто противенъ.

Рузвельтъ только плечами пожалъ.

— Ничего съ вами не подѣлаешь, — сказалъ онъ, — въ васъ видимо какого то винтика недостаетъ.

Мы остались друзьями, но продолжали встрѣчаться на другой почвѣ. Въ Вашингтонѣ существуетъ и по сейчасъ старинный клубъ «Космосъ», гдѣ собираются ученые, профессора и литераторы. Рузвельтъ игралъ на собраніяхъ этого клуба первенствующую роль. Имъ заслушивались. Говорилъ онъ хорошо, дѣльно, внятно и красно. Слушая его, нельзя было разгадать, кто онъ

собственно по профессіи: зоологъ, охотникъ на дикихъ звѣрей, преподаватель исторіи, юристъ или политическій дѣятель?

Мнѣ случалось обѣдать у Рузвельта. Онъ жилъ тогда очень скромно въ маленькомъ домикѣ на маленькой улицѣ въ Вашингтонѣ. Обѣды его отличались простотой. Собиралось 5 - 8 человѣкъ не больше, все больше ученые, писатели, путешественники, дипломаты. Хозяйка, миссисъ Рузвельтъ, была зачастую единственной дамой за столомъ. Самъ Рузвельтъ былъ увлекательнымъ и всегда въ высшей степени интереснымъ хозяиномъ.

Въ разговорахъ со мною онъ забрасывалъ меня вопросами о Россіи. Я чувствовалъ себя какъ ученикъ на экзаменѣ. Иногда предлагаемые имъ вопросы были до такой степени спеціальные и техническіе, что онъ задавалъ мнѣ ихъ письменно и я посылалъ ему отвѣты черезъ нѣсколько дней, справившись въ статистическихъ и другихъ нашихъ изданіяхъ. Выходило нѣчто вродѣ письменнаго экзамена.

Однажды я спросилъ Рузвельта.

— Вы не задумали-ли писать книгу о Россіи?

— Пока нѣтъ, отвѣтилъ онъ, но я собираю матеріалы, потому что живо интересуюсь Россіей и очень хотѣлъ бы посѣтить вашу родину. — Я предвижу громадную будущность Россіи. Конечно и ей придется пройти черезъ извѣстныя встряски и, можетъ быть, тяжелыя потрясенія, но все это пройдетъ, и послѣ того Россія воспрянетъ и сдѣлается оплоотмъ всей Европы, самой могущественной можетъ быть во всемъ мірѣ державой.

Этому разговору теперь больше 30 лѣтъ. Тогда никому и въ голову не приходила ни Японская война, ни Портсмутскій договоръ, ни Міровая война, ни еще меньше большевистское иго, но Рузвельтъ предвидѣлъ что-

то недоброе для Россіи, «потрясенія», которыя будутъ лишь временными, послѣ чего наступитъ въ Россіи благоденствіе.

Я тогда - же записалъ эти слова въ тетрадку. Они произвели на меня впечатлѣніе, и въ продолженіи всей моей дальнѣйшей службы глаза мои были широко открыты на всѣ опасности угрожавшія Россіи. Съ своей стороны я сдѣлалъ все, что могъ для того, чтобы предупредить и предотвратить «встряску», но я не былъ никогда у власти и все что могъ сдѣлать, было очень мало.

Въ то время въ Америкѣ появился Джорджъ Кеннанъ. Онъ разсказывалъ, что пріѣхалъ изъ Сибири, привезъ съ собой цѣнные матеріалы для доказательства безчеловѣчности русскихъ властей и несостоятельности государственнаго строя въ Россіи.

Кеннанъ началъ съ того, что помѣщалъ въ газетахъ и журналахъ сенсаціонныя статьи о жизни каторжниковъ въ Сибири. Затѣмъ онъ сталъ разъѣзжать по Америкѣ и читать лекціи. Выходилъ на сцену въ кандалахъ, одѣвался каторжникомъ, посредствомъ волшебнаго фонаря показывалъ разные ужасы и плелъ невѣроятную чепуху на Россію.

— Что вы на это скажете? спросилъ меня однажды Рузвельтъ.

— Скажу во-первыхъ, что 90% того, что говоритъ этотъ человѣкъ — сплошной вздоръ, а во-вторыхъ, что онъ самъ не вѣритъ тому, что брешетъ, но дѣлаетъ такъ по заказу.

— Возможно, но вѣрно во всякомъ случаѣ то, что эта пропаганда сильно подрываетъ популярность и

расположеніе американцевъ къ Россіи и русскимъ. Защищайтесь.

— Какъ и чѣмъ?

— Да тѣмъ-же оружіемъ. При этомъ Рузвельтъ указалъ мнѣ на бумагу и перо.

Я понялъ и засѣлъ за работу. Написалъ статью, озаглавилъ ее «Голосъ за Россію» (audiatur et altera pars) и послалъ ее въ самый серьезный американскій ежемѣсячникъ «Century» и по сейчасъ издающійся въ Нью - Іоркѣ. Черезъ мѣсяцъ вышелъ номеръ этого журналъ съ моей статьей.

Тутъ только я позналъ, какъ американцы въ самомъ дѣлѣ любятъ и интересуются Россіей. Съ каждой почтой я получалъ пачки писемъ отъ неизвѣстныхъ мнѣ лицъ съ разныхъ концовъ материка. Большинство писемъ въ высшей степени сочувственныя; многіе предлагали вопросы относительно Россіи, наводили справки, нѣкоторые предупреждали относительно Кеннана, разоблачали еврейскій заговоръ противъ царской власти и указывали, что пропаганда Кеннана начинаетъ приносить плоды.

Выписки изъ моей статьи приводились въ газетахъ различныхъ направленій.

Дошло и до русской печати.

Въ «Новомъ Времени» отъ 3-15 февраля 1893 г. я прочелъ нижеслѣдующія строки (С. Петербургъ «Новое Время», № 6083):

Въ весьма распространенномъ американскомъ ежемѣсячникѣ, превосходно иллюстрируемомъ, «Century» появилась статья сына покойнаго С. П. Боткина,, П. С., служащаго секретаремъ русской миссіи въ Вашингтонѣ. Статья эта разбираетъ тѣ навѣты и клеветы, которые

раздаются въ Америкѣ, благодаря нашимъ недругамъ. Мы еще не получили самаго журнала, но въ нашей нью-іоркской корреспонденціи передается сегодня кратко эта статья.

Въ защиту Россіи.

НЬЮ-ІОРКЪ, 22-го января (3-го февраля).

(Корреспонденція «Новаго Времени»)

Въ только что вышедшемъ номерѣ журнала «Century» за февраль мѣсяцъ, помѣщена статья A voice for Russia» (Голосъ въ защиту Россіи), — написанная П. С. Боткинымъ, секретаремъ русской миссіи въ Вашингтонѣ. То обстоятельство, что чиновникъ русскаго правительства выступилъ съ словомъ предъ американской публикой, вызвало слѣдующія коментаріи со стороны редакціи журнала.

Въ «Century» отъ времени до времени помѣщались статьи, въ которыхъ критиковались нѣкоторыя внутреннія дѣла Россійской имперіи, чѣмъ, конечно, не выказывалось недоброжелательство по отношенію къ странѣ, которая доказала свою дружбу къ намъ въ годину нашей національной опасности. Въ нашемъ журналѣ часто появлялись статьи, трактовавшія о сибирскихъ тюрьмахъ и о положеніи евреевъ въ Россіи... Теперь мы просимъ читателей «Century» выслушать «другую сторону», прочитать статью, написанную секретаремъ русской миссіи въ Вашингтонѣ. Намъ неизвѣстно, чтобы въ какомъ либо американскомъ журналѣ, когда-либо прежде появлялась статья русскаго оффиціальнаго лица, излагавшая свой взглядъ на тотъ или иной предметъ. Что бы читатель ни подумалъ объ этомъ взглядѣ, изложенномъ вкратцѣ

г. Боткинымъ, но тутъ въ высшей степени знаменателенъ тотъ фактъ, что чиновнику русскаго правительства было позволено выступить передъ американской публикой со статьей, излагающей его взглядъ на внутреннія дѣла, какъ онъ самъ ихъ понимаетъ.

Съ своей стороны мы напомнимъ читателямъ «Новаго Времени», что именно въ «Century» печатались статьи г. Кенана о Сибири, надѣлавшія такъ много шума заграницей.

Свою статью г. Боткинъ началъ разсказомъ о томъ, какъ въ русскую миссію въ Вашингтонѣ явился одинъ старикъ-американецъ и просилъ показать ему подробную карту Берингова моря, такъ какъ у него явилась мысль — построить мостъ изъ Аляски въ Сибирь. Г. Боткинъ, пожимая руку американца, отвѣчалъ, что мостъ, соединяющій С. Ш. съ Россіей, уже построенъ и будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока русскіе и американцы будутъ дружески жать другъ другу руки. Но въ виду того, что въ настоящее время вздымаются волны общественнаго мнѣнія, угрожающія нашему «мосту чувствъ», то онъ, Боткинъ, и счелъ нужнымъ попробовать утишить эти волны или, по крайней мѣрѣ, уменьшить ихъ дѣйствіе. Его, автора, ни мало не удивляетъ невѣжество американцевъ относительно Россіи, — такъ какъ Россія такъ далеко отъ Америки; но его поражаютъ недружелюбныя чувства, часто высказываемыя въ разныхъ американскихъ газетахъ, журналахъ и даже книгахъ, — особенно въ виду вѣскихъ фактовъ, доказывающихъ дружбу между американцами и русскими. Вотъ два знаменательныхъ, отнынѣ историческихъ факта: появленіе русской эскадры въ американскихъ водахъ во время междоусобной войны въ Соединенныхъ Штатахъ и, во-вторыхъ, доставленіе

хлѣба изъ Америки въ Россію во время прошлогодняго голода въ послѣдней.

Возражая на обвиненія, что «Россія — страна страшная, деспотическая, Россія притѣсняетъ евреевъ, все нерусское подвергается насильственному обрусѣнію, православная церковь не вѣротерпима, что въ Россіи ужасная Сибирь», г. Боткинъ говоритъ, что наша страна дѣйствительно страшна, но страшна — врагамъ, а не друзьямъ, что она молода и могуча, что она едина и нераздѣльна и, обнимая свыше ста милліоновъ душъ, послушна единой волѣ Монарха: «Россія столь же естественно автократическое государство, какъ Соединенные Штаты — естественная республика. Сила Россіи именно и заключается въ этомъ единствѣ власти, крѣпкой вѣрѣ, любви народа къ своему отечеству и преданности и довѣріи къ Монарху. Въ неустанной заботѣ о благѣ своихъ подданныхъ, Государь не останавливается ни передъ какою мѣрою, которая полезна для Россіи», и т. д.

Упомянувъ, что въ Россіи смертная казнь менѣе примѣняется, чѣмъ во всякой другой странѣ, авторъ переходитъ къ статьямъ Кенана. Мнѣнію Кенана онъ противопоставляетъ мнѣніе членовъ четвертаго тюремнаго международнаго конгресса, засѣдавшаго въ Петербургѣ въ 1891 году и мнѣніе англичанина г. Прайса, изложенное въ книгѣ «Отъ Арктическаго океана до Желтаго моря», Лондонъ, 1892. Когда же будетъ построена великая Сибирская желѣзная дорога, то американцы сами будутъ посѣщать и далекую Сибирь, и тогда изгладится то впечатлѣніе, которое произвели на читателя статьи Кенана и ему подобныхъ писателей.

⁂

Черезъ нѣсколько дней послѣ появленія этой корреспонденціи въ «Новомъ Времени», я получилъ изъ Петербурга нѣсколько враждебныхъ писемъ. Излишне прибавлять, что письма были анонимныя.

⁂

Вотъ еще вырѣзка другой статьи:

Наши заатлантическіе друзья

Статья П. С. Боткина въ защиту Россіи произвела огромное впечатлѣніе и вызвала новое торжественное заявленіе симпатій къ Россіи со стороны С.-Американской республики. Коментируя эту статью, американская печать съ горячей признательностью вспоминаетъ услуги, оказанныя республикѣ Царствующимъ Домомъ Романовыхъ. Одна изъ самыхъ распространенныхъ американскихъ газетъ, «New Iork Sun», пишетъ по этому поводу слѣдующее:

«Американскій народъ никогда не забудетъ, что «присоединеніе императрицы Екатерины къ такъ называемой лигѣ нейтральныхъ державъ «Ligne of Neutrals» сломило упрямство Георга III, поколебало твердость британскихъ министровъ и повело къ признанію независимости С.-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Американскій народъ не забудетъ, что Александръ I спасъ нашу торговлю, когда, бравируя гнѣвомъ Наполеона, онъ отказался принять стѣснительныя мѣры противъ американскихъ судовъ въ портахъ Балтійскаго моря. Но этого мало. Великія заслуги Дома Романовыхъ передъ Американской республикой достигли своего кульминаціоннаго пункта при императорѣ Александрѣ II, въ самый критическій моментъ нашей исторіи, когда императоръ французовъ употреблялъ всѣ

усилія, чтобы склонить англійское правительство стать вмѣстѣ съ нимъ на сторону южныхъ рабовладѣльческихъ штатовъ. Въ этотъ важный историческій моментъ Освободитель русскихъ крестьянъ рѣшительно заступился за освободителей негровъ, за Сѣверные Американскіе Штаты, приказавъ своимъ посламъ въ Парижѣ и Лондонѣ категорически заявить, что, въ случаѣ какихъ-либо попытокъ къ расторженію С.-Американскаго Союза, Россія этимъ попыткамъ энергически воспротивится. Одновременно съ этимъ, многочисленный русскій флотъ былъ отправленъ въ Нью-Іоркъ, а отдѣльная русская эскадра въ Санъ-Франциско. Ради нашей республики, такимъ образомъ, ради цѣлости нашего Союза, Русскій Царь обнаружилъ твердое намѣреніе воевать, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что такой поступокъ Царя предотвратилъ отъ насъ великую катастрофу».

Обращаясь затѣмъ, къ автору статьи «Century» П. С. Боткину, «N. I. Sun», говоритъ: «мы можемъ увѣрить г. Боткина, что обращеніе къ американскому общественному мнѣнію русскаго представителя никогда не пройдетъ у насъ незамѣченнымъ и что узы признательности и дружбы, связывающія насъ съ великой Сѣверной имперіей, никогда не были такъ прочны, какъ въ настоящее время».

И, дѣйствительно, не только американская печать, но и все американское общество съ большою сердечностью, почти съ энтузіазмомъ, отозвалось на статью молодого русскаго дипломата.

Г. Боткинъ можетъ по праву гордиться своимъ обращеніемъ къ американскому обществу, а русское общество можетъ лишній разъ убѣдиться, что симпатіи, соединяющія Россію съ американской республикой, не

платоническія, а дѣятельныя, историческія симпатіи, засвидѣтельствованныя въ прошедшемъ, проявляющіяся въ настоящемъ и обѣщающія великую пользу обоимъ народамъ въ будущемъ.

***

Вслѣдъ за этой статьей я опять получилъ и на этотъ разъ болѣе ядовитыя анонимныя письма.

Кто были моими недоброжелателями — я не зналъ, но догадывался, что недовольство идетъ изъ нѣдръ самаго министерства.

Всѣмъ не угодишь. Между нашими чиновниками есть въ самомъ дѣлѣ довольно сложные типы. Такъ, напр., тѣ самые, которые въ мое отсутствіе за чайнымъ столомъ въ Департаментѣ говаривали:

«... А Боткинъ то?.. каковъ!.. Вотъ хватилъ... въ министры мѣтитъ... Говорятъ, имъ на верху очень недовольны... да оно и понятно... Кому же можетъ быть пріятно, чтобы маленькій чиновникъ заграницей вдругъ вздумалъ играть политическую роль?... Вотъ увидите, Боткина теперь отзовутъ изъ Америки... Можно быть карьеристомъ, но надо же и мѣру знать... зарвался голубчикъ... такъ дальше нельзя... пора осадить...»

Эти же самые чиновники по возвращеніи моемъ въ Петербургъ въ тѣхъ же самыхъ чайныхъ комнатахъ нѣжно обнимали меня и троекратно лобызая приговаривали:

«... Ну, дружище, честь тебѣ и слава, молодчина, высоко держишь наше знамя заграницей... порадовалъ насъ, молодчина...»

**
*

Заговорилъ противъ меня и Джорджъ Кенанъ. Онъ убѣждалъ своихъ слушателей не вѣрить молодому человѣку, который, по его мнѣнію не сознаетъ, что пишетъ. Его бѣсило, что статья «свѣтскаго молокососа» могла надѣлать столько шуму и подорвать кредитъ его филиппикамъ, направленнымъ противъ Императорскаго Правительства.

Рузвельтъ наслаждался полемикой. Ему, какъ истинному бойцу, въ политикѣ больше всего нравилась борьба.

— Хорошо, говорилъ онъ мнѣ, но не останавливайтесь на полъ-пути. Идите дальше. Выработайте себѣ программу и поѣзжайте читать лекціи о Россіи. Сражайтесь тѣмъ-же оружіемъ какимъ на васъ нападаютъ.

Я былъ готовъ послѣдовать его совѣту, но нужно было для этого предварительно заручиться разрѣшеніемъ начальства.

Посланникомъ нашимъ въ Вашингтонѣ былъ въ то время Князь Григорій Львовичъ Кантакузенъ, замѣнившій К. В. Струве. Князь былъ въ высшей степени порядочный и хорошій человѣкъ, но человѣкъ стараго закала, свои добрыя качества онъ скрывалъ подъ маской холоднаго и подчасъ суроваго начальника. Я имѣю основанія думать, что князь любилъ меня, но мой веселый нравъ его коробилъ и онъ частенько обдавалъ меня ушатомъ холодной воды.

Князь Кантакузенъ придерживался старыхъ традицій и къ новшествамъ относился скептически.

Когда я заговорилъ о моихъ планахъ Посланникъ

взглянулъ на меня какъ на человѣка внезапно потерявшаго разсудокъ.

— Что съ вами? воскликнулъ онъ, ваши успѣхи кажется вскружили вамъ голову. Что вы воображаете? Вы — Аделина Патти?.. Баттистини?.. Падеревскій? Нѣтъ, до этого еще не дошло, чтобы дипломаты выступали на подмосткахъ съ волшебными фонарями... нѣтъ!..

. . . .

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того я былъ назначенъ секретаремъ нашей новой Миссіи при Великомъ Герцогѣ Гессенскомъ въ Дармштадтѣ.

***

Когда я пришелъ прощаться съ Рузвельтомъ, онъ не могъ скрыть своего недоумѣнія.

— Дармштадтъ, Дармштадтъ, повторялъ онъ, да развѣ это дипломатическій постъ? Гессенъ — Дармштадтъ... На что нужны дипломаты Дармштадту?... Знаете, Боткинъ, что я вамъ посовѣтую, — заговорилъ онъ послѣ нѣкотораго раздумья — въ Дармштадтѣ вамъ конечно нечего будетъ дѣлать. Воспользуйтесь близостью Гейдельберга и запишитесь студентомъ въ Гейдельбергскій университетъ.

И Рузвельтъ принялся мнѣ объяснять съ жаромъ, у какихъ профессоровъ нужно слушать какіе курсы. Многіе Гейдельбергскіе преподаватели были ему лично знакомы и вообще онъ зналъ этотъ университетъ какъ свои карманы.

Пожимая крѣпко мою руку — «я съ вами не прощаюсь, дорогой другъ, сказалъ онъ мнѣ, мы еще увидимся въ нашей жизни и не разъ... Вы еще сюда вернетесь, я въ этомъ увѣренъ».

***

Пророчество Рузвельта вскорѣ сбылось. Не прошло и 3-хъ лѣтъ, какъ я снова оказался въ Вашингтонѣ Я былъ командированъ туда въ качествѣ делегата Императорскаго Правительства на такъ называемую Котиковую конференцію.

Рузвельтъ въ ней участія не принималъ. Онъ былъ въ то время товарищемъ морского министра и являлся въ кабинетѣ президента Макъ Кинлей центральной фигурой. Съ его появленіемъ работа закипѣла въ морскомъ вѣдомствѣ. Онъ совершенно преобразилъ это министерство и провелъ знаменитый билль въ парламентѣ о постройкѣ новыхъ военныхъ судовъ.

Я засталъ его за громаднымъ столомъ, заваленнымъ картами. Рузвельтъ былъ все тотъ-же — радушный, привѣтливый, необыкновенно бодрый и энергичный.

Я зналъ, что за эти 3 года онъ прославился какъ превосходный администраторъ.

Онъ былъ во главѣ полиціи города Нью-Іорка. Эта часть была особенно плоха въ то время, но въ короткій срокъ Рузвельтъ сдѣлалъ чудеса — такъ поднялъ это вѣдомство, что и по сейчасъ полиція Нью-Іорка считается одной изъ лучшихъ въ мірѣ.

Котиковое дѣло Рузвельтъ зналъ хорошо, и я удивился, что не нашелъ его имени въ числѣ делегатовъ Соединенныхъ Штатовъ.

— Нынѣшняя конференція, сказалъ онъ мнѣ, можетъ имѣть лишь академическій характеръ, такъ какъ канадцы въ послѣднюю минуту отказались въ ней уча-

ствовать — иными словами они хотятъ продолжать морскую охоту на котиковъ. Ваше дѣло дипломатовъ вразумить ихъ и подготовить почву для слѣдующей конференціи, на которой вопросъ о ловлѣ котиковъ въ открытомъ морѣ будетъ поставленъ ребромъ и разъ навсегда разрѣшенъ. Это не такъ легко какъ кажется, но это неизбѣжно. Иначе пропадутъ котиковыя стада.

Дѣйствительно котиковъ становилось съ каждымъ годомъ все меньше и меньше. Вся бѣда была въ морской охотѣ на котиковъ. Русскимъ, американцамъ и японцамъ она была воспрещена, а канадцы продолжали подъ предлогомъ, что море свободно для всѣхъ. Положимъ, это вѣрно, такъ объявилъ Гуго Гроцій еще въ 17 вѣкѣ — «mare liberum», — но Гуго Гроцій, несмотря на весь свой авторитетъ, о котикахъ понятія не имѣлъ и, конечно, не могъ знать ничего объ особенностяхъ этого необыкновеннаго звѣря.

Дѣло въ томъ, что котиковыя стада въ извѣстное время года лѣтомъ выплываютъ неизвѣстно откуда и располагаются на нашихъ, японскихъ и американскихъ (Алеутскихъ) островахъ на сѣверѣ Тихаго Океана. У Канады нѣтъ островов съ котиковыми лежбищами. Канадцы поэтому пользовались прохожденіемъ котиковыхъ стадъ, чтобы избивать ихъ въ открытомъ морѣ и тѣмъ наносили котиковому промыслу большой уронъ. Правильную охоту на котиковъ можно вести только на сушѣ т. е. на тѣхъ островахъ, гдѣ они проводятъ лѣто.

Объяснить это трудно въ двухъ словахъ, но нужно знать, что морской котикъ — полигамъ, такъ же какъ пѣтухъ въ курятникѣ.

Какъ только котиковыя стада появляются на островахъ, сейчасъ же самые сильные, старые морскіе коты обзаводятся гаремомъ на берегу моря, окружаютъ себя 30, 40, а то и больше матками. Матки лежатъ спокойно пока не производятъ на свѣтъ маленькихъ котиковъ, которыхъ держали въ своей утробѣ почти 12 мѣсяцевъ. Каждая матка даетъ только одного котика въ году. Послѣ разрѣшенія отъ бремени матокъ на островахъ наступаютъ двѣ самыя бурныя и шумныя недѣли въ году. Хозяева гаремовъ накрываютъ одну за другой всѣхъ своихъ матокъ, причемъ молодое поколѣніе, молодые самцы отчаянно лаютъ, ухаживая за молодыми самками. Молодые самцы отчаянно дерутся между собой.

Эти драки невыгодно отзывались на промыслѣ. Котики другъ друга уничтожали и во всякомъ случаѣ портили свои шкуры, поэтому издавна на котиковыхъ лежбищахъ молодые самцы, такъ называемые «холостяки», мѣстными жителями отгонялись въ сторону и приканчивались. Шкуры ихъ шли въ продажу, а остающимся въ живыхъ самцамъ предоставлялось спокойно заниматься воспроизводствомъ.

Все бы обстояло благополучно и котиковая порода только увеличивалась, если-бъ во время лѣтняго пребыванія своего на островахъ котики оставались въ предѣлахъ территоріальныхъ водъ, но бѣда въ томъ, что матки, вовсе не сообразуются съ этими границами, выплывали въ открытое море очень далеко, тамъ гдѣ теплое теченіе Гольфштрема даетъ имъ обильную пищу. Матки наѣдались до сыта рыбой и передъ тѣмъ какъ плыть обратно на свои острова, гдѣ у каждой былъ свой новорожденный котикъ, онѣ отдыхали на поверхности океана, иначе говоря, крѣпко спали.

Вотъ именно въ эти часы ихъ подстерегали канадцы. Подплывали вплотную на лодкахъ, ударомъ багра по мягкому черепу ошеломляли матку, а затѣмъ забирали туши на свои шкуны. Такимъ образомъ однимъ ударомъ уничтожалось три котика: сама матка, маленькій котикъ, котораго она кормила на островѣ и тотъ, котораго она носила въ утробѣ для будущаго года.

Все это было тщательно изслѣдовано и доказано американскими зоологами и моряками. Существуетъ въ Америкѣ цѣлая литература о котикахъ, описанія ихъ интереснѣйшей жизни, карты и прекрасные альбомы фотографическихъ снимковъ, но отъ этого дѣло не подвигалось впередъ — стада рѣдѣли съ каждымъ годомъ отъ морской охоты на матокъ канадцевъ, а канадцы отъ охоты не отказывались: море свободно для всѣхъ и дѣло съ концомъ.

Отъ Рузвельта я впервые узналъ о планахъ американскаго правительства выкупить у канадцевъ ихъ котиковый флотъ и заинтересовать ихъ въ котиковомъ промыслѣ, отдавая имъ ежегодно извѣстный процентъ шкуръ, добытыхъ на островахъ.

Планъ этотъ въ концѣ - концовъ былъ приведенъ въ исполненіе и только такимъ способомъ можно было спасти котиковую породу отъ полнаго уничтоженія.

По окончаніи работъ конференціи я зашелъ въ морское министерство къ Рузвельту. Онъ сидѣлъ надъ чертежами и о чемъ то оживленно бесѣдовалъ съ двумя адмиралами.

— «Здѣсь есть и для васъ кое-что, обратился онъ ко мнѣ, вручая толстый свертокъ чертежей новыхъ

американскихъ крейсеровъ, къ постройкѣ которыхъ тогда только что приступили американцы. Полагаю, что вашему морскому штабу будетъ интересно ознакомиться съ этой новинкой».

Я поблагодарилъ Рузвельта за цѣнный подарокъ и мы крѣпко пожали другъ другу руку... въ послѣдній разъ.

Больше я его не видѣлъ.

Рузвельтъ не долго оставался во главѣ морского вѣдомства. Какъ только началась война съ Испаніей онъ не вытерпѣлъ, не усидѣлъ на мягкомъ министерскомъ креслѣ, пустился въ бой и отличился въ Кубѣ, какъ кавалерійскій генералъ во главѣ отряда добровольцевъ, рефрейдеровъ.

Послѣ войны Рузвельтъ сдѣлался едва - ли не самымъ популярнымъ человѣкомъ въ Америкѣ. Тотчасъже онъ былъ избранъ почти безъ оппозиціи губернаторомъ штата Нью-Іорка. Съ присущей ему энергіей Рузвельтъ принялся искоренять злоупотребленія и дѣйствовалъ такъ смѣло, что не только демократы, но и республиканцы перепугались. На президентскихъ выборахъ, когда республиканцы избрали на второе четырыхлѣтіе президента Макъ-Кинлея, постъ вице-президента былъ предложенъ Рузвельту. Такимъ образомъ недоброжелатели и враги Рузвельта — а ихъ у него было много — надѣялись отдѣлаться отъ него по крайней мѣрѣ на четыре года. Согласно американской конституціи вице-президентъ никакой активной роли не можетъ играть. Вице-президентъ предсѣдательствуетъ въ Се-

натѣ — вотъ и все. Онъ долженъ сидѣть спокойно и быть готовымъ замѣнить президента въ случаѣ его болѣзни или смерти. Такая перспектива была вовсе не по вкусу Рузвельта. Онъ ни за что не хотѣлъ выступать кандидатомъ въ вице-президенты. Его выбрали, такъ сказать, насильно. Онъ упирался сколько могъ и былъ въ отчаяніи, когда избраніе состоялось, но и тутъ его счастливая звѣзда вывела его изъ тупика. Макъ Кинлей, какъ извѣстно, былъ вскорѣ убитъ двумя выстрѣлами какого-то польскаго анархиста и Рузвельтъ сдѣлался президентомъ Соединенныхъ Штатовъ. Онъ оставался въ этой должности почти 8 лѣтъ, такъ какъ по истеченіи срока президентства Макъ Кинлея Рузвельтъ былъ избранъ въ президенты громаднымъ большинствомъ голосовъ на четырехлѣтіе 1904 — 1908 гг. О томъ, что онъ сдѣлалъ за это время для Америки — не мнѣ говорить. Не даромъ американцы ставятъ Рузвельта рядомъ съ Вашингтономъ и Линкольномъ. Рузвельтъ — ихъ національная гордость. Для насъ, русскихъ, имя его связано неразрывно съ Портсмутскимъ договоромъ, положившимъ конецъ войны съ Японіей.

Въ то время у насъ, въ Россіи, многіе осуждали Портсмутскій договоръ. Военные люди говорили, что Японцы были истощены и долго бы не продержались. Допустимъ, что это такъ, но кто можетъ навѣрное сказать, что произошло-бы, если-бъ Портсмутскій договоръ не былъ заключенъ? Революція тогда надвигалась на насъ какъ грозовая туча. Наши революціонеры только и ждали момента осуществить свои мечты переворотомъ, но миръ былъ заключенъ и тучи разсѣялись...

**
*

Въ 1908 г. въ Америкѣ предстояли президентскіе выборы. Рузвельтъ не выступилъ кандидатомъ, но рекомендовалъ двухъ своихъ ближайшихъ сотрудниковъ — Рута и Тафта. — Рутъ, сказалъ онъ, будетъ лучшимъ президентомъ, но Тафтъ — лучшій кандидатъ.

Избранъ былъ Тафтъ. Рутъ не былъ тогда популяренъ въ финансовыхъ кругахъ.

Въ 1912 г. республиканцы рѣшили вновь избрать Тафта на второе четырехлѣтіе, но тутъ Рузвельтъ совершилъ крупную ошибку. Онъ разошелся съ Тафтомъ и образовалъ со своими сторонниками новую партію. Расколъ среди республиканцевъ пагубно отозвался на выборахъ: въ президенты прошелъ демократическій кандидатъ Вудро Вильсонъ.

Съ тѣхъ поръ точно закатилась счастливая звѣзда Рузвельта. Онъ былъ попрежнему энергичнымъ, неутомимымъ и неунывающимъ политическимъ дѣятелемъ, но далеко не все ему удавалось.

Когда возгорѣлась міровая война, Рузвельтъ съ самаго начала ратовалъ за то, чтобы Америка не оставалась нейтральной, и самъ рвался въ бой. Когда наконецъ Соединенные Штаты стали на сторону союзниковъ, Рузвельтъ предложилъ Президенту тотчасъ-же отправиться во Францію во главѣ значительнаго отряда добровольцевъ, но услуги Рузвельта были отклонены. Обреченный на бездѣйствіе и отстраненный отъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ Рузвельтъ тосковалъ и сокрушался.

Гибель его младшаго сына, авіатора, въ бою съ непріятелемъ была для него тяжелымъ испытаніемъ, но

Рузвельтъ ни на одинъ день не пріостановилъ своихъ занятій и общественныхъ обязательствъ.

Одинъ изъ самыхъ близкихъ друзей Рузвельта разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ какъ онъ встрѣтился съ нимъ на слѣдующій день послѣ смерти молодого Квентина Рузвельта въ Гарвардскомъ клубѣ передъ какимъ то засѣданіемъ. Они были наединѣ, но другъ не осмѣливался говорить о понесенной утратѣ. Онъ молча крѣпко пожалъ руку Рузвельта. Оба молчали. Затѣмъ Рузвельтъ ударилъ по столу кулакомъ и оскаливъ свои зубы — «мой мальчикъ, произнесъ онъ, выполнилъ свой долгъ. Пойдемте - же и мы исполнять нашъ долгъ». На собраніи онъ говорилъ какъ ни въ чемъ не бывало. Никто бы не сказалъ, что всего нѣсколько часовъ передъ тѣмъ онъ узналъ что сынъ его упалъ со своимъ аэропланомъ во время воздушнаго сраженія. Нѣмцы его похоронили съ должными почестями.

Организмъ Рузвельта былъ сильно надорванъ, но онъ все же дожилъ до окончанія войны. Смерть подкралась незамѣтно. Онъ умеръ у себя на дачѣ въ ночь съ 5 на 6 января 1919 года въ мѣстечкѣ Ойстеръ Бей, на Лонгъ Эйландъ. Ему былъ 61 годъ.

Кто-то замѣтилъ, что смерть должна была захватить Рузвельта во время сна, иначе онъ, неутомимый боецъ, не дался бы ей въ руки. До послѣдняго дня онъ держался на ногахъ и велъ обычный, дѣятельный образъ жизни. Наканунѣ писалъ письма — у него была громадная переписка — и легъ спать въ обычное время ни на что не жалуясь. Ночью человѣкъ спавшій въ

сосѣдней комнатѣ замѣтилъ, что Рузвельтъ тяжело дышетъ и находится въ безсознательномъ состояніи. Весь домъ былъ разбуженъ, были приняты всѣ мѣры, но Рузвельтъ такъ и умеръ, не придя въ сознаніе. Его похоронили тамъ же въ Ойстеръ - Бей согласно его желанію на берегу моря.

Три года тому назадъ мнѣ пришлось быть въ Америкѣ. Я воспользовался пребываніемъ въ Нью-Іоркѣ, чтобы посѣтить могилу Рузвельта. Отъ Нью-Іорка до Остеръ Бей по желѣзной дорогѣ меньше часу ѣзды. Былъ холодный февральскій день. Воскресенье. На скромномъ деревенскомъ кладбищѣ я засталъ массу народа. Могила бывшаго президента была вся въ цвѣтахъ.

— Что, сегодня особенный день?... спросилъ я сторожа.

— Нѣтъ, каждое воскресенье сюда стекается отъ 2 до 3 тысячъ человѣкъ со всѣхъ концовъ Америки поклониться могилѣ «Тэди» Рузвельта. Это не много. Вы бы посмотрѣли, что здѣсь лѣтомъ творится...

Американцы умѣютъ чтить память своихъ сыновъ.

У Рузвельта при жизни было много политическихъ враговъ, но всѣ они послѣ смерти отдали дань популярному президенту. Разумѣется у него были, какъ и у всѣхъ, свои недостатки, но человѣкъ онъ былъ изъ ряда вонъ выдающійся и для своей страны много потрудившійся и многаго достигшій своими исключительными качествами и дарованіемъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

IMPRIMERIE PASCAL, 13, rue Pascal. — PARIS (5e)

Изданіе Е. СІЯЛЬСКОЙ.

2, Rue Pierre-le-Grand, PARIS (8ᵉ)